

ФАКУЛЬТЕТ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№ 1 (1) / 2013

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СОЗДАН НА ОСНОВЕ ЖУРНАЛА «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»
(ИЗДАВАВШЕГОСЯ С 2006 ПО 2011 гг.)
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. МАЙОРОВ
кандидат юридических
наук, доцент

КОРРЕКТУРА, ВЕРСТКА

Е. В. ЮЖАКОВА

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Адрес редакции:
Россия, 454081, г. Челябинск,
ул. Артиллерийская, д. 100
Тел./факс: 8 (351) 243-05-25
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru

Ответственность за аутентичность и
точность цитат, имен, названий и иных
сведений, а также за соблюдение
законов об интеллектуальной и иной
собственности несут авторы
публикуемых материалов

Отпечатано в издательстве
«Озерская сервисная компания»
Подписано в печать 30.09.2013
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,8
Тираж 300 экз. Заказ № 68

© Редакция журнала «Правопорядок:
история, теория, практика», 2013

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

С. В. ЗУЕВ
доктор юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. П. ГЕРАСИМОВА
кандидат юридических наук, доцент
Г. А. КАЗАРЦЕВА
кандидат педагогических наук, доцент
В. С. КОБЗОВ
доктор исторических наук, профессор
В. Н. МАЙСАК
кандидат исторических наук, доцент
Т. К. МАХРОВА
доктор исторических наук, доцент
Р. А. САБИТОВ
доктор юридических наук, профессор
А. И. СЕМЕНОВ
кандидат исторических наук, доцент
А. Б. СЕРГЕЕВ
доктор юридических наук, профессор
З. Р. ТАНАЕВА
доктор педагогических наук, доцент
Ф. М. ТЮЛЬПАНОВ
кандидат юридических наук, доцент

В НОМЕРЕ

К читателям..... 4

Международное право и защита прав человека

Герасимова Н.П. Проблемы реализации механизма защиты прав человека в современном российском государстве 5

Магденко А.Д. Международное спортивное право: проблемы статуирования отрасли 12

Фарыма В.И., Ладыгина А.И. Положение военнопленных французов в войне 1812 года..... 16

Уголовное право и криминология

Майоров А.В. Виктимологическая профилактика в отношении несовершеннолетних..... 20

Махрова Т.К. Формирование институтов противодействия теневым экономическим процессам в России: исторический аспект 24

Попов К.И. Компьютерные преступления – преступления мирового масштаба 28

Бахтеев С.С. Эффективность борьбы с незаконным оборотом алкогольной продукции 32

Уголовный процесс и криминалистика

Зуев С.В., Галыгина Е.С. Способы и пределы толкования норм уголовно-процессуального права 36

Никулочкин Е.О. Типичные следственные ситуации и особенности их формирования при доказывании наличия денежных средств, приобретенных в результате сбыта наркотических веществ..... 42

Сергеев А.Б. Криминалистическая характеристика рейдерства: теоретический аспект проблемы 47

Зуев С.В. Реализация предложений по совершенствованию законодательства (комментарий Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23–ФЗ)..... 50

Сергеев К.А. Основные направления совершенствования процессуальной деятельности по расследованию преступлений в корпоративной сфере 53

Гражданское право

Савченко Е.Я. Право потребителя на информацию в свете закона РФ «О защите прав потребителей»..... 57

Дорогова Е.В. Соотношение недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы 62

Экологическое право

Тюльпанов Ф.М. Понятие и основные характерные черты права сельскохозяйственного водопользования в условиях орошаемого земледелия 66

Проблемы профессионального образования

Танаева З.Р., Казарцева Г.А. Участие студентов в правовом просвещении как условие развития педагогических компетенций	71
Гришмановский Д.Ю. О работе юридических клиник в высших учебных заведениях (на примере Челябинской области)	75
Голощاپова Т.Г. Номинативные единицы русского языка, обозначающие понятия родства и свойства.....	77

Научный дебют

Галыгина Е.С. Функциональное толкование норм уголовно-процессуального права	80
Яковлева О.В. Обеспечение прав человека в зоне локальной войны	83
Брындина В.В. Права человека в неотомистской концепции Жака Маритена.....	86

Служу Отечеству!

200-летию Отечественной войны 1812 года посвящается... ..	89
Кобзов В.С. Наши земляки – участники Отечественной войны 1812 года.....	90
Кузнецов В.А. Об участии полков Оренбургского края в Отечественной войне 1812 года	95
Джунджужов С.В. Участие ставропольского калмыцкого полка в войнах с наполеоновской Францией: историографический и источниковедческий обзор	104
Тептеев А.Г. Участие казаков Нагайбацкой станицы в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов.....	109
Махрова Т.К. Из истории денежного обращения России в период наполеоновского вторжения	116
Тептеев А.Г. Пленные солдаты французской армии – родоначальники казачьих семей на Урале.....	124

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научно-практического журнала «Правопорядок: история, теория, практика» рада приветствовать Вас на страницах первого номера нашего издания!

Прежде всего, необходимо отметить, что Журнал выходит в свет при поддержке факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов ЮУрГУ (НИУ), созданного в 2011 году, с согласия ректората, коллективом сотрудников ликвидированного Челябинского юридического института МВД России. Вуз, на создание и становление которого положили свои силы и энергию сотни людей, обучивший и воспитавший не одну тысячу высокопрофессиональных специалистов, призванных служить народу и защищать его, обладавший огромным потенциалом развития и мощной материально-технической базой, прекратил свое существование, а вместе с ним и его научно-практический журнал «Юридическая теория и практика», выпускавшийся с 2006 года.

Коллективом редакции из числа профессорско-преподавательского состава ликвидированного ЧЮИ МВД России было принято решение о продолжении традиций научно-издательской деятельности и создании журнала «Правопорядок: история, теория, практика». Центральным элементом редакционной политики предлагаемого журнала является создание единой площадки для обмена мнениями, научными знаниями и опытом практической деятельности в правоохранительной сфере. Мы рассчитываем на максимально широкую читательскую аудиторию. Ведется работа по размещению журнала на собственном веб-сайте в свободном доступе, а также по созданию электронного архива предшествующей работы редакционной коллегии.

Мы постарались объединить все основные направления обычно публикуемых в научно-практических журналах материалов. Рубрики журнала, в основном, посвящены проблемам различных отраслей права, затрагивающим теоретический аспект законодательного регулирования и практику правоприменительной и правоохранительной деятельности. Также мы постарались осветить вопросы профессионального образования по подготовке специалистов в правоохранительной сфере. Особое внимание хотелось бы уделить такой рубрике, как «Научный дебют», на страницах которой мы предоставляем «место на трибуне» как аспирантам и адъюнктам, делающим первые шаги в науке, так и магистрантам и студентам – будущим юристам и специалистам в правоохранительной деятельности, успешно совмещающим учебу и научно-исследовательскую работу. Кроме того, считаем крайне важным рассказывать со страниц журнала о людях с интересными судьбами. В рубрике «Служу Отечеству!» читатели смогут узнать как об исторических личностях, так и о наших современниках – ветеранах и действующих сотрудниках правоохранительных органов – наших земляках-уральцах, и не только.

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов научных статей и сообщений! Также будем рады рассмотреть предложения о совместных проектах с высшими учебными заведениями, государственными органами и правозащитными общественными организациями.

Надеемся, что наш журнал «Правопорядок: история, теория, практика» будет полезен Вам в научной и практической деятельности!

С наилучшими пожеланиями и надеждой на плодотворное сотрудничество!
Редакционная коллегия

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Герасимова Н.П.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

В статье представлено авторское видение концепции механизма защиты прав и проблем его реализации в условиях демократизации российского государства. Кроме того, автором анализируются ряд законопроектов, призванных усилить ответственность должностных лиц и органов государственной власти за нарушения гражданских прав и свобод человека, отрегулировать процедуру федерального воздействия на власти и должностных лиц регионов, нарушающих своими решениями и действиями Конституцию и законы России

Ключевые слова: права человека, механизм защиты, демократия, государственная власть, ответственность должностных лиц.

Демократизация российского государства, ее теоретические концепции и реальная практика обусловили необходимость проанализировать механизм защиты прав человека, являющийся одним из существенных критериев соотношения общества и государства. После распада СССР на политической карте мира появилось новое государство – Российская Федерация. За прошедшие два десятилетия оно сумело сформировать свои главные институты, принять свою Конституцию как закон, имеющий прямое действие. Однако до сих пор продолжается дискуссия о характере и структуре нашего государства.

Так уж сложилась российская история, что вплоть до начала XX века у нашего государства не было граждан, а жители страны рассматривались в качестве подданных государя. То есть правилом было: «человек для государства». В советский период было декларировано, что государство встает на службу человеку, но этот лозунг, как и многие другие, остался на бумаге, на практике же действовало старое, привычное правило.

Неудивительно, что в отечественной политической элите, во многом рекрутированной из прежней партноменклатуры, столь сильна привычка руководствоваться не законом, а старым правилом, и жить «по понятиям» и «по усмотрению начальства». Слабость демократических традиций не позволила в 1991-1993 гг. сформировать сильное демократическое государство, ориентированное на защиту интересов и прав всех

его граждан, т. е. «государство для человека». А последующее нарастание авторитарной тенденции в политике и доминирование корпоративно-олигархических интересов в экономике свидетельствуют о слабости, хрупкости возрожденной российской государственности.

Опыт последних лет показывает, что авторитарное и олигархическое государство не может быть сильным, так как оно защищает интересы всего нескольких процентов граждан, тогда как огромное большинство (неимущие и малоимущие граждане и «средний класс») чувствует себя абсолютно незащищенным. Только сильное демократическое государство, олицетворяющее гражданское согласие по основным направлениям внутренней и внешней политики, способно в своей повседневной практике служить человеку и защищать его интересы и права. И лишь в таком государстве единственным источником власти становится его народ.

В демократической республике граждане прямо и через своих представителей участвуют в принятии решений и осуществляют контроль над деятельностью властных структур. Иными словами, правило «человек для государства», которым руководствуется бюрократия, должно быть отброшено, и в жизнь воплощен иной принцип – «государство для человека». Этот тезис на словах одобряют и многие представители российских официальных властей, но дело не движется с места, более того, ситуация даже

ухудшается. Вместо того чтобы стать «общим делом» граждан, посттоталитарное государство в силу своего номенклатурно-чиновничьего, олигархического и патерналистского характера оказалось частным делом федеральной, региональной и отраслевой бюрократии, новых политико-экономических элит, пронизанных коррупцией и связанных с организованной преступностью.

Опыт постсоветской России показывает, что при отсутствии ответственной государственной власти нет речи о защите прав и свобод человека, реальном верховенстве обязательных для всех законов, не могут существовать единое экономическое пространство и правовое государство. В стране не реализуются декларированные в новой Конституции Российской Федерации всеобщие права человека и гражданина, зато доминирует практика корпоративизма и номенклатурно-чиновничьих усмотрений. Действует множество установленных общенациональными и региональными властями особых прав-привилегий, специальных правовых режимов, разного рода льгот и исключений из общих правил в пользу отдельных лиц, социальных слоев, различных финансовых, экономических и этнических групп, профессий, корпораций и территорий.

Все эти антидемократические, по существу – привилегии мешают формированию и развитию в России сильного правового государства и гражданского общества. Сложившаяся ситуация способствовала созданию политической среды для нарастания социальных, политических и национальных конфликтов, для экономической и иной преступности. Все это сопровождается криминализацией всех основных структур, отношений и форм жизнедеятельности государственной власти и общества.

Думаем, что сложившуюся в России ситуацию нельзя сколько-нибудь существенно изменить в прогрессивном направлении простой корректировкой старого курса. Необходим качественно иной курс преобразований. Он должен быть основан на стратегии последовательного движения к новому типу российского государства,

в котором человек, его права и свободы являлись бы высшей ценностью. Под правами человека здесь, как представляется, надо понимать не совокупность гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав, а естественные, универсальные права человека, основанные на свободе и равенстве.

Защита прав и свобод человека и гражданина должна осуществляться, прежде всего, на уровне национального законодательства. Степень гарантированности прав и свобод человека в конкретном государстве зависит не столько от перечня прав, закрепленных в законодательстве, сколько от уровня развития механизмов и разработанности процедур, используемых при защите данных прав¹.

Главное для человека – свобода, которая должна быть органичной средой его обитания. Именно в такой среде человек избирает свой собственный жизненный путь, реализует свои интересы и развивает свои способности. Ж.-Ж. Руссо считал, что «эта общая свобода есть следствие человеческой природы. Ее первый закон – забота о самосохранении, ее первые заботы – те, которые человек обязан иметь по отношению к самому себе, и как только человек достигает разумного возраста, он становится своим собственным господином, будучи единственным судьей тех средств, которые пригодны для его самосохранения»².

Осуществляя новую стратегию устойчивого развития страны, государству не следует вмешиваться в частную жизнь человека и мешать самореализации его личности. Устанавливая определенные правовые нормы и обеспечивая их соблюдение всеми своими учреждениями и всеми гражданами, оно обязано очерчивать те пределы, в которых гражданин может действовать по собственному усмотрению, не посягая при этом на права и свободы других граждан. Свобода выбора включает ответственность перед самим собой, которая становится не тяжким грузом, а творческой силой. По этому поводу А. де Токвиль замечал: «Искусство жить свободными способно творить

чудеса, но в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить свободными».

Для России становление правовой и социальной государственности – задача первостепенной важности, ибо Россия, как крупная европейская страна, не может быть изолирована от интеграционных процессов, охвативших современный мир. В этих условиях необходима общенациональная идея, которая консолидировала бы общество и была основана на незыблемости, священности и неотъемлемости прав и свобод человека.

Таким образом, российская государственная власть должна, наконец, осознать, что права человека приоритетны. В этом, как представляется, и состоит главная идея современного развития России. Для ее реализации необходимо, чтобы все субъекты политики руководствовались следующими основополагающими принципами:

- верховенство закона;
- разделение властей;
- равноправие граждан;
- участие граждан в управлении государством;
- свобода совести;
- свобода слова, собраний, ассоциаций;
- гарантии государственной защиты прав человека.

Возникает естественный вопрос: «Если все эти принципы записаны в Конституции Российской Федерации 1993 года, почему же они до сих пор не реализуются в полной мере?» При ответе на него можно назвать множество разных причин исторического и культурного порядка. Отметим, по-нашему мнению, наиболее важные из них.

Во-первых, это слабость гражданского общества и его основных институтов, слабость российской демократии.

Отвечая «критикам демократии» К. Поппер заметил: «Демократические институты не могут улучшаться сами – их улучшение зависит и от нас. Проблема улучшения демократических институтов – это всегда проблема, стоящая перед личностями, а не перед институтами. В связи с этим любая демократия есть не что иное, как постоянная борьба граждан за свои

права, за партнерскую, ответственную, честную и эффективную государственную власть. Поэтому все зависит от гражданской активности людей, их творческой и жизненной энергии, уровня культуры и образования, нравственности и правового мышления»³.

Во-вторых, это неразвитость чувства гражданского и личного достоинства и нехватка умения отстаивать его цивилизованным образом. В этом отношении уместно напомнить справедливые слова Р. Иеринга: «Кто не чувствует, что в том случае, когда беззастенчиво нарушают и попирают его право, вопрос идет не просто об объекте этого права, но об его собственной личности, кто в подобном положении не испытывает стремления защитить себя и свое право, тот уже человек безнадежный»⁴.

В-третьих, слабостью нашего государства, особенно судебной власти, является низкий уровень правовой культуры. В большинстве случаев государственные служащие и должностные лица не привлекаются к ответственности за нарушения прав и свобод граждан и их объединений. Все еще господствуют «телефонное право», «политическая целесообразность» и «усмотрение вышестоящих начальников».

Нельзя не видеть, что для исправления существующей ситуации явно недостаточно мер по воспитанию личности как активного субъекта общества. Необходима сильная государственная воля в применении как правовых, так и политических, административных и экономических методов воздействия. Если говорить о правовых формах, то прежде всего надо использовать акты, позволяющие привлекать к ответственности должностных лиц, нарушающих Конституцию страны и федеральное законодательство.

В понятие «федерализм» разными авторами вкладывается совершенно различный смысл. Один подход, унаследованный от советских времен, можно охарактеризовать как «патерналистский», или бюрократический. Он предполагает, что федерализм строится сверху и является как бы благом, дарованным обществу властью.

В данном понимании федерализм сводится к этническому содержанию или межбюджетным отношениям центра и субъектов федерации. В нем не находится места правам человека и ценностям гражданского общества, проблеме отношений общество – власть как серьезному потенциалу влияния на развитие федерации в России. В результате оказывается, что права человека не защищены, а общество в который раз отчуждено от власти. Здесь не приходится говорить ни о каком самоуправлении граждан.

Таким образом, внутренняя суть федерализма – гуманистическое, демократическое и правовое содержание гражданского общества. Это готовность граждан к диалогу различных точек зрения, уважение интересов не только целого, но и его составляющих, способность к социальной и политической консолидации на основе широкого общественного согласия. Система властных органов при этом выстраивается так, чтобы максимально удовлетворить интересы развития общества в соответствии с его ценностными целевыми ориентирами.

Структурно принцип федерализма реализуется гражданским обществом как определенная, обеспечивающая условия для позитивного развития организация его гражданских и государственных институтов, характеризующаяся четким распределением управленческих функций. И здесь возникает необходимость рассмотреть федерализм как структурно-технологический фактор организации и управления государственных и социальных систем.

В связи с этим коллектив Института федерализма гражданского общества при участии ведущих правоведов страны разработал пакет законопроектов, призванных усилить ответственность должностных лиц и органов государственной власти за нарушения гражданских прав и свобод человека, отрегулировать процедуру федерального воздействия на власти и должностных лиц регионов, нарушающих своими решениями и действиями Конституцию и законы России, обеспечить реальное верховенство Конституции Российской Федерации на всей территории государства.

Первый закон – «Об ответственности государственных органов и должностных лиц за нарушение прав и свобод граждан» – ставит своей целью решение ряда юридических задач, таких, как:

конкретизация конституционной обязанности государства по обеспечению соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина;

выделение особого конституционно-правового вида ответственности, налагаемой на государственные органы и должностных лиц за нарушения прав и свобод граждан;

определение круга государственных органов и должностных лиц, несущих такую ответственность (субъекты ответственности);

установление критериев, в соответствии с которыми действия государственных органов и должностных лиц квалифицируются как нарушение прав и свобод граждан и влекут за собой применение мер конституционно-правовой ответственности (основания ответственности);

предложение конкретных мер конституционно-правовой ответственности, применяемых за такие нарушения (санкции);

разработка механизма применения конституционно-правовой ответственности (порядок применения ответственности).

Следующий законопроект – «О порядке приведения в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» – тесно связан с предыдущим законом, поскольку во многих случаях нарушение прав и свобод граждан происходит на основании местных региональных законов. Но региональная правовая самостоятельность этим не ограничивается. В областях, краях и в особенности в республиках практически еженедельно издаются законы и другие акты, в той или иной степени нарушающие Конституцию России и федеральные законы. В связи с этим предлагаемый законопроект преследует следующие цели:

обеспечить соответствие нормативных правовых актов органов государственной

власти субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству;

предотвратить появление новых подобных актов;

установить порядок приведения указанных актов в соответствие с Конституцией и законодательством Российской Федерации.

Для этого предполагается отрегулировать общие положения о необходимости соответствия нормативных правовых актов субъектов федерации Конституции и федеральному законодательству согласно ст. 4 и ст. 76 Конституции РФ; определить принципы соответствия Конституции России и федеральному законодательству нормативных правовых актов субъектов федерации. И, главное, установить механизмы обеспечения соответствия Конституции и федеральному законодательству региональных нормативных правовых актов. Особенно важно определить в законе, что означает принцип соответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации Конституции и федеральному законодательству. Мы предлагаем такие варианты проявления данного принципа:

все без исключения нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации должны издаваться с соблюдением Конституции РФ и не могут ее нарушать;

конституции и уставы субъектов должны соответствовать не только Конституции Российской Федерации, но и действующим федеральным конституционным законам и федеральным законам;

конституции и уставы субъектов не могут регулировать вопросы, отнесенные Конституцией страны к ведению Российской Федерации;

законы субъектов Российской Федерации принимаются только по вопросам ведения субъекта с соблюдением действующих федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также указов Президента Российской Федерации, заменяющих федеральные законы на период до их принятия;

нормативные правовые акты высшего должностного лица субъекта Российской

Федерации и (или) высшего исполнительного органа государственной власти субъекта, а также иных органов исполнительной власти субъекта федерации принимаются с соблюдением действующих федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации.

В законопроекте отражен запрет на установление органами государственной власти субъектов условий действия нормативных правовых актов федерального уровня на территории данного субъекта.

Сам федеральный нормативный правовой акт может содержать какие-то особенности его применения (реализации) на территории того или иного субъекта. Они определяются компетентным федеральным органом на стадии подготовки и принятия акта, возможно – по предложениям самих субъектов. Самовольные же действия региональных властей недопустимы.

Закон должен содержать также запрет на заключение договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке применения федеральных нормативных правовых актов на территории того или иного субъекта. Поскольку Конституция Российской Федерации устанавливает принцип равноправия ее субъектов, двухсторонними договорами не могут устанавливаться специфические правила применения или неприменения нормативных актов на территории субъекта. Такие особенности могут быть заложены в самом федеральном нормативном акте, а это означает, что заинтересованные участники общественных отношений получают исходную информацию уже в период подготовки и принятия нормативного акта и могут своевременно представить свои соображения.

В случае принятия указанного выше закона о федеральном вмешательстве могут быть применены соответствующие меры ответственности, если будет установлен заведомо умышленный характер действий

государственных органов и должностных лиц субъекта. Пока же в законе можно установить, что после приведения в соответствие с Конституцией и федеральным законодательством нормативного правового акта субъекта федеральные органы могут ставить перед компетентными органами субъекта федерации вопрос о досрочном прекращении полномочий органа или должностного лица, умышленно принявшего нормативный правовой акт, противоречащий Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству.

Все предлагаемые меры ни в коем случае не покушаются на какое-то ограничение демократии. Напротив, уважение и соблюдение законов – неперемное условие защиты прав и свобод человека, строительства подлинного федерализма, неотделимого от демократии и правового государства. Сегодня в России сложилась ситуация, когда существует реальная угроза становлению этих институтов. И только от политической воли высшей власти страны, властей субъектов федерации, облеченной в должные правовые формы, зависит, будут ли Конституция и законы России уважаться и выполняться на всей территории страны. А значит, по большому счету, будут ли защищены права и свободы человека, сохранится ли единство страны.

В современных условиях законность и соблюдение прав человека тесно взаимосвязаны. Эти явления отличает многоплановость и особая социальная «емкость». Идеи законности и прав человека пронизывают содержание демократии и демократических конституций; политики провозглашают приверженность им вне зависимости от вида политического режима – демократического или антидемократического. В стране с прочным режимом законности всегда наблюдается стремление государственной власти к обеспечению прав человека, равенства всех перед законом, неотвратимости ответственности за нарушение законодательных норм. В свою очередь демократия служит критерием для проверки подлинной законности и обеспечения прав и свобод индивидов. Демократия – это та граница, выход

за пределы которой означает отказ от законности и переход к нарушению прав человека.

Создание принципиально новой концепции законности представляет собой сложную задачу, которая, однако, может быть успешно разрешена в рамках юридической конфликтологии. «Теоретическое значение такого подхода состоит в возможности сопряжения конфликтов с государственными институтами и правом, а следовательно, рассмотрения конфликтов не в абстрактном социальном пространстве, а в реальной связи с действующими государственно-правовыми инструментами и структурами»⁵. Практическое значение данной концепции заключается в возможности воздействовать на зарождение, развитие и разрешение юридически значимого конфликта в рамках законности, т. е. использовать законность в качестве государственно-правового инструментария, способствующего прекращению конфликта или его предупреждению.

Назрела необходимость в разработке теории коллизионных норм. Способы охраны и защиты правовой государственности и прав человека должны отличаться многообразием нормативных и иных средств обеспечения, в котором коллизионным нормам нужно найти должное место. В частности, очевидно, что характеры и пределы правового регулирования конфликтных ситуаций должны быть достаточно свободными, а структура коллизионных норм обладать большей гибкостью, т. е. разнообразием альтернативных гипотез и санкций, а также управомочивающих диспозиций. Кроме того, в коллизионной норме может определяться не конкретный способ действия, а принцип, которым надлежит руководствоваться, избирая тот или иной вариант поведения.

Юридическая правомерность – это стержень разрешения конфликтов и режима законности, а также неотъемлемое условие уважения прав человека в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, производства предварительного следствия и дознания, исполнения судебных решений. Соблюдение законности

служит базовой предпосылкой уважительного отношения к личности. Тем самым уважение прав человека находится в зоне действия законности, тесно соприкасается с ней в нравственно-юридической области.

Уважение прав человека проявляется как сложное, многогранное, многомерное явление, в котором наиболее зримо выражены процессы нравственной, религиозной, политической эволюции общества, взаимоотношения личности и государства. Цель каждого общественного союза, состоящая в признании и обеспечении естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека, труднодостижима, если между их признанием и обеспечением нет связующего звена, «цементирующего материала», которым является уважение прав человека. Следовательно, в действующей формуле взаимоотношения личности и российского государства («признание – соблюдение – защита прав и свобод человека и гражданина») необходимо скорректировать заключительный элемент: «...защита интересов индивидов через уважение их прав».

В Документе Копенгагенского совещания подчеркивается, что административные решения, направленные против какого-либо лица, должны быть обоснованными, и, как правило, содержать указание на имеющиеся обычные средства правовой защиты. Эта норма имеет самостоятельное значение среди элементов справедливости, которые существенно необходимы для полного выражения достоинства, присущего человеческой личности.

Н.М. Коркунов писал: «Постановления российского законодательства о правах гражданской свободы представляются крайне устарелыми и неудовлетворительными ... совершенной несообразностью представляется бесправие личности перед административным произволом и полное отсутствие хотя бы малейшей свободы общественной деятельности»⁶. На современном этапе своего развития Россия обладает всем необходимым, чтобы реализовать защиты и гарантирование основных прав и свобод личности, провозглашенных в ее Конституции.

Примечания

1. Васильева Т. А. Средства защиты прав человека в странах Запада // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов прав человека. – М., 1994. – С. 163.
2. Аринин А. А. Государство для человека: новая стратегия развития России // Общественные науки и современность. – 2000. – № 6. – С. 23.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 152-153.
4. Аринин А. А. Государство для человека: новая стратегия развития России // Общественные науки и современность. – 2000. – № 6. – С. 59.
5. Международная жизнь. – 1990. – № 9. – С. 135–148.
6. Коркунов М. Н. Русское государственное право. – СПб., 1914. – С. 457

Герасимова Нина Павловна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент.

Магденко А.Д.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ СТАТУИРОВАНИЯ ОТРАСЛИ

Статья посвящена развитию международного спортивного права, проблемам его признания в качестве самостоятельной отрасли международного права. Автором рассматриваются различные аспекты регулирования международных спортивных отношений, а также существующие в этой области международные нормативные правовые акты.

Ключевые слова: международное право, отрасль права, международные спортивные отношения, федерации по видам спорта.

Современное международное право как общемировое достояние находится в состоянии постоянной эволюции и прогрессивного развития¹. В системе международного права появляются новые отрасли, осуществляется систематизация уже существующих отраслей, постоянно расширяется система международных нормативных правовых актов.

Проблема признания международного спортивного права (далее МСП) в качестве самостоятельной отрасли международного права является достаточно дискуссионной в отечественной правовой науке. Предметом этой относительно молодой отрасли международного права признается международное спортивное движение (МСД), которое своим масштабом охватывает не только соответствующий ей круг международных отношений, но и отношения в сфере спорта внутри отдельных государств. Международное спортивное движение – это форма международного движения, целью которого является развитие спорта как одного из средств достижения физического и духовного совершенства человека, укрепление международного спортивного сотрудничества². Сформировалась также и совокупность специфических, присущих именно этой отрасли, методов правового регулирования международных спортивных отношений. Следует отметить, что данная отрасль права достаточно хорошо кодифицирована, поскольку в ней имеются многочисленные и разнообразные источники права. Таким образом, мы видим, что имеются все теоретические основания квалифицировать спортивное право в качестве обособленной отрасли международного права³.

Традиционно основными источниками международного права считаются международно-правовые договоры и обычаи. Международный договор означает международное соглашение, заключенное субъектами международного права в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Сторонами договорного процесса выступают государства, а также иные субъекты международного права. К этим иным субъектам применительно к международному спортивному праву стоит отнести, в первую очередь, многочисленные международные организации спортивной направленности (МОК, СИЕПСС и т. п.).

Международные договоры в сфере МСП регулируют преимущественно отношения с участием физических и юридических лиц – субъектов внутреннего права государства (спортивных организаций, спортсменов), но обязательства по договору возлагаются на участвующие в нем государства, которые несут ответственность за приведение своего внутреннего права в соответствие со своими международными обязательствами. По субъектному составу договоры могут быть двусторонними и многосторонними. Двусторонние договоры заключаются только двумя государствами и действуют исключительно в их взаимных отношениях. В зависимости от пространственной сферы действия принято выделять региональные и универсальные

договоры. Региональные договоры приняты и действуют в пределах какого-либо региона, а универсальные имеют более широкий масштаб действия. Особую предметную группу среди договорных источников МСП составляют различные межведомственные соглашения. Следует подчеркнуть, что Российская Федерация активно сотрудничает со многими государствами в области спорта и физической культуры, заключая с этими государствами двусторонние соглашения и присоединяясь к многосторонним региональным и универсальным договорам. Эта тенденция является позитивной и свидетельствует о желании России стать полноправным членом МСД, быть лидером во многих его направлениях.

Наряду с положениями международных договоров и обычаев огромное значение в регулировании международных спортивных правоотношений играют нормативные акты международных спортивных организаций. К ним, в частности, относят уставы и другие нормативные документы, устанавливающие юридический статус и регламентирующие деятельность МОК, МПК, международных федераций по видам спорта и многих других организаций. Большинство ученых-международников считают акты международных организаций второстепенными источниками международного права, однако их значение в регулировании международных правоотношений трудно переоценить, особенно в области спорта.

В последнее время в зарубежной и отечественной литературе иногда проявляется тенденция к расширительному толкованию термина «международное спортивное право». Под ним понимается «более или менее определенный свод правил, принципов и процедур, которые управляют политическими и социальными последствиями транснациональной спортивной деятельности»⁴, т. е. совокупность норм, регулирующих как публично-правовые, так и частноправовые отношения в международной спортивной сфере. При подобном понимании МСП перечень юридических фактов, влекущих установление международных спортивных

отношений в области спорта, также необходимо расширить.

Если говорить о субъектах международного спортивного права, то следует привести в данном контексте перечень основных субъектов международного публичного права. Таковыми принято считать суверенные государства, нации, борющиеся за независимость, международные организации, государствоподобные образования и, в ограниченном объеме, индивиды. В МСП преимущественно в качестве субъектов выделяют государства, международные организации, а также национальные спортивные организации и спортсменов-индивидов.

Под государством в международном праве понимается страна со всеми присутствующими ей признаками суверенного государства (государственный суверенитет, территория, население и государственная власть). Именно эти признаки позволяют государству по праву считаться основным субъектом международного права. Особенность международного права состоит в том, что оно создается, прежде всего, государствами, которые выступают творцами международных прав и обязанностей. Международно-правовой статус других участников международных отношений, в том числе спортивных, в значительной мере определяется государствами.

Все государства равны в обладании правосубъектностью, но объем такой правосубъектности у разных государств неодинаков. Так, все они в равной степени могут заключать международные договоры по вопросам физической культуры и спорта, но не у всех одинаковое количество таких договоров и соответственно неидентичный набор прав и обязанностей, вытекающих из них. Мотивы и степень вовлечения государства в спорт определяют внутреннюю национальную модель спортивного движения, характерную для того или иного государства. Главной формой вовлечения государства в спорт является разработка и принятие актов спортивного законодательства.

Государства устанавливают правовые режимы, в рамках которых функционирует

массовый спорт, спорт высших достижений, включая профессиональный спорт, в том числе осуществляется управление спортивной сферой, финансирование спорта, его ресурсное обеспечение, сбор налогов, противодействие насилию и применению допинга в спорте, разрешение спортивных споров⁵.

Международная правосубъектность государства связана, прежде всего, с его участием в деятельности международных организаций. Вступление в члены организации предполагает принятие обязательств по ее уставу, признание полномочий организации и ее решений в соответствии с их юридической силой. Международную организацию можно определить, как добровольное объединение независимых государств, созданное на основе международного соглашения, которое определяет цели и принципы объединения, наделяет его независимыми постоянными органами, предназначенными отстаивать коллективные интересы и способными выражать волю объединения, юридически отличную от воли его членов.

Международные спортивные организации являются важнейшей группой субъектов международного спортивного права, но они по своей сути являются неправительственными. Членами этих организаций могут быть национальные, в ряде случаев – международные спортивные организации, а также учреждения и лица, имеющие отношение к деятельности в области физической культуры, физического воспитания и спорта⁶. Число таких организаций постоянно растет. Юридическим основанием для отнесения спортивных объединений к неправительственным организациям служит резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1296 от 23 мая 1968 г., которая утверждает: «Международной неправительственной организацией признается любая международная организация, не учрежденная на основании межправительственного соглашения». Эта же резолюция обозначила ряд признаков неправительственной организации: отсутствие целей извлечения прибыли; получение денежных средств более, чем из одной

страны; осуществление деятельности, по крайней мере, в двух государствах и т. д. Основную группу таких организаций в МСД составляют международные спортивные организации по отдельным видам спорта, в основном – международные спортивные федерации. В их числе международные федерации футбольных ассоциаций (ФИФА), гимнастики (ФИЖ), любительского плавания (ФИНА), любительская легкоатлетическая федерация (ИААФ) и многие другие. Эти субъекты разрабатывают и обеспечивают выполнение правил занятия соответствующими видами спорта, обеспечивают пропаганду и широкое развитие своего вида спорта во всем мире, берут на себя ответственность за технический контроль и руководство своими видами спорта на Олимпийских играх и т. д.

Международные спортивные отношения во многом зависят от того, как с ними соотносятся национальные субъекты этих отношений. Национальный спорт подавляющего большинства государств, как и мировой, организован на основе спортивных федераций. Они представляют собой общественные объединения, целями которых являются развитие одного или нескольких видов спорта, их пропаганда, проведение спортивных мероприятий и подготовка спортсменов сборных команд. Эти организации являются некоммерческими и, как правило, не подчиняются государственным структурам. К коллективным субъектам национального спорта можно также отнести национальные олимпийские комитеты, национальные спортивные федерации, спортивные клубы, физкультурно-спортивные общественные объединения. Проблема же отнесения к числу субъектов международного спортивного права индивидов является дискуссионной. Среди перечисленных коллективных субъектов наибольшее значение играют национальные олимпийские комитеты (НОК) и национальные спортивные федерации.

Национальные олимпийские комитеты являются руководящими органами олимпийского движения в соответствующих странах. Они официально признаются

Международным олимпийским комитетом. Основной задачей НОК является развитие и защита олимпийского движения в своих странах в соответствии с Олимпийской хартией. Эти субъекты представляют интересы своих государств в МСД. Именно они организуют участие спортсменов соответствующих государств в Олимпийских играх и соревнованиях, проводимых под патронажем МОК, возглавляют свои делегации на Олимпиадах и т. п. Национальные спортивные федерации представляют собой общественные объединения, целями которых

служат развитие одного или нескольких видов спорта, их пропаганда, проведение спортивных мероприятий, подготовка спортсменов сборных команд.

Таким образом, международное спортивное право можно классифицировать как специфическую комплексную отрасль международного права, обладающую сформированной собственной источниковой базой, а также универсальным субъектным составом, присущим только этой отрасли.

Примечания

1. Каламкрян Р. А., Мигачев Ю. И. Международное право : учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – С. 5.
2. Алексеев С. В. Международное спортивное право : учеб. ; под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. – С. 34.
3. Луппова А. В. Международное спортивное право как отрасль современного публичного права: история и перспективы развития // Вестник ТИСБИ. – 2010. – № 4.
4. Nafziger J.A.R. International Sport Law. – 2d ed. – Ardsley; New York, 2004. – P. 1.
5. Алексеев С. В. Указ. соч. – С. 364.
6. Алексеев С. В. О некоторых субъектах олимпийского права // Спорт: экономика, право, управление. – 2010. – № 3. – С. 3.

Магденко Александр Дмитриевич, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уральского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Фарыма В.И., Ладыгина А.И.

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ФРАНЦУЗОВ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В статье с позиций основ международного гуманитарного права освещается положение солдат французской армии – участников войны с Россией 1812 года, оказавшихся в русском плену и получивших статус военнопленных.

Ключевые слова: военнопленный, комбатант, некомбатант, Отечественная война 1812 года.

История человечества – это и история войн. За последние пять тысяч лет состоялось свыше 14 000 войн. В них погибло приблизительно 5 млрд людей, а за последние 3400 лет на Земле было лишь 250 лет общего мира.

Стремление ограничить жестокости войны проявлялось на различных этапах развития человечества. В древнеиндийском эпосе Махабхарата и Законах Ману содержалось запрещение воинам убивать врагов, если они были выведены из строя, то есть не были в состоянии сражаться. Раненые военнопленные должны были быть отправлены на родину после выздоровления.

В Древней Греции запрещалось убивать противника, который снимал шлем, показывая, что сдаётся. В средневековой Европе существовали детально расписанные правила ведения боев между рыцарями и обращения с пленными.

Появление огнестрельного оружия, в том числе артиллерии, централизация власти в феодальных государствах способствовали дальнейшим шагам по регулированию положения раненых, больных, военнопленных, а также женщин и детей в ходе военных действий. Командующие сражающихся друг с другом армий стали заключать соглашения (картели и капитуляции), в которых устанавливалось неучастие в войне женщин, неприкосновенность раненых, уважение к их имуществу. В Европе между 1581 и 1864 гг. было заключено около трехсот таких соглашений¹.

Наиболее известное из них – Договор о дружбе и мире, заключенный между Фридрихом Великим и Бенджамином Франклином в 1785 г., включал обязательство сторон воздерживаться от блокады и право

гражданских лиц – подданных каждой воюющей стороны покинуть территорию, затрагиваемую войной. По истечении установленного срока военнопленные получали право на то, чтобы сторона, во власти которой они находились, содержала их. Новые подходы к вопросам войны и мира и ограничения жестокостей войны наиболее ярко проявились в работе голландского юриста Гуго Гроция «О праве войны и мира». Гроций исходил из того, что каждое государство обладает неотъемлемым правом вести войну. При этом справедливая причина объявления войны не может быть поводом для нарушения ее правил воюющими сторонами. Насилие в войне имеет свои пределы, связанные только с такими усилиями, которые необходимы для победы, а не для наказания тех, кто войну проиграл. Поэтому, если это допускается условиями, в которых протекает война, и гражданскому населению, и воюющим должна быть сохранена жизнь².

Эти идеи привели другого мыслителя – Жана-Жака Руссо – в его работе «Об общественном договоре» к выводу о том, что поскольку война есть система отношений между государствами, то люди, сражающиеся на стороне государства как солдаты, обладают особым статусом, отличающимся от положения лиц, не принимающих участия в войне, то есть мирного населения. Но как только солдат из-за ранения или болезни выводится из строя, он перестает быть врагом. В таком случае его жизнь, как и жизнь любого лица из состава мирного населения, должна быть сохранена. Более того, она должна быть защищена государством. Закрепление принципов, разделивших население на комбатантов (воюющих) и некомбатантов (мирное

население) и установивших право военнопленного на жизнь, должны были существенно ограничить жестокости войны³.

В Отечественную войну 1812 г. число плененных в России, по мнению историков, составляло более 200 тысяч человек. Причем около 150 тысяч находились в спешно организованных спецлагерях и 50–60 тысяч – непосредственно у населения.

По высочайшей воле, для транспортировки плененных были определены два направления – юг (Тамбов – Одесса) и восток (Поволжье и Сибирь). В особом положении оказались поляки, бывшие подданные России или потенциально считавшиеся подданными, – особенно из литовских (нынешняя Белоруссия и Литва) и заднепровских (Волинь и Подол) губерний. Они рассматривались, во-первых, как изменники, во-вторых, как военнообязанные. Поляки были почти сразу отправлены на воинскую службу – в Терское и Сибирское казачьи войска. Пленные образовывали целые поселения. Заметное поселение сформировалось в городе Усть-Сысольске, это нынешний Сыктывкар. Один из его пригородов до сих пор называется Париж. Есть поселения с такими названиями в Челябинской области, Дагестане, Краснодарском крае, Грузии.

Старших офицеров отвозили, как правило, в Петербург, где они проживали во вполне комфортных условиях. Часть плененных распределяли по крестьянским дворам как работников. Иногда конвоировавшие плененных казаки продавали наполеоновских солдат и офицеров зажиточным крестьянам и помещикам. В редком дворянском доме не встречалось бы пленного француза-гувернера. Некоторые помещики записывали плененных в свои крепостные, лишь немногим из них удавалось потом получить свободу, паспорта и отбыть домой.

С января 1813 г. в газетах стали появляться объявления на итальянском и французском языках с просьбой прибыть на сборные пункты. Это относилось именно к тем пленным, кто во время отступления Великой армии остался в деревнях или попал в плен, разъезжая по русским селениям

в поисках провианта. Прося милостыню и ночлег, они обращались к местным жителям *cher ami* (фр. – «дорогой друг»), поэтому называли их шаромыжниками.

Состав плененных был многонациональным: здесь были французы, итальянцы, испанцы, португальцы, поляки, швейцарцы, пруссаки, саксонцы, венгры и так далее. Это попытались использовать, направив плененных воевать против французов.

Из плененных испанцев и португальцев был создан Александровский полк. В июне 1813 г. этот полк в составе 3738 солдат и офицеров на семи английских судах был отправлен из Риги в Испанию сражаться против французских войск.

Была предпринята попытка сформировать из плененных голландцев, бельгийцев, швейцарцев, хорватов франко-итальянский легион в Орле, но массовой записи в него не последовало.

Пленным, которые воевать не отправились, для улучшения материального положения разрешалось устраиваться на работу.

Было введено новое денежное содержание плененных. Унтер-офицерам, рядовым и нестроевым положен был солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам – 50 коп., майорам – 1 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб. Порционные деньги требовалось выдавать на 7 дней вперед⁴.

По воспоминаниям капитана Карла Вагевира, офицерского содержания – 50 копеек в день для офицеров чином ниже майора – хватало, чтобы жить хорошо, особенно по местным меркам. Все стоило очень дешево. Например, за 25 ободранных зайцев просили 4 копейки. Тушки замораживались и считались между пленными деликатесом. Правда, местное население не употребляло зайцев в пищу, считая их чем-то вроде кошек, а использовало только шкурку. Рядовой Кристоф Циммерман полагал достаточной для проживания сумму в 5 копеек в день. «Фунт лучшей говядины стоил 12–16 пфеннигов (7,5–10 коп.), фунт хлеба – 8 пфеннигов (5 коп.). Капуста и огурцы, выращивавшиеся повсеместно, стоили и того меньше»⁵.

Циркуляром Министерства внутренних дел России от 4 июля 1813 г. французским военнопленным разрешалось принять русское подданство. Письменную присягу «на временное или вечное подданство России» мог приносить любой солдат или офицер армии Наполеона и жить затем «вольным человеком» в любом месте Российской империи. Нижние чины принимались через министерство торговли и промышленности, а офицеры – через министерство полиции. В двухмесячный срок новообращенные подданные обязаны были избрать род занятий и сословие (дворян, мещан, крестьян), в противном случае с ними стали бы обращаться как с бродягами. Мастерским даровался ряд льгот: их записывали в мещане, освобождали с момента принятия присяги на 10 лет от всех податей «для обзаведения домом и хозяйством», гарантировали свободу вероисповедания. Желавших принять русское подданство среди пленных было много. Французские пленные, проживающие в Оренбургской губернии, не желая казаться чужими среди своих одностаничников, переменили свои прежние французские фамилии на русские и таким образом затерялись в общей массе казачьего населения так же, как утратили свои прозвища потомки французов, оставшихся в Бугульминском уезде.

Самые известные российские фамилии, ведущие род от офицеров и солдат Наполеона, – Драверты, Лансере, Кюи, Бойе, – это как раз потомки таких гувернеров. Считается, что Французовы, Гусаровы, Капраловы – это тоже потомки наполеоновских солдат. Большинство осевших в России комбатантов брали исконно русские фамилии. Вилье превращались в Велировых, Бушены – в Бушневых, Сент-Бевы – в Сентебовых, Матисы – в Матисовых. Актерская династия Менглет – тоже от пленных французов. Певец Эдуард Хиль – потомок наполеоновского испанского офицера. Внук Сталина, режиссер Александр Бурдонский, тоже имеет пращура – комба-

танта, правда, по женской линии. От комбатантов Великой армии вели свой род Феликс Дзержинский, советские полководцы Михаил Тухачевский (его предком был наполеоновский офицер Гаспарини), Константин Рокоссовский (его прадед – уланский лейтенант Наполеона)⁶.

В ноябре 1813 г. Кабинет министров утвердил Правила приема военнопленных в российское подданство. В циркуляре оговаривалось право индивидуального контракта для мастеровых, но только если они добровольно поедут на указанные в контракте завод или мануфактуру. Вводились и ограничения по географии расселения. Так, в стратегических районах (Польше, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Белостоке и Тернополе), а также в Москве и Петербурге селиться запрещалось (впрочем, относительно двух столиц эти ограничения особо не соблюдались). В 1836 более 2,5 тыс. бывших солдат и офицеров Наполеона проживали в Москве и Московской губернии. В двухмесячный срок пленные, желавшие остаться в России, должны были вступить во временное (от 2 до 10 лет) или вечное подданство. Всего к середине 1814 года русское подданство приняло примерно 60 тысяч пленных. Большинство из них стали ремесленниками, рабочими и мастерами на казенных мануфактурах и фабриках, а некоторые – владельцами частных мастерских. Среди них были гувернеры, камердинеры, владельцы лавок и приказчики-продавцы. Некоторые записались в сословие казаков. Большинство предпочитало записываться во временное гражданство.

Указом от 17 августа 1814 г. была дарована свобода «военнопленным всех наций, присягнувшим на подданство России, возвратиться, буде пожелают, в их отечество». Вместе с тем правительство «признало полезным поощрить пленных к оседлости в России». К сентябрю 1814 г. первая партия репатриантов в 2 тысячи человек собралась в Риге и вскоре на французских судах была отправлена в Гавр.

Примечания

1. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. – Международный комитет Красного Креста, 1994. – С. 27.
2. Гроций Г. О праве войны и мира. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты ; пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева. – М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.
4. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 19. – Д. 626. – Л. 607; Сб. исторических материалов, извлеченных из канцелярии его императорского величества. Вып. 14. – СПб., 1914, Ч. 2. – С. 148.
5. Wagevier C.J. Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en terugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. – Amsterdam, 1820; Belay H. Memoires d'un grenadier de la Grande Armée. – Paris, 1907; Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet Empire, du côte de l'Asie. – Paris, 1817; Fuzellier D. Journal de captivite en Russie. 1813-1814. – Boulogne, 1991; Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. – Paris, 1815; См.: Фюзейе Д. Дневник русского плена. 1813-1814 гг.; пер. с фр. // Лепта. – 1992. – № 3. – С. 152-165.
6. Привалов К. Осколки Империи // Комсомольская правда. – 2012. – 1 августа.

Фарыма Владимир Иванович, преподаватель кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Ладыгина Анастасия Игоревна, студентка группы № 250 Факультета Экономики и управления Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ*Майоров А.В.***ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с виктимологической профилактикой преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних; освещаются основные задачи ювенальной виктимологии, а также ставится вопрос о необходимости развития научной концепции ювенальной виктимологии.

Ключевые слова: ювенальная виктимология, несовершеннолетний, виктимологическая профилактика, виктимность, защита жертв преступлений.

Одним из приоритетных направлений государственной политики является защита прав детей. Согласно Всеобщей декларации прав человека дети имеют право на особую заботу и помощь. Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку семьи, материнства и детства. Подписав Конвенцию о правах ребенка и иные международные акты в сфере обеспечения прав детей, Российская Федерация выразила приверженность участию в усилиях мирового сообщества по формированию среды, комфортной и доброжелательной для жизни детей.

На сегодняшний день многие авторы небезосновательно говорят о ювенальной виктимологии, изучающей несовершеннолетних потерпевших от преступлений¹. Анализ проведенных исследований в этом направлении показывает, что удельный вес несовершеннолетних потерпевших превышает удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления, – 31,3% и 23,7% соответственно. По мнению исследователей, это объясняется рядом психологических особенностей возраста несовершеннолетних: доверчивость, легкая внушаемость, наивность, любопытство, неумение адекватно реагировать на быстро изменяющиеся ситуации в силу незавершенности их нравственного формирования, отставание психического развития от развития физического, преобладание в психической деятельности процессов возбуждения над процессами торможения, а иногда и просто физическая слабость ребенка, – все это способствует становлению жертв

преступления более, чем становлению преступника².

Рассматривая вопросы ювенальной виктимологии, следует сказать, что ювенальная виктимология как отрасль виктимологии впервые была отмечена в работах Д.В. Ривмана. Предметом исследований ювенальной виктимологии являются несовершеннолетние лица, не достигшие возраста 18 лет и ставшие жертвами преступлений³.

Следует отметить, что подтверждением самостоятельности и значимости данного направления профилактического воздействия на преступность являются положения Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в соответствии с которым основными задачами деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних являются: выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении⁴.

Заслуживает внимание и то, что в Уголовном кодексе Российской Федерации защите прав несовершеннолетних законодатель уделяет особое внимание, закрепляя главу 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних»⁵. Помимо этого в ряде статей Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего признака состава

преступления законодатель определяет охрану прав несовершеннолетних лиц, то есть лиц, не достигших 18-летнего возраста (ст. 126 ч. 2 п. «д», ст. 127 ч. 2 п. «д», ст. 131 ч. 3 п. «а», ст. 132 ч. 3 п. «а», ст. 150, ст. 151 и др.), отдельной охране подлежат новорожденный (ст. 106) и малолетние лица (ст. 105 ч. 2 п. «в», ст. 111 ч. 2 п. «б», ст. 112 ч. 2 п. «в» и др.), дети (ст. 153, ст. 154), а также можно встретить такой возрастной критерий как «дети до шести лет» (ст. 238 ч. 2 п. «в»).

Однако не стоит перекладывать всю ответственность за предупреждения преступлений в отношении несовершеннолетних на правоохранительные органы, ведь основы социального поведения ребенка закладываются его родителями, воспитателями и педагогами, теми, кто окружает его в повседневной жизни и с кого он берет пример, прислушивается к советам и правилам поведения.

В качестве специальных субъектов виктимологической профилактики выступают и государственные органы (виктимологические службы и подразделения государственных структур), и общественные организации, главная функция которых – виктимологическая профилактика, и специальные виктимологические издания⁶.

Виктимологические исследования, проводимые в последние годы, сформировали достаточные представления о возможностях виктимологической профилактики и ее необходимости⁷. Вместе с традиционной профилактикой, виктимологическая делает предупредительную деятельность логически завершенной⁸. При этом следует помнить, что виктимологическое предупреждение преступности является одним из наиболее гуманных и перспективных методов. Оно не требует серьезных материальных затрат и, базируясь на присущем всем людям стремлении к самозащите, обладает внутренним источником развития.

Виктимологическая профилактика преступлений в отношении несовершеннолетних обладает определенной спецификой, связанной с особенностями несовершеннолетнего как жертвы преступления. Основными задачами ювенальной виктимологии являются:

проведение исследований личности несовершеннолетнего потерпевшего;

выявление причин и условий, способствующих виктимизации несовершеннолетних;

разработка и совершенствование мер виктимологической профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних;

выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства в отношении несовершеннолетних жертв преступлений и практики его применения;

законодательное регулирование вопросов возмещения вреда и устранения последствий преступлений, совершенных против несовершеннолетних.

Следует отметить, что в последнее время был принят целый ряд федеральных законов, которые направлены на усиление мер защиты детей. В июне 2012 г. Президентом России был подписан Указ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». Правительством РФ утвержден специальный план мероприятий.

В обосновании указанной концепции отмечалось, что одной из самых опасных проблем является насилие над детьми. Значительная часть преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности детей совершается в семье, а также лицами, обязанными по закону заботиться о ребенке. Ситуация, сложившаяся в сфере профилактики преступлений против детей, защиты их прав, является неудовлетворительной и требует принятия неотложных мер⁹.

В рамках обсуждения актуальности вопроса о необходимости развития ювенальной виктимологии хотелось бы особо обратить внимание на положения указанной Стратегии, напрямую связанные с рассматриваемой проблемой. К таким следует отнести:

формирование действенных механизмов раннего выявления жестокого обращения и насилия в отношении ребенка, социального неблагополучия семей с детьми и оказания им помощи с участием учреждений образования, здравоохранения, социального обслуживания, в том числе закрепление

порядка межведомственного взаимодействия в деятельности по защите прав детей;

проведение мониторинга законодательства Российской Федерации в сфере защиты детства, в том числе уточнение и упорядочение правового содержания понятий «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации», «дети и семьи, находящиеся в социально опасном положении», «дети, нуждающиеся в помощи государства», «дети, оставшиеся без попечения родителей», «жестокое обращение с ребенком»;

формирование полноценной системы подготовки и повышения квалификации специалистов, работающих с детьми и в интересах детей;

организация распространения и внедрения передового опыта в сфере профилактики жестокого обращения с детьми и реабилитации пострадавших;

создание и распространение информации о правах ребенка, адаптированной для детей, родителей, учителей, специалистов, работающих с детьми и в интересах детей, через средства массовой информации, сеть «Интернет», организации и учреждения для детей;

создание и внедрение программ обучения детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, профилактики интернет-зависимости, предупреждения рисков вовлечения в противоправную деятельность, порнографию, участие во флешмобах;

создание правовых механизмов блокирования информационных каналов проникновения через источники массовой информации в детско-подростковую среду элементов криминальной психологии, культа насилия,

других откровенных антиобщественных тенденций и соответствующей им атрибутики;

приведение законодательства Российской Федерации в части, касающейся защиты прав и интересов детей, в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами с участием Российской Федерации и международными стандартами в области прав ребенка, а также с рекомендациями Совета Европы по правосудию в отношении детей;

разработка комплексной национальной программы по предотвращению насилия в отношении детей и реабилитации детей – жертв насилия;

создание эффективной многоуровневой системы защиты детства, основанной на международных стандартах.

Очевидно, что дальнейшее развитие теоретических подходов к рассмотренным нами вопросам, должно осуществляться с учетом специфики предмета, функций, задач, ближайших и отдаленных перспектив дальнейшего развития ювенальной виктимологии.

Вместе с тем не стоит забывать о том, что субъектами виктимологической профилактики несовершеннолетних (ювенальной виктимологии), в первую очередь, являются их родители, учителя и педагоги. Выявление факторов, способствующих виктимизации детей, подростков и молодежи, определение угроз, являющихся следствием социального развития современного общества, позволят определить основные направления деятельности образовательных учреждений по профилактике виктимизации несовершеннолетних и привитию навыков безопасного поведения в учебных заведениях, дома, на улице и в общественных местах.

Примечания

1. См., например: Галушко Д.М. Ювенальная виктимология: криминологические и социально-психологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 13; Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006; Вишневецкий К.В. Виктимность несовершеннолетних и проблемы социализации личности // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 9. С. 265–270; Котлярова И.О. Жертва и виктимность: явления и понятия // Виктимность человека как социальная проблема: материалы областной науч.-практ. конференции 21 февраля 2012 г.; под

- ред. И.О. Котляровой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 8–10; Николаева Ю.В. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 83–91.
2. См.: Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1988. – С. 75.
 3. Ривман Д.В. Криминальная виктимология: учеб. для вузов. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
 4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 03 декабря 2011 г.) // Рос. газ. – 1999. – 30 июня.
 5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2012). – М.: Проспект, 2013.
 6. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 912 с.
 7. Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 47 с.
 8. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 1997. – 408 с.
 9. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 № 761 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.

Майоров Андрей Владимирович, заведующий кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент.

Махрова Т.К.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена деятельности государства на разных этапах своей истории по созданию механизмов противодействия криминализации экономических отношений.

Ключевые слова: рыночная экономика, государственное регулирование, теневая экономика, противодействие.

Теневые экономические процессы в современном понимании связаны с деятельностью, приносящей доход, и движением денежных потоков вне правового поля. Нелегальные рынки выведены из сферы государственного контроля, они могут охватывать производство и сбыт как вполне легальных видов товаров и услуг, так и запрещенных государством к производству и свободному обороту. В любом случае государство не только теряет контроль над определенной экономической сферой, но и источник пополнения казны. Формирование круга проблем, связанных с внелегальной экономикой, зависит от наличия и особенностей системы государственного регулирования экономики, нормативной правовой базы такого регулирования, эффективности правоприменительного механизма. Немаловажное значение имеют и такие институциональные факторы, как сформировавшиеся традиции жизненного уклада населения и отдельных его групп, уровень общей и правовой культуры, менталитет участников рыночной деятельности. Все эти элементы современной рыночной среды – внутренней и внешней – имеют, как правило, и исторические корни. Государство на разных этапах своей истории опробует инструменты, создает механизмы противодействия внелегальности экономической деятельности. Этот исторический опыт становится для нас более интересен по мере приближения рыночной среды к ее современному облику (конечно, с учетом условности такого сближения, но не идентификации).

Формирование промышленной экономической структуры в аграрной России связы-

вают с эпохой ее буржуазного реформирования второй половины XIX – начала XX вв. и последующими революционными преобразованиями периода первых советских пятилеток. Рыночная среда за этот период менялась и подвергалась существенным искажениям, включая и пропорции легальности и внелегальности (а также представления об этих пропорциях, обусловленные разными идеологическими парадигмами). Тем интереснее для исследования эпоха, ставшая в истории России в определенном смысле переходной с точки зрения ее европеизации, восприятия идей и проектов преобразования экономических, социальных и политических институтов. Речь идет о периоде конца XVIII – первой половины XIX вв. Не рассматривая затянувшийся спор «западников» и «славянофилов», отметим, что именно в этот период Россия в лице части ее аристократической и бюрократической элиты, разночинной интеллигенции, передового офицерства, активного предпринимательского слоя начинает отказываться от архаических и варварских форм мысли и деятельности в пользу защиты и реализации идей Просвещения и так называемого «догоняющего развития». С экономической точки зрения – это развитие в сторону рынка и конкуренции, снятия сословных и иных феодальных ограничений, оно затянется более чем на столетие, в течение которого периоды либеральных увлечений будут сменяться наступлением реакции, а реформы – контрреформами. Как бы то ни было, рыночная экономика с государственным регулированием сопряжена с наличием рынков теневых, существование кото-

рых современная наука объясняет как реакцией рыночных субъектов на избыточное госрегулирование, так и природой стремящегося к максимизации выгоды «экономического человека».

Исследования таких рынков обособляются в подотрасль социально-экономического знания в 1960–70-е гг.¹, часто имеют региональный характер, иногда содержат и исторические реминисценции, позволяющие лучше понять суть явления или закономерность процесса. Для российских исследователей, занимающихся проблемами теневой экономики, важен аспект ее масштабности, объяснения причин разрастания границ теневого сектора до угрожающих размеров, зафиксированного на рубеже XX–XXI вв., поиск эффективных способов противодействия криминализации экономических отношений. Конечно, причинно-следственные связи обнаруживаются при изучении определенного исторического периода – последних советских десятилетий и первых постсоветских², однако при этом важно избежать соблазна списать всю «вину» на особенности советской социально-экономической системы. Существует и опасность экстраполяции, распространения «в глубь веков» скороспелых выводов о «ментальной предрасположенности» к определенным моделям поведения (например, коррупционного), о неискоренимой предпринимательской алчности и склонности к обману ради прибыли. Но в этом случае придется «забыть» знаменитый девиз Нижегородской ярмарки: «Прибыль превыше всего, но честь – превыше прибыли».

Обращаясь к полувековой эпохе подготовки буржуазных реформ в России, стараемся не забыть, а, наоборот, «вспомнить», собрать и сохранить свидетельства «живой» повседневной истории конкретного региона, определить тот арсенал инструментов, прежде всего правовых, с помощью которого государство осуществляло в этот период свои функции регулирования – регулирования не только рынков, но и нравов. Архивные хранилища Уральского региона предлагают нам материал для размышления, а может быть,

и выводов о том, «насколько мы были благодарны... в тот небольшой промежуток времени, когда мы отошли от варварства и породили великую русскую литературу». Нет возможности, к сожалению, сослаться на автора цитаты, но не процитировать невозможно...

Урал как объект исследования привлекает своим ресурсным богатством. И не только исследователей: известно, что теневые структуры именно в таких регионах ищут возможностей извлечения дохода, тех самых «бешеных денег»³. Оренбургский край в XIX в. – пограничный, в процессе заселения, с постоянным движением неоднородного – в национальном, сословном, религиозном отношении – населения, с растущей приграничной торговлей при недостаточном таможенном контроле. Более того, по ту сторону границы, в Бухаре, налажен в конце XVIII в. и продолжается в течение нескольких десятилетий выпуск фальшивых ассигнаций, распространяемых по территории России и составивших даже «конкуренцию» знаменитым «наполеоновкам»⁴. Остается добавить, что Оренбургский край был местом ссылки неблагонадежных, в частности дворян, занимавшихся тайным винокурением (при повторном обвинении по Уставу о винокурении 1765 г., ссылались в Оренбург и замеченные в корчемстве дворовые, если не годились для отдачи в солдаты⁵). Для организации теневых промыслов – удобно, для эффективной работы контролирующих органов и полиции – вряд ли.

Не урегулированы были многие вопросы и в правовом отношении. Именно в интересующий нас период усилиями учрежденных сначала Александром I, а затем Николаем I структур была проведена грандиозная работа по систематизации российского законодательства и составлению в соответствии с хронологическим принципом 46 томов Полного собрания законов (далее – ПСЗ), ставшего основой для создания 15-томного Свода законов Российской империи, ориентированного уже на действующие нормы и отраслевой

принцип построения. При составлении Свода, по мнению исследователей, не была преодолена казуальность, недостаточная определенность признаков составов преступлений и санкций, разбросанность отраслевых норм по разным томам, наличие пробелов в уголовном законодательстве⁶. Эти недостатки не были полностью преодолены и на следующем этапе кодификационной работы – при подготовке Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденного указом императора 15 августа 1845 г. Тем не менее, уровень юридической техники вырос, группировка составов преступлений в 12 разделах кодекса была осуществлена более чем по 150 направлениям. Среди них мы находим и раздел VII, сконцентрировавший основные составы, отражающие суть вилегальной экономической деятельности в ее современном понимании: «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» (ст. 581–1006). Раздел содержит 9 глав: глава 1. Положения общие; глава 2. О нарушении уставов монетных; глава 3. О нарушении уставов о гербовой бумаге; глава 4. О нарушении уставов горных; глава 5. О нарушении уставов о соли; глава 6. О нарушении постановления по питейному сбору и акцизу; глава 7. О нарушении уставов о выделке и продаже табака; глава 8. О нарушении уставов таможенных; глава 9. О нарушении уставов о казенных лесах⁷. Сами названия глав указывают на те ресурсы, получение доходов от которых интересовало, с одной стороны, государство, с другой стороны, людей предприимчивых, в том числе и склонных действовать в обход закона. Еще один ресурс, называемый сегодня административным, отражен в разделе V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной».

Аналогичное структурирование теневого рынка для решения задач нашего исследования выглядит вполне возможным. Конечно, само представление о существовании такого рынка еще размыто, не обобщено в статистике общеимперского или регионального уровня, но осознание ущерба, наносимого вилегальной деятельностью

государству, стремление его предотвратить или уменьшить, несомненно, присутствует в циркулярах и протоколах управленческих структур, переписке между государственными деятелями, чиновниками на местах и других документальных источниках.

В отношении определенных видов деятельности есть и достаточно четкие определения. Примером может служить известное со времен Московской Руси корчемство – тайное изготовление, провоз и продажа товаров, обложенных акцизом или составляющих регалию казны (вино, пиво, табак, соль). Для Оренбургского края актуально было не только общероссийское по масштабам питейное корчемство, но и соляное: на территории края располагался Илецкий соляной промысел (в 72 верстах от Оренбурга) и «самосадочные» соляные озера (в Челябинском уезде).

Развитие горных промыслов на Урале стало делом государственным и крупномасштабным, но один из его сегментов – золотодобыча – технологически давал возможность заниматься старательскими работами частным образом и тайно сбывать продукцию, имевшую в малом объеме высокую стоимость и пользовавшуюся постоянным спросом, например, у «азиатцев» (нелегальный товар направлялся с караванами в Бухару, Китай, часть – на Нижегородскую ярмарку). Легальные частные промыслы несли большие потери из-за хищений добытого золота, занимались ими самые различные категории населения, включая специально нанимаемых для охраны приисков местных жителей⁸.

Похищенное золото было лишь частью более обширного нелегального рынка краденых вещей, бороться с которым полиции всегда было сложно, а на приграничной территории особенно. Малодоступной для эффективного розыска была и территория башкирских кантонов, казахских кочевий. С этой проблемой столкнулись местные власти и при расследовании дел о фальшивых ассигнаций, которые из Бухары при посредничестве купцов-караванщиков и местных чиновников распространялись с территории края в центральные российские губернии.

Примечания

1. Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика. – М. : Норма, 2006. – С. 91.
2. Там же. – С. 251–281.
3. См. подр.: Логинов О. Ю. Бешеные деньги. От фальшивых монет до финансовых «пирамид». – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
4. См. подр.: Махрова Т. К. Сыск по делам о фальшивомонетничестве на территории Оренбургской губернии в первой половине XIX века // Силовые структуры России: история и современность : сб. науч. ст. ; под ред. В. В. Черных. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2009. – Вып. 14. – С. 104–116; Она же. Распространение фальшивых ассигнаций в Оренбургской губернии на рубеже XVIII-XIX вв. (из истории борьбы с фальшивомонетничеством) // Юридическая теория и практика. – 2009. – № 1. – С. 114–117.
5. См. подр.: Фирсов Н. Н. Русское законодательство о хлебном вине в XVIII столетии (страница из истории права XVIII столетия). – Казань : тип. Имп. ун-та, 1892. – 23 с.
6. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т.6 : Законодательство первой половины XIX века ; под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1988. – С. 161.
7. Там же. – С. 166.
8. Вишев И. И. О некоторых аспектах хищений золота на приисках Южного Урала в XIX веке // Жизнь в истории : сб. науч. ст. к 85-летию проф. А.П. Абрамовского / ред.-сост. Е. А. Калинкина, П. Ф. Назыров, О. Ю. Никонова. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 55-62.

Махрова Татьяна Кимовна, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор исторических наук, доцент.

Попов К.И.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ – ПРЕСТУПЛЕНИЯ МИРОВОГО МАСШТАБА

В статье рассматриваются компьютерные преступления, понятие компьютерных преступлений, уголовное законодательство России и компьютерные преступления в США, Интернет и пути преодоления компьютерных преступлений.

Ключевые слова: компьютерные преступления, их понятие, Интернет в борьбе с преступностью в сфере компьютерной информации.

В настоящее время компьютерная преступность, приобретая международный масштаб, уже получает адекватную оценку международным сообществом, что в частности получило отражение в специальной Конвенции по борьбе с киберпреступностью, подписанной в 2001 г. в Будапеште представителями 30 государств – членов Совета Европы. О масштабах виртуальной преступности с использованием Интернета только в США можно судить по следующим цифрам: в 2001 г. общий ущерб государственным и коммерческим структурам Америки от компьютерных хакеров составил около 400 млн долларов США, из них ущерб от кражи информации оценивается в 150 млн, от мошенничества – в 100 млн долларов США¹.

Что такое компьютерные преступления? Данный вопрос рассматривался многими учеными. И на сегодняшний день существуют различные понятия данного деяния.

Понятие «компьютерное преступление» имеет много значений. Так, в США оно включает в себя взлом чужого компьютера или компьютерной сети (этим занимаются хакеры); использование Интернета в качестве инструмента мошенничества или кражи ценной информации; хищения интеллектуальной собственности (например, незаконное скачивание музыки или видео), распространение компьютерных вирусов, спама и пр. В категорию компьютерных преступлений также попадают действия педофилов и иных сексуальных преступников.

В контексте уголовно-правового понятия компьютерное преступление трактуется отечественными специалистами как «предусмотренное уголовным законом

виновное нарушение чужих прав и интересов в отношении автоматизированных систем обработки данных, совершенное во вред подлежащим правовой охране правам и интересам физических и юридических лиц, общества и государства².

Понятие «компьютерная преступность» охватывает «преступления, совершаемые с помощью компьютеров, информационно-вычислительных систем и средств телекоммуникаций или направленные против них с корыстными либо некоторыми другими целями».

Ю.М. Батулин считает, что в юридическом смысле компьютерные преступления, как особая группа преступлений не существуют, но при этом подчеркивает, что многие традиционные виды преступлений усовершенствовались в результате привлечения средств вычислительной техники, и, следовательно, можно говорить только о компьютерных аспектах преступлений без выделения их в отдельную группу³.

Несколько иного мнения придерживается А.Н. Караханьян, который понимает под компьютерными преступлениями «противозаконные действия, объектом или орудием совершения которых являются электронно-вычислительные машины».

В целом в уголовно-правовой литературе последних лет при характеристике интересующей нас области противоправной деятельности используется целый ряд терминологических понятий, среди которых: «информационное преступление», «компьютерное преступление», «преступление в сфере компьютерной информации»⁴.

Уголовное наказание в России за совершение преступлений в сфере компьютерной информации предусмотрено главой 28 УК РФ. Преступными являются следующие виды деяний:

неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);

создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ);

нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ).

Как правило, эти преступления совершаются в совокупности с иными общественно опасными деяниями. Это обусловлено тем, что при использовании компьютерной информации в качестве средства совершения другого преступления, она сама становится предметом общественно опасного деяния. Невозможно противоправно воспользоваться компьютерной информацией, не нарушив при этом ее правовой защиты, то есть не совершив хотя бы одного из действий, перечисленных в п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵, а именно: уничтожения, модификации, копирования, блокирования, предоставления и распространения.

Таким образом, компьютерные преступления – это любое противоправное действие, при котором компьютер выступает либо как объект, против которого совершается преступление, либо как инструмент, используемый для совершения преступных действий. Также следует отметить, что компьютерные преступления – это преступления, совершенные с использованием компьютерной информации. При этом компьютерная информация является предметом и (или) средством совершения преступления.

Чаще всего компьютерная информация используется для совершения следующих преступлений:

нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ);

мошенничество (ст. 159 УК РФ);

подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей и бланков (ст. 327 УК РФ);

изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187 УК РФ);

изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ);

причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) – при незаконном использовании чужого логина и пароля доступа к ресурсам сети «Интернет»;

уклонение от уплаты налогов с организаций (ст. 199 УК РФ);

нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ);

незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);

незаконное распространение порнографических материалов (ст. 242 УК РФ);

изготовление и оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242-1 УК РФ);

незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ)⁶.

Сегодня возможно с помощью манипуляций клавишами клавиатуры персонального компьютера в любой стране получить необходимую информацию, хранящуюся в банке данных компьютерной системы другой страны, затем перевести ее в третью страну, достигнув при этом поставленной корыстной цели – похитить и присвоить денежные средства.

Примером этому может служить одно из уголовных дел, раскрытие которого осуществлялось отечественными правоохранительными органами в тесном контакте с правоохранительными органами США. Данное уголовное дело было возбуждено в отношении Левина и других граждан Российской Федерации, которые вступили в сговор с целью хищения денежных средств в крупных размерах, принадлежащих City Bank of America, расположенному в Нью-Йорке (США). Образовав устойчивую преступную

группу, они с конца июня по сентябрь 1994 года, используя электронную компьютерную систему телекоммуникационной связи – Интернет – и преодолев при этом несколько рубежей многоконтурной защиты от несанкционированного доступа, с помощью персонального компьютера стандартной конфигурации из офиса АОЗТ «Сатурн», находящегося в Санкт-Петербурге, вводили в систему управления наличными фондами указанного банка ложные сведения. В результате преступниками было осуществлено не менее 40 переводов денежных средств на общую сумму 10 миллионов 700 тысяч 952 доллара США со счетов клиентов названного банка на счета лиц, входящих в состав преступной группы, проживавших в шести странах: США, Великобритании, Израиле, Швейцарии, ФРГ, России. Так, например, в результате проведения первой операции было похищено 400 тысяч долларов США, которые поступили на счет Королькова, контролировавшего деятельность двух коммерческих компаний в штате Калифорния (США) и являвшегося другом детства Левина⁷.

По данным Контрольной Палаты США (Government Accountability Office), в 2005 г. компьютерные преступления различного рода нанесли экономике США ущерб в размере 67,2 млрд долларов. Для сравнения, совокупные затраты физических и юридических лиц США на Интернет в 2006 году составили \$102 млрд. долл. Компьютерный криминал с каждым днем становится все более опасным.

Важным является и то, что компьютерные преступления отличаются самой высокой латентностью – до 80%.

Таким образом, компьютерные преступления являются одним из самых распространенных видов преступлений. Это в первую очередь связано с массовостью распространения компьютеров, ведь в настоящее время компьютер стал столь же обычной принадлежностью нашего быта, как и холодильник или, скажем, телевизор. В связи с этим вполне обоснованно появились рассуждения о потенциальных возможностях, которые таят в себе компьютерные сети.

Нечистоплотная, а тем более преступная манипуляция компьютерной информацией представляет сегодня реальную опасность информационной безопасности не только для отдельного человека, но и для всего российского общества и государства. Развитие компьютерных технологий просто немыслимо без внедрения и развития информационного поля Интернет⁸.

Интернет появился в конце 70-х годов в качестве одной из вспомогательных систем связи и хранения информации в американском оборонно-научном комплексе. На самом деле вопрос о моменте зарождения Интернета является очень спорным. Рассматривая историю человечества как историю коммуникаций, некоторые историки Интернета ведут отсчет с 1961 г., когда Леонард Клейнрок опубликовал статью с изложением теории пакетной пересылки информации. Другие же считают, что все началось в 1957 г., когда русские запустили спутник, а американцы в ответ создали Агентство продвинутых исследовательских проектов. Еще одни утверждают, что Интернет начался в XIX в. – с прокладки трансатлантического кабеля в 1850 г., или даже с изобретения телеграфа в 1832 г. Некоторые забираются совсем далеко – до времен использования голубей в качестве почтальонов, либо до шумеров с их изобретением пиктографического письма.

Со временем, расширяя границы своих возможностей, Интернет перестал содержать одну только военную информацию. Сейчас пространство Интернет – это огромное поле, в котором можно найти продукты абсолютно всех сфер человеческой деятельности. Прежде всего, Интернет – это массовый информационный поток. Одним из достижений которого, можно считать поток общения путем «живого» обмена информацией. Речь в данном случае идет о таком способе сетевого общения как электронная почта. Согласно опросу, проведенному Стенфордским институтом количественных исследований общества, электронной почтой пользуются 90% опрошенных. По данным же российского агентства Monitoring.ru электронную почту используют 47% респондентов⁹.

В настоящее время в мире отсутствует унифицированная система, включающая в себя формулировки конкретных условий, принципов, требований, стандартов и критериев для обозначения и подробного описания феномена компьютерной преступности, а также однозначно характеризующая, фиксирующая и регистрирующая все совершенные компьютерные преступления, процесс их подготовки и попытки осуществления.

Однако можно с полной уверенностью сказать, что новые информационные технологии дали толчок не только в плане прогресса общества, но и стимулировали возникновение и развитие абсолютно новых проявлений преступности во всем мире. Более того, буквально до последнего вре-

мени считалось, что компьютерная преступность присуща лишь наиболее развитым странам. Но возникновение компьютерной преступности в странах с фактически полярным уровнем компьютеризации приводит к выводу о том, что это явление носит поистине глобальный характер и свойственно всем государствам, даже тем, которые только вступили на путь широкой информатизации своего общества¹⁰.

Подводя итог, следует отметить, что проблема компьютерных преступлений должна рассматриваться на всех уровнях власти, а также обсуждаться на международных конференциях. Ведь в настоящее время это одни из самых глобальных преступлений, которые затрагивают все страны мира.

Примечания

1. Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. – М. : Норма, 2003. – С. 251.
2. См., напр.: Уголовное право России. Особенная часть : учеб. / под ред. В. П. Ревина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юстицинформ, 2010; Уголовное право, Особенная часть : учеб. / под ред. А. И. Рарога. – М., 2011.
3. Батурий Ю. М., Жодзинский Н. Л., Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. – М., 1991. – С. 248.
4. Мелик Э. Компьютерные преступления. Информационно-аналитический обзор. – М., 1999; Сорокин А. В. Компьютерные преступления: уголовно-правовая характеристика, методика и практика раскрытия и расследования. – Курган, 1999. – С. 158.
5. Об информации, информатизации и защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.
6. Постатейный Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. А. Громова. – М., 2008.
7. Рассолов И. М. Указ. соч. – С. 252.
8. Информационные сообщения (по материалам средств массовой информации). – М. : Центр информации и внешних связей РИА Новости, 2007. – С. 359.
9. Двусторонний обмен информацией, то есть общение – кровеносная система сети // Итоги. – 2000. – № 12. – С. 20.
10. Компьютерная преступность : в 2 т. – М. : РФК-Имидж Лаб, 2006. – Т. 1.. – С. 12.

Попов Константин Иванович, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Уральского государственного университета физической культуры, кандидат юридических наук.

Бахтеев С.С.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Статья посвящена актуальной проблеме незаконного оборота алкогольной продукции, анализу эффективности принимаемых правоохранительными органами Российской Федерации мер по борьбе с этим распространенным явлением.

Ключевые слова: *незаконный оборот алкогольной продукции, фальсифицированная спирто-содержащая продукция, суррогат алкоголя, правила реализации алкогольной продукции, акцизы.*

В настоящее время количество реализуемой фальсифицированной алкогольной продукции приближается к 60%, что подрывает основы социально-экономического развития страны и является угрозой жизни и здоровью потребителей. Резко возросшая доля незаконного оборота алкогольной продукции породила нездоровую, а иногда и криминальную конкуренцию производителей винно-водочных изделий, а также целый ряд преступлений в сфере экономической деятельности, против собственности, здоровья населения и порядка управления.

Сфера производства и реализации алкогольной продукции является наиболее привлекательной для криминальных структур, что обусловлено высокой ликвидностью, повышенным спросом и быстротой оборачиваемости денежных средств. Еще в 2000-х годах государство ежегодно недополучало в бюджет в виде акцизов и сборов от производства и реализации алкогольной продукции, по экспертным оценкам, около 30 млрд рублей¹. По данным МВД России известно, что нелегальные предприниматели не ограничиваются сферой кустарного производства алкогольной продукции. На предприятиях данное производство организуется из неучтенного сырья. Широкое распространение получил ложный экспорт: в целях уклонения от уплаты акцизов предприятия заключают фиктивные контракты с зарубежными фирмами о поставках соответствующей продукции на экспорт, однако реализуют ее на внутреннем рынке. При этом государство несет убытки в виде разницы между акцизами на производство и таможенными платежами на экспорт. По информации председателя подкомитета государ-

ственного регулирования рынка подакцизных товаров В. Звагельского, растет доля оборота неучтенной продукции с использованием поддельных марок акцизного сбора, произведенной легальными предприятиями отрасли. Так, по данным МВД России, только за январь–сентябрь 2011 г. выявлено 107,6 тыс. нарушений в области производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, в том числе 1,6 тыс. – связанных с использованием поддельных марок акцизного сбора.

Данная проблема является многоаспектным явлением, охватывающим все сферы жизни общества: экономическую, правовую и социальную. Несомненно, что жизнь и здоровье человека является величайшей ценностью человечества, отсюда следует что одной из угроз этой ценности, жизни и здоровью граждан является алкоголь. Если вернуться в историю, то еще в 2001 г. из-за отравлений алкоголем в стране умерло 24260 человек (лидеры – Рязанская, Ленинградская области, Санкт-Петербург. Также наблюдался рост смертности от отравлений суррогатами алкоголя на Урале и в Сибири. В 2006 г. в 14 областях Российской Федерации были зафиксированы вспышки отравлений суррогатами. Более трех тысяч человек поступили с больницы с диагнозом «токсический гепатит»². В Челябинской области и городе Челябинске было массовое отравление, которое называли «спланированной диверсией». По информации Управления экономической безопасности ГУВД по Челябинской области, бутлегеры применили для изготовления фальсифицированной спиртосодержащей продукции дезинфицирующее средство «Гуане-

дин». Данный препарат входит в официальный перечень по списку «А» сильнодействующих и ядовитых веществ Минздрава России и не облагается акцизными сборами. Согласно данным прокуратуры по Челябинской области за октябрь–ноябрь 2006 г. с острым токсическим гепатитом обратилось 1708 человек, по данным начальника областного бюро судебно-медицинской экспертизы из них умерло 130³.

Всего же по оценкам экспертов употребление суррогатов уносит около 40 тысяч жизней ежегодно. Рост смертности наблюдается среди населения в возрасте от 25 до 60 лет. Увеличилось раннее и массовое приобщение к потреблению алкоголя подростков, не достигших 14 лет. Одной из причин повышения смертности в среде потребителей является возросшая токсичность фальсификатов алкогольной продукции. Основной ущерб жизни и здоровью наносит подделка всех алкогольных напитков путем частичной или полной замены этилового спирта техническим, содержащим повышенное количество сивушных масел, метилового спирта, альдегидов, кетонов, сложных эфиров, фурфурола, которые могут вызвать отравления разной степени тяжести вплоть до летального исхода. Зачастую нелегалы, не имеющие соответствующей лицензии на выпуск алкогольной продукции, изготавливая фальсифицированную продукцию, реализуют спиртное небольшими партиями через торгово-розничную сеть: киоски, кафе, закусочные и др. География реализации фальсификата не широка, обычно он распространяется в том же или прилегающем районе, городе, области. Причиной отравлений является наполнение алкогольного рынка некачественной, фальсифицированной алкогольной продукцией, торговля спиртными и слабоалкогольными напитками 24 часа в сутки торговыми точками не имеющими на это лицензии, причем в запрещенных администрацией города и области местах, постоянная реклама пива в СМИ.

Безусловно, в настоящее время принимаются меры противодействия данным проявлениям нарушения законодательства.

Глава администрации города Челябинска С.В. Давыдов предложил убрать точки продажи алкоголя из дворов, принять меры по запрету торговли алкогольными напитками в парках и скверах, около образовательных учреждений и ужесточить меры против продажи алкоголя несовершеннолетним. Правительство РФ утвердило правила определения региональными властями мест, где запрещена розничная продажа алкогольной продукции, в соответствии с которыми органы власти субъектов РФ будут определять места массового скопления граждан и нахождения источников повышенной опасности. В решениях должен быть указан период времени, в течение которого там не допускается розничная продажа алкогольной продукции.

В процессе расследования рассматриваемых преступлений, практические работники испытывают серьезные трудности, в частности при сборе и анализе информации, полученной при проведении предварительной проверки, установлении способов совершения преступлений, выявлении организаторов и участников теневого сектора алкогольного рынка, источников поступления сырья, мест изготовления и реализации продукции. Отсутствие должного взаимодействия как внутри системы правоохранительных органов, так и с другими государственными ведомствами, осуществляющих контроль за оборотом алкогольной продукции, негативно влияет на эффективность борьбы с преступлениями данной категории. Все это приводит к существенному росту числа лиц, не привлеченных к ответственности за совершенные преступления, необоснованному отказу в возбуждении уголовных дел, либо их прекращению на стадии расследования. Специфика расследования преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом спирта и алкогольной продукции, заключается в том, что установление важнейших обстоятельств, входящих в предмет доказывания, невозможно без проведения предварительных специальных исследований и проведения судебных экспертиз. Последовательность проведения экспертиз

зависит от конкретных обстоятельств совершенного преступления. Наиболее распространенными экспертизами, проводимыми по данной категории уголовных дел, являются: химическая (пищевая), трасологическая, техническая экспертиза документов, почерковедческая, судебно-медицинская, а также судебно-технологическая и фоноскопическая экспертиза. Проведение предварительных исследований позволяет следователю решить вопрос о возбуждении уголовного дела, а по результатам заключения экспертиз по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом алкогольной продукции, позволяет выдвинуть версии, провести дополнительные следственные действия, правильно определить причины и условия совершения преступления. Быстрое и эффективное расследование дел данной категории невозможно без тесного взаимодействия с экспертами и специалистами, использования специальных знаний и применения современных криминалистических средств и технологий.

Думается, что наступило время, когда необходимо реально подойти к оценке общественной опасности данного явления. Нам представляется, что в правоохранительных органах необходима конкретная служба (подразделение, отдел), по типу Федеральной службы по контролю над оборотом наркотиков, задачей которых будет являться борьба с незаконным производством, хранением, перевозкой и сбытом алкогольной и спиртосодержащей продукции. Прежде всего, данная служба должна располагать информационной базой – координационно-аналитическим центром (отделом) при ГИАЦ МВД России и его филиалах на региональном уровне. Главной задачей данного подразделения должен быть сбор информации по регионам России о криминальной обстановке на алкогольном рынке страны, региона, информационное обеспечение органов внутренних дел и осуществление превентивного контроля. По нашему мнению, координационно-аналитический центр (отдел) должен осуществлять следующие функции:

учет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;

учет преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции;

учет административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции;

проведение анализа криминогенной обстановки по регионам (информация о местах производства фальсифицированной продукции, данные о лицах – производителях, поставщиках сырья и фурнитуры, посредниках, сбытчиках, продавцах; учет количества изъятого спирта и алкогольной продукции; мест хранения, переработки и уничтожения);

учет лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции, уголовные дела в отношении которых были прекращены по различным основаниям, с указанием полученного от незаконной предпринимательской деятельности дохода; судимых и наказанных в административном порядке, в том числе учет организованных преступных групп, занимающихся контрабандой алкоголя, а также осуществляющих контроль за производством и оборотом спирта и алкогольной продукции;

получение информации от служб правоохранительных и государственных органов, обеспечивающих контроль оборота алкогольной продукции, министерств здравоохранения для проведения совместных совещаний, проверок, рейдов, ревизий, инвентаризаций в исполнение постановлений Правительства РФ, касающихся оборота спирта и алкогольной продукции на территории РФ;

осуществление внутриведомственного и межведомственного информационного обеспечения в форме обмена оперативной информацией о правонарушениях в сфере незаконного оборота алкогольной продукции с целью эффективного взаимодействия и проведения совместных согласованных комплексных мероприятий по выявлению и пресечению преступлений, таких как операции «Суррогат», «Поток», «Алкоголь», «Граница» и т. п.;

создание совместных следственных бригад и следственно-оперативных групп в случаях выявления преступных групп на региональном и межрегиональном уровнях;

организация методического обеспечения деятельности оперативных служб и следственных подразделений по расследованию уголовных дел данной категории, обобщение передового опыта;

осуществление взаимосвязи со средствами массовой информации.

Существует множество преступлений, когда преступный умысел направлен на достижение результата через жизнь и здоровье человека. Это убийства, бандитизм, терроризм, незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ, массовые беспорядки, катастрофы, преступления против собственности, экономической деятельности и безопасности. Они создают чрезвычайные ситуации криминального характера. По нашему мнению, чрезвычайной ситуацией криминального характера необходимо признать также незаконный оборот алкогольной продукции.

Производство алкогольной продукции оказывает огромное влияние на развитие российской экономики и на определенных этапах общества служит барометром стабильности и социальных отношений. Кроме того, отсутствие административной преюдиции, как это было предусмотрено в УК РСФСР 1960 г., дает возможность нелегалам все шире разворачивать свою деятельность. По нашему мнению, необходимо усилить ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность в сфере незаконного оборота алкогольной продукции, которая должна фиксироваться в административном порядке и составлять систему совершаемых преступлений. Кроме того, целесообразно ввести акциз на непивные спирты, которые используют нелегалы для производства алкогольной и спиртосодержащей продукции под видом парфюмерных изделий. Таким образом, теория должна постоянно корректироваться по мере роста разнообразия преступлений экономической направленности.

Примечания

1. Гурьев В. Алкогольные реки – в берега закона! // Защита и безопасность. – 2000. – №2 (9). – С. 18.
2. Коктейль по-черному // Российская газета. – 2006. – 2 ноября.
3. Шатюра М. Алкогольная диверсия? // Челябинский рабочий. – 2006. – 10 ноября.

Бахтеев Сергей Степанович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Уральского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Зуев С.В., Галыгина Е.С.

СПОСОБЫ И ПРЕДЕЛЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права заслуживают научного обоснования в разработке единых подходов, критериев и пределов данной деятельности. Различное количество видов, способов, приемов толкования предполагают высокий уровень правоприменителя, который должен действовать в рамках предоставленных ему законом возможностей, в соответствии с назначением и принципами уголовного судопроизводства, руководствуясь при этом практикой, профессиональным опытом и совестью

Ключевые слова: толкование, уголовный процесс, норма, закон

Уголовно-процессуальное законодательство состоит из правовых норм, применение которых невозможно без предварительного их толкования. Нормы выражаются при помощи слов, предложений, формулировок, для понятия смысла которых, а также их значения и логической связи необходима определенная мыслительная деятельность. Также следует отметить, что общеобязательные правила поведения зачастую характеризуются абстрактностью, поскольку законодатель вынужден использовать наиболее краткие формулировки для оформления воли государства. Кроме того, воля законодателя в нормативных актах выражена через средства и приемы юридической техники: специфическую терминологию, юридические конструкции, систему отсылок, понимание которых требует наличия специальных юридических знаний. Правоприменитель должен уметь не только оперативно и правильно выбирать из огромной массы нормативного материала нужную норму, но и правильно раскрыть ее содержание, определить волю законодателя, заложенную в тексте правовой нормы и довести смысл юридического предписания до физических лиц и организаций.

Также в уголовно-процессуальном законодательстве существует ряд норм, которые не подлежат однозначному толкованию. Реализация таких правил вызывает значительные сложности в правоприменительной деятельности правоохранительных органов и судей. В рамках того или иного нормативного предписания законодатель

изначально допускает возможность принятия вариативных решений, порой граничащих с нарушением закона, правовых обычаев, этики и морали, при производстве следственных и иных процессуальных действий. Решению данной проблемы способствует применение толкования норм данной отрасли права.

Толкование представляет собой интеллектуально-волевою деятельность различных субъектов, направленную на познание и разъяснение смысла правовой нормы. Толкование как специфическая юридическая деятельность является необходимым условием существования и развития права. Оно выполняет следующие функции:

познавательная функция – вытекает из самого содержания, сути толкования, в ходе которого субъекты познают право, содержание правовых предписаний;

конкретизационная функция – при толковании правовые предписания, как правило, конкретизируются, уточняются с учетом определенных обстоятельств;

регламентирующая функция – толкованием в форме официального разъяснения завершается процесс нормативной регламентации общественных отношений. Это означает, что граждане и организации, а также органы государства и должностные лица, применяющие право, должны руководствоваться не только юридическими нормами, но и актами их официального толкования;

правообеспечительная функция – некоторые акты толкования издаются для обеспечения единства и эффективности

правоприменительной практики. Таковы, например, постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам разъяснения положений закона;

сигнализаторская функция – толкование нормативных актов позволяет обнаружить их недостатки технического и юридического характера. Это является «сигналом» для законодателя о необходимости совершенствования соответствующих норм.

Процесс толкования состоит из двух этапов: 1) уяснение содержания правовой нормы, когда субъект определяет, как ему действовать в рамках конкретной нормы; 2) разъяснение смысла и содержания нормы иным лицам. Уяснение это внутренний мыслительный процесс, происходящий в сознании субъекта, применяющего норму права, направленный на познание конкретной нормы и права в целом. Подобное уяснение не имеет внешних форм выражения. Интерпретатор использует различные способы и приемы толкования.

Уголовное судопроизводство невозможно без толкования норм права, однако, правоприменители (следователи, дознаватели, прокуроры, судьи) обращаются к толкованию, как правило, с целью уяснения смысла нормы для дальнейшего ее применения, а не для разъяснения ее содержания. Следовательно, целесообразно рассмотреть процесс уяснения смысла правовой нормы, а именно существующие способы толкования норм права, применительно к нормам УПК РФ.

Способ толкования норм права – это совокупность однородных мыслительных приемов, средств, используемых для установления содержания норм права. Между учеными, занимающимися толкованием норм права, отсутствует единство мнений по поводу количества способов толкования и их содержания. В литературе можно встретить такие способы толкования, как: грамматический, систематический, исторический, телеологический, функциональный, логический и специально-юридический¹. При этом, по мнению В.В. Лазарева, большинство из них следует признать уместными как при толковании норм права,

так и целых законов и подзаконных актов (исключение составляет лишь функциональный способ толкования)².

М.Н. Марченко, Т.Я. Хабриева, А.В. Осипов признают лишь некоторые из существующих способов толкования, призывая использовать одни и игнорировать другие.

Представляется возможным согласиться с мнением В.В. Лазарева, поскольку в УПК РФ содержатся различные нормы, понимание которых не всегда возможно посредством буквального толкования, в связи с чем правоприменитель для уяснения смысла, вложенного в норму права, обращается к тому или иному способу толкования. По результатам опроса сотрудников следственных подразделений следственных органов, наиболее известными способами толкования для практических работников являются логический и специально-юридический, второе место занимает буквальное толкование, далее следуют функциональный, систематический, историко-политический и телеологический способы.

Рассмотрим подробнее некоторые способы толкования применительно к уголовно-процессуальному праву.

Так, при использовании грамматического способа толкования обращается внимание на смысл слов и терминов, с помощью которых сформулирована норма права. Устанавливаются синтаксические и морфологические структуры предложений. Например, положение п. 55 ст. 5 УПК РФ содержит определение уголовного преследования. Выясняя момент начала уголовного преследования, обратимся к этимологии слова и другим нормам УПК РФ. «Преследование» является производным от глагола «преследовать», то есть следовать (идти следом), «гнаться за кем-нибудь»³. Поэтому можно согласиться с мнением А.А. Усачева о том, что уголовное преследование берет начало еще до возбуждения уголовного дела, когда компетентные органы государства и уполномоченные лица проводят проверку информации о преступлении. В соответствии со ст. 146 УПК РФ до принятия решения о возбуждении уголовного дела допускается производство действий,

направленных на закрепление следов преступления и установление лица, его совершившего⁴.

При логическом способе толкования норма права и ее смысл разъясняются при помощи законов логики. Например, согласно ч. 3 ст. 178 УПК РФ эксгумация проводится только в строго определенных местах захоронения, то есть на специально отведенной территории и по специально установленным правилам, в связи с чем подобные захоронения имеют статус официального. При извлечении трупа из других мест, так называемых «криминальных могил», не могут применяться правила производства эксгумации. Их применение ведет к нарушению уголовно-процессуального законодательства и, следовательно, к признанию доказательств недопустимыми (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, ч. 1 ст. 75 УПК РФ). В данном случае следователь должен провести осмотр места происшествия и трупа⁵.

Историко-политический способ толкования предполагает установление смысла нормы права исходя из условий, обстоятельств, причин и поводов ее возникновения. Применение данного способа толкования помогает более тщательно разобраться в вопросе, касающемся момента начала уголовного преследования. Так, в Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 гг. использовались понятия «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования» как синонимы. В 1938 г. в теории уголовно-процессуального права устанавливается, что уголовное преследование начинается с момента предъявления обвинения. В 1951 г. появляется тождественность понятий «обвинение» и «уголовное преследование», следовательно, уголовное преследование может иметь место лишь в отношении лица, уже привлеченного в качестве обвиняемого⁶.

Систематическое толкование означает, что нормы права представляют собой взаимосогласованную систему, существуют не сами по себе, а в системе с другими нормами, входящими в конкретную отрасль права и другие отрасли. Исследуя связи норм, можно выяснить юридическую силу

определенной правовой нормы, сферу ее действия. Применение данного способа толкования позволяет разрешить некоторые спорные вопросы. Положение ст. 318 УПК РФ закрепляет порядок возбуждения уголовного дела частного обвинения, в то же время ч. 5 ст. 318 УПК РФ определяет содержание заявления, которое и является поводом для возбуждения уголовного дела. По мнению В.В. Хатуевой, в ст. 318 УПК РФ закреплено положение о том, что в заявлении должен быть указан список свидетелей, подлежащих вызову в суд, однако свой процедурный статус указанные лица приобретают только после вызова их на допрос⁷.

Суть специально-юридического способа толкования заключается в том, что воля законодателя в праве осуществляется не только с помощью общеупотребительных норм, но и с помощью специальных терминов, юридических понятий, категорий, конструкций, которые необходимо знать. Характерным примером данного способа являются рассуждения Ю.Г. Горбина, в которых он раскрывает цель проведения такого следственного действия, как освидетельствование (ст. 179 УПК РФ) через разъяснение понятий и терминов, составляющих правовую норму: особые приметы, телесные повреждения, следы преступления и т. д.⁸

Телеологический (целевой) способ толкования представляет собой процесс выяснения и уяснения цели создания какой-либо правовой нормы. С.А. Шейфер предпринимает попытку объяснить, для чего проводится освидетельствование, прибегая к толкованию нормы, закрепленной в ст. 179 УПК РФ. Данный автор поясняет, что помимо выявления на теле освидетельствуемого следов преступления и особых примет (а также телесных повреждений), положение, закрепленное в ст. 179 УПК РФ указывает и на такую цель этого действия, как выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела⁹.

Функциональный способ толкования опирается на знание факторов и условий, в которых функционирует, действует, применяется толкуемая норма права. Используется

при установлении содержания правовых норм, включающих оценочные термины, открытые перечни обстоятельств, управомачивающие понятия. Так, например, в соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. Понятие «необходимости» в УПК РФ не определено, поэтому имеется предположение, что данное следственное действие осуществляется по усмотрению следователя, в зависимости от складывающейся по уголовному делу ситуации¹⁰.

Рассматривая процесс уяснения смысла норм, нельзя забывать о второй составляющей толкования, а именно, о разъяснении установленного смысла. Некоторые авторы считают, что разъяснение приводит к определенным юридическим последствиям, которые позволяют признать толкование официальным или неофициальным, другие утверждают, что признать толкование официальным позволяет только статус субъекта, толкующего норму. Оба утверждения имеют право на существование, поскольку за основу берутся различные критерии деления. Однако, если исходить из того обстоятельства, что толкование напрямую связано с правовой нормой, целесообразно брать за основу критерий юридической значимости нормы, а следовательно, и ее юридических последствий.

Лица, осуществляющие предварительное расследование, занимаются так называемым казуальным толкованием, которое является подвидом официального толкования, но не имеет общеобязательного значения. Данное толкование сводится к уяснению смысла правовой нормы, с учетом ее применимости к конкретному случаю. Иногда толкование носит и разъясняющий характер (к примеру, когда следователь разъясняет участникам предварительного следствия их права и обязанности в ходе конкретного следственного действия).

Толкование призвано обеспечить полную и всестороннюю реализацию норм

права. Тем самым оно содействует единообразному пониманию и применению правовых норм на всей территории их действия, обеспечивает законность и стабильный правопорядок в различных сферах общественной жизни. Нормы уголовно-процессуального права не являются исключением. Толкование норм уголовно-процессуального права является базисной составляющей, на основе которой начинается, развивается и завершается правоприменительный процесс, а также осуществляется иная деятельность уголовно-процессуальной направленности. Толкование не только проникает во все стадии правоприменения, но также предшествует ему и не прекращается после его окончания. Все это свидетельствует о том, что толкование объективно имеет настолько широкое распространение в уголовном процессе, что его трудно переоценить.

Изменения и дополнения, вносимые в действующее уголовно-процессуальное законодательство, не могут в полной мере решить все проблемы практики правоприменения, так как невозможно все обстоятельства, имеющие значение для производства по уголовным делам, предусмотреть в строгих рамках норм уголовно-процессуального права. Применение различных способов толкования помогает выйти из ряда сложных и тупиковых ситуаций в практической деятельности. При этом следует отметить, что толкование норм права не создает новых правил поведения субъектов правоприменения, оно способствует уяснению государственной воли законодателя, выраженной в текстуальной форме.

Выбор того или иного способа толкования, а также последовательность их применения правоприменитель определяет самостоятельно. Однако толкование обязательно должно быть грамотным, нельзя допустить произвола и беззакония. Следует помнить, что процесс толкования норм уголовно-процессуального права представляет собой особую форму юридического мышления, которая складывается из опыта, профессионализма, правосознания субъекта правоприменения.

Правосознание представляет собой систему взглядов и убеждений правоприменителя, что выражается в субъективном восприятии нормы права самим интерпретатором, поэтому возникает проблема правильности процесса интерпретации правовой нормы, однако, практически невозможно отделить норму права от субъективного восприятия интерпретатором. В данном случае «критерием правильности толкования служит действительное содержание такой нормы не в отрыве от ее субъективного восприятия интерпретатором, а наиболее полное и точное соответствие суждений лиц, толкующих и применяющих правовую норму, выраженной в ней государственной воле¹¹. Также следует отметить, что от уровня правосознания интерпретатора зависит эффективность толкования. Чем выше уровень правосознания тех, кто уясняет или разъясняет содержание правовых норм, тем меньше правонарушений, тем полнее удовлетворяются права и свободы личности.

Во всех случаях применения различных способов при толковании норм права следует ограничиваться рамками принципов уголовного процесса, правилами толкования норм права, предписаниями закона, обстоятельствами уголовного дела, нормами морали, этики, руководствоваться общим правосознанием и совестью.

Пределы свободы и усмотрения практических работников в той или иной мере ограничиваются общеправовыми и отраслевыми (уголовно-процессуальными) принципами права. В любом случае действия следователя должны соотноситься с обеспечением прав и законных интересов субъектов, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения по конкретному уголовному делу. Необходимо отметить, что любое усмотрение следователя должно прояв-

ляться в рамках назначения уголовного судопроизводства, которое направлено на защиту прав и свобод человека и гражданина.

Важным ориентиром для следователя являются нравственные нормы (морали, этики). Трудно переоценить значение норм, принципов, требований и установок нравственности в уголовно-процессуальной деятельности, и в особенности деятельности, связанной с процессом доказывания во время расследования, которая по большей части осуществляется без контроля общественности. Ни в одном законе невозможно «прописать» все средства и методы тактики проведения следственных действий, процедуру осуществления мер процессуального принуждения, поведение должностного лица, которое осуществляет расследование. А вместе с тем культура процесса доказывания, которая выражается в соблюдении определенных нравственно выдержанных правил поведения, имеет не менее важное значение, чем правовая сторона этого вопроса¹².

Практический работник в своей профессиональной деятельности должен принимать во внимание общепринятые ценности и правила поведения, а также действовать, руководствуясь своей совестью и правосознанием. Еще одним ограничителем для правоприменителей в принятии оптимальных решений являются разъяснения Конституционного суда Российской Федерации, рекомендации Пленума Верховного суда Российской Федерации, а также указания Генеральной Прокуратуры РФ и ведомственные нормативные акты. Необходимо отметить, что помимо всего прочего у следователя, на различных этапах расследования, имеется определенная доказательственная база, которой он в свою очередь должен руководствоваться наряду с другими правовыми средствами, нормами морали, этики, обычаями и т. п.

Примечания

1. Лазарев В. В., Липель С. В. Теория государства и права : учеб. – М., 1998. – С. 319–322.
2. Лазарев В. В. Общая теория права и государства. – М., 1994. – С. 177–180.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М., 1986. – С. 505.

4. Усачев А. А. Проблемы дознания по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Российский следователь. – 2004. – № 1. – С. 13.
5. Кудрявцев В. Л. Эксгумация: особенности принятия решения и тактика проведения // Российский следователь. – 2005. – № 2. – С. 3.
6. Усачев А. А. Указ. соч. – С. 20.
7. Хатуева В. В. Процедурные особенности возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2005. – № 1. – С. 13.
8. Торбин Ю. Г. Освидетельствование в свете нового УПК РФ // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 58–59.
9. Шейфер С. А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. – 2003. – № 2. – С. 56–57.
10. Васильев А. Защита прав на неприкосновенность жилища лицом, у которого производится обыск // Законность. – 2005. – № 3. – С. 56.
11. Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. – М., 1967. – С. 59.
12. Васильев А. Н. Следственная тактика. – М., 1976. – С. 32.

Зуев Сергей Васильевич, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, доцент.

Галыгина Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Никулочкин Е.О.

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ НАЛИЧИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ

В статье в общетеоретическом плане рассмотрен вопрос о сущности следственных ситуаций и указаны наиболее типичные, формирующиеся на практике при производстве по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических веществ.

Ключевые слова: следственные ситуации, наркотические средства, легализация, конфискация.

Научные разработки по совершенствованию процессуальной деятельности в расследовании преступлений, связанных с приданием вида законного приобретения (легализацией) денежным средствам и иному имуществу, полученным в результате преступной деятельности, имеют ряд недостатков, которые существенно снижают результативность исследований. К таким недостаткам следует отнести следующие.

При выявлении следственных ситуаций, возникающих при доказывании легализации, не учитываются типичные следственные ситуации, складывающиеся при производстве по предикатному (основному) преступлению. А именно общее состояние расследования предопределяет наличие (отсутствие) возможности выявить денежные средства и иное имущество, полученные преступным путем, а также установить обстоятельства, подтверждающие возможность конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ.

Роль следственных ситуаций по предикатному преступлению заключается в том, что они, представляя сложную динамическую систему, «...определяют как тактические задачи, так и последовательность их решения; отражают противоречивое отношение с предметом доказывания»¹, позволяют «...объединить в одну систему знаний закономерности проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия преступлений (преступной деятельности) и закономерности механизмов предупреждения, раскрытия, расследова-

ния преступлений и их судебного рассмотрения (правоприменительной деятельности)»².

Некоторые ученые пытались совершенствовать процессуальную деятельность по установлению перечисленных в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельств в отрыве от следственных ситуаций в целом по предикатному преступлению.

Так, Е. В. Щеглова, создавая теоретическую основу криминалистического обеспечения расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, в качестве типичных предлагает следующие следственные ситуации:

1. Преступление совершено при неочевидных обстоятельствах:

а) известно преступление, в результате совершения которого получен преступный доход, но не установлены многие обстоятельства, подтверждающие факт легализации преступного дохода;

б) имеется информация о легализации преступного дохода, но не установлен источник получения преступного дохода.

2. Преступление совершено при очевидных обстоятельствах: в распоряжении следствия имеется информация как о преступлении, в результате совершения которого получен преступный доход, так и о легализации преступного дохода³.

Следует отметить, что приведенный перечень следственных ситуаций не может быть принят безоговорочно. Так, первая из названных ситуаций носит слишком обобщенный характер. Отсутствие установлен-

ного автором четкого перечня «обстоятельств, подтверждающих факт легализации преступного дохода», не позволит следователю сориентироваться относительно направлений дальнейших процессуальных действий, выдвинуть версии, составить план их проверки и т. д.

Вторая названная ситуация также вызывает вопросы. В указанной формулировке: «имеется информация о легализации преступного дохода, но не установлен источник получения преступного дохода», – можно говорить об информации оперативно-розыскной, но не процессуальной. Если бы автор употребленному им термину «информация» хотел придать и процессуальное содержание, то формулировка должна была бы быть другой: имеются доказательства легализации преступного дохода. Однако тогда не могло быть уточнения относительно того, что не установлен источник получения преступного дохода, поэтому данная формулировка ситуации представляется некорректной, и назвать ее следственной было бы неточно.

И только последняя из перечисленных Е. В. Щегловой следственных ситуаций наиболее перспективна в появлении на практике: преступление совершено при очевидных обстоятельствах, когда в распоряжении следствия имеется информация как о преступлении, в результате совершения которого получен преступный доход, так и о легализации преступного дохода.

А.В. Коляда формулирует свой вывод о типичных следственных ситуациях, возникающих при установлении обстоятельств, подтверждающих преступность происхождения денежных средств и иного имущества и действия обвиняемого по приданию им вида законно приобретенных. В качестве таковых он указывает:

а) установлено, что было совершено преступление, в результате которого получены значительные денежные средства;

б) в результате осуществления контроля вне сферы уголовного судопроизводства сотрудники налоговых учреждений выявляют, что имеющиеся у определенного юридического лица доходы явно

превышают те поступления, которые предприятие могло бы получать исходя из его экономических показателей;

в) признаки преступления, предусмотренного ст. 174 или 174.1 УК РФ, были выявлены после того, как прошли все этапы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем;

г) обнаружено лицо, доходы которого явно превосходят те, которые оно могло бы иметь исходя из своего легального заработка;

д) в ходе оперативно-розыскных мероприятий установлены все звенья, подтверждающие как факт совершения преступления, предусмотренного ст. 174 или 174.1 УК РФ, так и участие конкретных лиц в его совершении⁴.

Применительно к расследованию преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, и установлению обстоятельств п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ из указанных не нашло практического подтверждения появление такой первоначальной следственной ситуации, как доказательства легализации преступных доходов, полученных от сотрудников налоговых органов.

В целом следует положительно отнестись к результатам исследования А.В. Коляды, однако эффективность результатов проведенного им исследования была бы выше, если бы разработка следственных ситуаций не была бы оторвана от следственных ситуаций, возникающих при расследовании предикатного преступления. Как результат, произошла потеря взаимосвязности и динамики развития ситуаций, причинно-следственная их обусловленность отсутствует, ситуации представлены как статические системы.

В нашем исследовании мы учли указанный недостаток и постарались выявлять закономерности формирования следственных ситуаций (благоприятных или неблагоприятных) в зависимости от состояния расследования основного преступления. В случае формирования благоприятных следственных ситуаций по доказыванию преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК

РФ, закономерным является и формирование благоприятных ситуаций по доказыванию обстоятельств п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Так, доказывание эпизодов преступной деятельности и массы сбытого наркотического вещества по каждому эпизоду позволяет определить общее количество реализованного товара, а следовательно, и объем денежных средств, стоимость иного имущества, полученного от реализации наркотиков. Установление всех членов преступной группы и ее структуры предопределяет направление поиска денежных средств относительно субъектов преступной деятельности.

Перечисленные обстоятельства составляют сущность доказывания. А сам процесс доказывания зависит от различных условий. А.В. Шмонин замечает: «Следственная ситуация характеризуется информацией о преступлении и лицах, причастных к нему, о возможных источниках информации, в том числе полученных как до, так и после проведения процессуальных и иных действий. Следственную ситуацию характеризует также поведение потерпевших, подозреваемых (обвиняемых) и других лиц на всем протяжении производства по уголовному делу»⁵.

Изучение уголовных дел по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, позволило выделить три типичные следственные ситуации, определяющие перспективу реализации требований ст. 104.1 УК РФ. Формирование этих типичных первоначальных следственных ситуаций определяется следующими обстоятельствами, предшествовавшими возбуждению уголовного дела:

Ситуация 1. В процессе осуществления поисковых мероприятий на трассе (таможне) в автомобиле сотрудниками правоохранительных органов при досмотре изъято наркотическое вещество.

Ситуация 2. При осуществлении патрулирования (рейда) сотрудниками правоохранительных органов задержано лицо при сбыте наркотического вещества.

Ситуация 3. Преступные действия выявлены на основании результатов осуществления оперативно-розыскной деятельности – наиболее распространенная ситуация.

Указанные обстоятельства формируют следственные ситуации, являющиеся родовыми по отношению к последующим, развивающимся из первоначальных. Их развитие находится в зависимости от позиции, которую занимает допрашиваемое лицо при объяснении факта наличия у него обнаруженного наркотического вещества.

Так, первая ситуация трансформируется на такие типично встречающиеся видовые ситуации, как:

1.1. Допрошенный дает показания, согласно которым неизвестное лицо, узнав, что он едет в другой город, за денежное вознаграждение предложило перевезти пакет, содержимое которого лицу неизвестно.

Данная ситуация является неблагоприятной не только для установления обстоятельств, доказывающих наличие незаконно приобретенных денежных средств и имущества, но и для доказывания состава преступления в действиях злоумышленника. При отсутствии дополнительных сведений уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

1.2. Допрошенный дает показания, согласно которым наркотическое вещество он приобрел впервые у незнакомого лица для личного пользования. Данная ситуация благоприятна для привлечения лица в качестве обвиняемого по ст. 228 УК РФ. Однако институт конфискации и в этой ситуации реализован не будет (не установлено лицо, сбывшее наркотическое вещество), и соответственно, следственная ситуация по установлению обстоятельств, указанных в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, формироваться не будет.

1.3. Лицо в присутствии защитника дает признательные показания, согласно которым он на постоянной основе за единовременные вознаграждения неоднократно перевозил наркотические вещества. Названная видовая ситуация может иметь подситуации:

а) допрошенный участников преступной группы не знает, все указания о местах «закладок» товара получал по сотовой связи. Обозначенная ситуация содержит минимум сведений о незаконном обороте

наркотических веществ, а значит, ставит перед следователем ряд задач, заключающихся в необходимости установления всех членов организованной группы и содержания преступной деятельности (время, в течение которого осуществлялась преступная деятельность, количество преступных эпизодов, вес реализованных наркотических средств и др.). И только после перевода основной следственной ситуации в ситуацию информационной определенности об обстоятельствах совершаемых преступлений формируется подвид основной следственной ситуации – ситуация по установлению обстоятельств, подтверждающих наличие имущества, подлежащего конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, т. е. полученного в результате совершения преступления или являющегося доходом от этого имущества;

б) допрошенный готов сотрудничать, знает и называет участников преступной группы, занимающейся сбытом наркотических веществ, но не знает механизма и объема реализуемых наркосодержащих веществ, а также не обладает сведениями о преступных доходах от противоправной деятельности.

Видовыми типичными ситуациями по отношению ко второй родовой ситуации являются:

2.1. Допрошенный указал, что наркотические вещества приобрел у незнакомого лица для личного пользования и впоследствии из жалости дал наркотическое вещество наркозависимому, находящемуся в состоянии «ломки». Ситуация благоприятна для возбуждения уголовного дела по ст. 228 УК РФ и бесперспективна в отношении обеспечения конфискации.

В качестве типичного примера названной ситуации можно привести приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 6 июня 2011 г., которым П., ранее осужденный приговором районного суда г. Москвы от 29 апреля 2005 г. по ч. 1 ст. 228-1 УК РФ к 4 годам лишения свободы, освободившийся 06 февраля 2009 года по отбытии срока наказания, был вновь осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228-1 УК РФ к четырем годам

лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. И на предварительном следствии, и в судебном заседании П. занял позицию защиты, согласно которой он, П., не является злым распространителем наркотиков, а помог С. приобрести наркотики по просьбе последнего из сострадания, поскольку у С. была «ломка»⁶.

2.2. Допрошенный признался, что постоянно сбывает наркотики, ему неизвестны члены преступной группы, знает только сообщаемые места закладки наркотических веществ, изъявил желание сотрудничать с правоохранительными органами.

Третья ситуация в зависимости от указанного обстоятельства может подразделяться на два вида:

3.1. Задержание проведено при сбыте наркотических средств на основании оперативно-розыскных действий при отсутствии полной и всесторонней оперативной информации о содержании преступной деятельности организованной группы и ее членах.

3.2. Задержание члена (членов) организованной преступной группы и возбуждение уголовного дела явилось результатом оперативной разработки членов преступной группы розыскными методами⁷.

Обозначенные типичные ситуации, возникающие при расследовании уголовного дела о незаконном обороте наркотических веществ, по основанию возможности достижения доказывания обстоятельств наличия денежных средств и имущества, полученных от их реализации, целесообразно классифицировать на три группы:

неблагоприятные. К ним относятся ситуации 1.1; 1.2; 2.1; условно благоприятные: 1.3; 2.2; 3.1; благоприятная: 3.2.

При этом под благоприятной (в рамках предмета исследования) следует считать ситуацию, когда сформированы условия, позволяющие:

доказать преступные доходы лица (общее количество денежных средств и имущества);

определить способы легализации; установить места их хранения;

доказать, что именно на преступные доходы приобретено имущество или что денежные средства – это результат преступления.

Если расследуется преступная деятельность организованной группы, то названные обстоятельства устанавливаются в отношении каждого участника, для этого важно установить иерархию в группе и, соответственно, пропорции распределения.

Таким образом, на основании результатов анализа изученных уголовных дел, возбужденных по фактам незаконного оборота

наркотических веществ, а также приведенных в логической последовательности аргументов, можно утверждать: следственные ситуации, складывающиеся в целом при производстве по уголовному делу о незаконном обороте наркотиков, являются базовыми (определяющими) по отношению к ситуациям, формирующимся при установлении обстоятельств, доказывающих наличие денежных средств и иного имущества, подлежащих конфискации как полученных от незаконного сбыта наркотических веществ.

Примечания

1. Корноухов В. Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2 (10). – М., 2004. – С. 23.
2. Ким Д. В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2009. – С. 14.
4. Щеглова Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 5.
5. Коляда А. В. Расследование легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 4.
6. Шмонин А. В. Методика расследования преступлений : учеб. пособие. – М., 2006. – С. 247.
7. Определение Московского городского суда от 20 июля 2011 г. по делу № 22-8486 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2012).
8. Приговор по делу о легализации (отмывании) денежных средств, незаконном производстве, сбыте или пересылке наркотических средств: определение Верховного Суда РФ от 10 декабря 2007 г. № 14-007-43 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2012).

Никулочкин Евгений Олегович, преподаватель кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин факультета Экономики и права Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Сергеев А.Б.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЙДЕРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Эффективное противодействие криминальному рейдерству возможно только посредством объединения усилий правоохранительных органов и иных организаций. Речь в статье идет о значении криминалистической характеристики для разработок научных предложений и рекомендаций по совершенствованию противодействия преступности в целом и рейдерству в частности.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, следовая информация, правоохранительные органы, криминальное рейдерство.

Одним из направлений решения задач успешного противодействия криминальному рейдерству является анализ его наиболее характерных черт. В свою очередь, определение самих черт исследуемого негативного явления является самостоятельной задачей, которая разрешается посредством разработки криминалистической характеристики криминального рейдерства как информационной модели о его наиболее существенных проявлениях.

О значении криминалистической характеристики для разработок научных предложений и рекомендаций по совершенствованию противодействия преступности высказывают свое мнение абсолютное большинство исследователей-криминалистов. В целом они могут быть определены в три группы:

– ученые, которые не придают большой значимости криминалистическим характеристикам преступлений;

– ученые, считающие, что разработка методических рекомендаций и создание качественных методик расследования преступлений возможна только при подробном описании всех типичных проявлений конкретного преступления;

– ученые, которые считают нецелесообразным давать развернутую картину преступления, а предлагают ограничиться лишь определенной ее частью.

К первой группе относятся криминалисты, которые после многих лет деятельности, связанной с разработкой различных характеристик преступных проявлений, пришли к выводу о их ненужности и невосстановленности практикой. В частности,

к этой группе можно отнести высказывания ведущих криминалистов Р.С. Белкина, И.Е. Быховского и А.В. Дулова. В 1987 году они выразили мысль о нецелесообразности проведения активных разработок криминалистических характеристик преступлений; указали на «гипертрофированность» их значения, придаваемого рядом ученых; утверждали, что работа по выявлению криминалистических характеристик хотя и полезна, «но не настолько значима, чтобы ставить ее во главу угла той или иной частной методики»¹. В.П. Бахин указывает: «Все говорят и пишут о том, какие возможности предоставляет криминалистическая характеристика для раскрытия и расследования преступлений. Однако предметно никто не занимался созданием таких систем данных о признаках конкретных видов преступлений...»².

Вторая группа ученых придает криминалистической характеристике преступлений максимально важное значение с позиции создания благоприятных условий для качественного расследования преступлений.

«На наш взгляд, именно криминалистическая характеристика преступления является основным элементом методики расследования каждого вида преступлений. Только хорошо понимая ее суть и систему, можно эффективно, оперативно и целенаправленно расследовать конкретное преступление, ибо в противном случае эта деятельность будет не спланированным, основанным на научных рекомендациях расследованием, а конгломератом хаотичных, невзаимосвязанных действий, которые преследуют очень туманно представляемую цель»³.

Следует признать, что в работах по криминалистике продолжает оставаться дискуссионным вопрос о качественном и количественном наполнении понятия «криминалистическая характеристика преступлений». При этом «криминалистами убедительно обосновано наличие в нем как четырех, так и двадцати элементов»⁴.

С.И. Коновалов в рамках исследований проблем разработки теории создания методик расследования преступлений по признаку частоты встречаемости в научной литературе структурных элементов вывел следующую их иерархию в криминалистической характеристике преступлений: способ совершения преступления, субъект преступления (особенности личности), обстановка совершения преступления; объект (предмет) преступного посягательства; следы преступления (механизм следообразования); связи между структурными элементами; личность жертвы (виктимологический аспект); мотив, цель, установка; условия совершения преступления; преступные связи (коммуникационный аспект); типичные ситуации совершения преступления; особенности сокрытия преступления; механизм преступления; типичные следственные ситуации (характер исходных данных и особенности их обнаружения); состояние борьбы с определенным видом преступления; связь с другими видами преступлений; орудия и средства преступной деятельности; распространенность преступного деяния; результат преступной деятельности (последствия)⁵. Аналогичное исследование позднее провел Е.П. Фирсов. При этом он считает наиболее оптимальным в структуру криминалистической характеристики включать семь компонентов⁶.

К третьей группе принадлежат ученые, которые считают нецелесообразным давать развернутую картину преступления, а ограничиться лишь определенной ее частью. «Наиболее очевидным нам представляется значение криминалистической характеристики преступлений в тех следственных ситуациях, в которых имеется дефицит конкретной, фактической информации о расследуемом преступлении: чем

более заметным является ее дефицит, тем большее значение приобретает информация ориентирующего характера, а, следовательно, более востребованной должна быть типовая криминалистическая характеристика расследуемого преступного события»⁷. «Полагаем, что именно с позиций соответствия элементов требованию фиксировать, обобщать, а значит – *содержать следовую информацию*, и должен решаться вопрос о структуре криминалистической характеристики преступлений, о ее элементном составе»⁸.

Мы полностью разделяем мнение, что практическое значение использования криминалистических характеристик в следственной практике заключается в обнаружении преступлений; в возможности выдвижения версий (из числа типовых) о личности преступника, особенно при недостатке конкретной информации; использовании сведений о типичных местах сокрытия и сбыта похищенного имущества определенной категории для его розыска; применение данных о типичных способах преступления и механизме следообразования для правильного определения конкретных источников информации⁹.

Все многообразие элементов, встречающихся в работах ученых, безусловно, раскрывают сущность преступления и механизм его совершения, но с позиции достижения целей нашего исследования, ограниченного его предметом, нам необходимы только такие элементы криминалистической характеристики, которые:

– позволили бы следственным работникам выявлять признаки криминального рейдерства, отличать его от иных видов преступлений;

– выполняли бы функцию обеспечения раскрытия и расследования преступлений посредством привлечения других должностных лиц и органов, выполняющих контрольную функцию в сфере соблюдения корпоративного законодательства.

В суждение о том, что «к содержанию криминалистической характеристики преступлений как практического инструмента расследования должны быть отнесены

только те элементы, которые отличаются четкой поисково-розыскной направленностью»¹⁰, В.К. Гавло вкладывает дополнительный качественный смысл: «Поскольку судебнo-следственная ситуация является основой деятельности субъектов доказывания, постольку субъект доказывания действует с учетом той информационной структуры судебнo-следственной ситуации, которая ему известна. Чтобы действовать, субъекту необходимо сначала получить представление о содержании и объеме криминалистической информации, содержащейся в каждой ситуации. Для этого следует установить закономерные связи между известными элементами криминалистической характеристики преступления в этой ситуации и через них идти к другим, еще неизвестным элементам»¹¹.

В контексте сказанного следует обратить внимание на замечание С.И. Коновалова. Анализируя все многообразие обстоятельств, предлагаемых к включению в перечень криминалистической характеристики, он делает вывод, что «развитие понятия криминалистической характеристики пре-

ступления до сих пор идет за счет включения новых элементов в систему криминалистически значимых признаков преступного деяния. Признавая право каждого из исследователей на самостоятельную точку зрения, мы, тем не менее, выражаем солидарность с мнением А.Ф. Лубина, который сравнивает всеобщее увлечение элементным составом преступной деятельности с «показательными соревнованиями» по количеству и составу этих элементов¹².

С учетом изложенного, с позиций повышения уровня и качества взаимодействия в процессе выявления, пресечения, раскрытия и изобличения виновных в криминальном рейдерстве особо значимыми в системе криминалистической характеристики являются следующие элементы:

криминалистическая характеристика этапов преступной деятельности, направленной на противоправное поглощение юридических лиц;

криминалистическая характеристика способов осуществления данной преступной деятельности с описанием механизма слеодообразования.

Примечания

1. Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Социалистическая законность. – 1987. – № 9. – С. 56.
2. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики ; отв. ред. А. Г. Филиппов. – 2000. – Вып. I. – С. 18.
3. Курапка В. Э., Малевски Г., Матулене С. О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях // Вестник криминалистики ; отв. ред. А. Г. Филиппов. – 2005. – № 2 (14). – С. 15.
4. Криминалистика. Расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина. – Н. Новгород, 1995.
5. Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики : моногр. – Ростов-н/Д., 2001. – С. 82–85.
6. Фирсов Е. П. Типовая структура методик расследования отдельных видов преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. – 2003. – Вып. 1 (5). – С. 35–36.
7. Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики : моногр. – Ростов-н/Д., 2001. – С. 192.
9. Там же. – С. 81.
10. Криминалистика : учеб. / А. Ф. Волынский, Т. В. Аверьянова, И. Л. Александрова и др. ; под ред. А. Ф. Волынского. – М., 1999. – С. 36.
11. Бахин В. П. Указ. соч. – С. 20.
12. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: моногр. / В. К. Гавло, В. Е. Ключко, Д. В. Ким ; под ред. проф. В. К. Гавло. – Барнаул, 2006. – С. 162.
13. Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. – Н. Новгород, 1997. – С. 79.

Сергеев Андрей Борисович, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор.

Зуев С.В.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(комментарий Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23–ФЗ)**

В статье приводится авторский комментарий изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, внесенных Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23–ФЗ, касающихся использования оперативно-розыскной информации в уголовном процессе.

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная информация, возбуждение уголовного дела, судебная экспертиза, дознание в сокращенной форме.*

4 марта 2013 г. был принят Федеральный закон РФ № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, положения которого существенно изменили ряд правил уголовного процесса. Однако появившиеся новеллы вряд ли можно считать неожиданными для ученых и практиков. Многие вопросы активно обсуждались на различных уровнях, в том числе предлагались автором настоящей статьи.

Так, например, десять лет назад автор обращал внимание на то, что особенности использования оперативно-розыскной информации в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, должны найти отражение в нормах уголовно-процессуального законодательства². Позже было сформулировано конкретное предложение о необходимости законодательного закрепления возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя и дознавателя³.

В настоящее время ч. 1 ст. 144 УПК РФ выглядит следующим образом:

«1. ...При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе ... давать органу дознания обязательное для исполнения письменное **поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий**» (выделено авт. – С.З.).

Далее, в одном из положений, выносимых на защиту, автор предлагал разрешить на стадии возбуждения уголовного дела назначение и производство судебной экспертизы⁴. Законодатель откликнулся на такое предложение и указанным законом

предоставил тем же должностным лицам право «...**назначать судебную экспертизу** (выделено авт. – С.З.), принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок...» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Вместе с тем автор в ходе диссертационного исследования полагал, что судебная экспертиза могла быть назначена и проведена до возбуждения уголовного дела, если объектом исследования являются предметы преступления, либо живые лица при наличии их письменного согласия подвергаться судебной экспертизе или для установления причины смерти. Такая позиция находит поддержку и среди других ученых⁵. Однако в законе таких условий не указано, что следует расценивать как его недостаток, и на практике могут возникнуть проблемы применения данной нормы.

Также следует отметить немаловажный вопрос, связанный с продлением срока проверки заявлений и сообщений о преступлениях, в том числе, если имеется необходимость в проведении оперативно-розыскных мероприятий⁶. Законодатель откликнулся на потребность практики применения по данному вопросу и в ч. 3 ст. 144 УПК РФ внес изменения, изложив ее в следующей редакции:

«3. Руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный частью первой настоящей статьи. При необходимости ... проведения **оперативно-розыскных мероприятий** (выделено авт. – С.З.) руководитель следственного органа по ходатайству

следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления».

В науке и на практике в последние десятилетия активно обсуждаются вопросы *упрощения порядка производства по уголовным делам*⁷. Об этом писали и другие ученые⁸. В развитие данной идеи в законе появилась Глава 32¹. Дознание **в сокращенной форме** (выделено авт. – С.З.). Особенности производства дознания в сокращенной форме заключаются в следующем.

Дознание в сокращенной форме производится на основании соответствующего ходатайства подозреваемого. Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств. С учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе:

1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения

о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении (за исключением случаев, указанных в п. 3 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ);

4) не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Возможно продление до 20 суток.

Приговор в суде постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого. В случае постановления обвинительного приговора назначенное подсудимому наказание не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Примечания

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Российская газета. – 2013. – 5 марта.
2. Зуев С. В. Использование оперативной информации в уголовном процессе : учеб. пособие ; под ред. В. И. Казакова. – Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2002. – С. 33.
3. Зуев С. В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 14.
4. Там же. – С. 13.

5. Семенцов В. А. Уголовное судопроизводство в механизме обеспечения национальной безопасности // Механизм экономико-правового обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы : моногр. – Краснодар : Изд-во НИИЭ ЮФО, 2008. – С. 160–165.
6. Зуев С. В. Уголовное судопроизводство по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными формированиями. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2008. – С. 271.
7. Зуев С. В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 178.
8. Коротков А. П. Закономерности исторического развития и современные проблемы модернизации форм предварительного расследования // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 27–29; Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 14–16; Семенцов В. А. Сокращенная форма расследования // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Международ. науч.-практ. конференции (2–3 ноября 2012 г.). – Выпуск 9. – Тюмень : Тюменская государственная академия мировой экономики и права, 2012. – С. 378–380.

Зуев Сергей Васильевич, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, доцент.

Сергеев К.А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОРПОРАТИВНОЙ СФЕРЕ

В статье анализируются правовые резервы уголовно-процессуального характера, использование которых будет повышать качество расследования преступлений, объектом преступного посягательства которых являются права акционеров на имущественные комплексы, а также результаты их использования.

Ключевые слова: методика расследования, криминальное рейдерство, досудебное соглашение, информация о соединениях между абонентами.

В настоящее время учеными и практиками разработан ряд алгоритмов расследования преступлений, объектом преступного посягательства которых являются права акционеров на имущественные комплексы, а также результаты их использования. Анализ алгоритмов расследования выходит за рамки данной статьи. Однако представляется необходимым указать на наличие процессуальных резервов, использование которых будет повышать качество расследования в каждом случае уголовного судопроизводства по обозначенной категории преступлений, способствовать преодолению следователем проблемных ситуаций, возникающих при расследовании уголовных дел вследствие недостаточности информационной насыщенности, отсутствия источников информации, наличия более высокого уровня организованности преступной группы, более интенсивного использования средств и методов противодействия расследованию и др.

Одним из таких средств является более активное использование статьи 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Производство названного следственного действия позволяет следователю получить сведения о времени и продолжительности телефонных переговоров абонента, а также о номерах абонентов, с которыми производилось соединение (как исходящие, так и входящие переговоры), т. е. детализацию счета абонента; данные о местонахождении абонента в зоне действия той или иной базовой станции данного оператора сотовой связи в указанное

время, которые позволяют установить примерное местонахождение звонившего (или получившего входящий звонок) в интересующее следствие время.

Такая информация может помочь определению преступных связей, выявлению возможных соучастников преступления; обнаружению разыскиваемого при проверке следственных версий, заявленного алиби¹.

Примером является уголовное дело в отношении членов организованной преступной группы, созданной с целью осуществления на территории Москвы и Московской области преступной деятельности, направленной на лишение членов акционерного общества прав на недвижимое имущество². Объектом преступного посягательства были избраны комплексы зданий и имущество, принадлежащее ООО «СПРИНТ СПОРТ»³; ООО «АКТИС» и ООО «Руэрти»⁴. Состав группы был подобран с учетом имевшихся у них (членов) финансовых и иных организационных возможностей, знаний действующего российского законодательства в сфере корпоративных отношений и в вопросах применения права.

Для обеспечения достижения преступных целей члены группы действовали согласно разработанному многоэтапному плану осуществления преступной деятельности, с приданием ей (деятельности) вида легитимности, а также проведением различного рода мероприятий, направленных на сокрытие следов совершаемых преступлений, таких как реорганизация в форме слияния или ликвидация юридического

лица, подвергнувшегося преступному посягательству.

Названные действия существенно затрудняли следователю выявление всех членов группы.

При появлении первого подозреваемого лица – Стародубцева К.Н. – следователем было организовано получение от ОАО «Московская сотовая связь» документов о соединениях между Стародубцевым К.Н. и другими абонентами. Представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами, осматривались с участием понятых, о чем составлялись протоколы, в которых указывалась информация, имеющая отношение к уголовному делу (дата, время, продолжительность соединений между абонентами, номера абонентов и другие данные). Сами же документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами, приобщались к материалам уголовного дела в полном объеме. По номерам устанавливались владельцы, с последующей отработкой на причастность в совершении преступлений. Результатом работы стало установление всех членов группы: Седова А.А., Силенко М.В., Широкова М.К., Семенова Р.А., Аكوпова С.Г., Никифорова И.А., Коркина С.Э., Хмелева В.В., Бабенко И.А., Иншакова А.А., Фарстова С.В., Давиденко А.А., Князева Д.Н., Емельянова Ю.А. и других лиц (том № 146, л. д. 72–79).

Представляется также необоснованно слабым использование института заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Основная цель принятия закона⁵ – повысить раскрываемость преступлений, совершаемых организованными преступными группами посредством привлечения отдельных членов преступной группы для оказания помощи следователю. Следует согласиться и с утверждением: «Досудебное соглашение о сотрудничестве – своеобразное подтверждение деятельного раскаяния лица, совершившего преступление...»⁶

Использование предусмотренной законом процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет добиться ощутимых положительных

результатов в ходе раскрытия и расследования преступлений. Большое значение применению этого института придает и Прокуратура РФ⁷.

Так, например, только благодаря использованию института досудебного соглашения стало возможным выявление всех эпизодов преступной деятельности, направленной на незаконное лишение прав корпоративной собственности ОАО «Научно-исследовательский институт эластомерных материалов и изделий» (ОАО «НИИЭМИ») ⁸, установление участников организованной преступной группы Нестеренко Н.В., Городничева Ю.Н., Фокина П.В., Комиссарова А.С., Казариновой А.В. и Резниченко М.С., сбор доказательств их вины, а также возвращение имущества, прав на которое были лишены члены общества.

Для того чтобы совершать мошеннические действия и при этом избежать привлечения к уголовной ответственности, члены преступной группы в своей преступной деятельности активно использовали большое количество лиц, не осведомленных об их истинных преступных намерениях, а также создавали коммерческие структуры, использовали легальные способы приобретения права на чужое имущество.

С этой целью ими был сфальсифицирован протокол общего собрания акционеров ОАО «НИИЭМИ» об избрании генеральным директором гражданина Узбекистана Юсупова М.Н., неосведомленного об их преступных намерениях, ранее утратившего свой гражданский паспорт, страдающего тяжким психическим заболеванием. При этом был использован оттиск поддельной печати данной организации. После фальсификации указанного документа ими были сфальсифицированы доказательства по гражданскому делу № 2-368/03 по иску от имени Юсупова М.Н., на основании которых судом было вынесено решение обязать налоговую инспекцию зарегистрировать в качестве генерального директора данного общества Юсупова М.Н.

Далее от имени Юсупова М.Н. на основании ранее разработанного плана был

оформлен фиктивный договор о якобы имевшей место гражданско-правовой сделке – покупке здания, принадлежащего на праве собственности ОАО «НИИЭМИ», по цене 180000000 (сто восемьдесят миллионов) рублей между фирмой ООО «ВИЮР-Град», генеральным директором которой выступал Фокин П.В., являвшейся покупателем по договору. При этом при изготовлении указанного договора была использована поддельная печать ОАО «НИИЭМИ». Фактически оплата по указанной сделке не производилась, так как сделка оформлялась с целью хищения чужого имущества путем обмана организованной группой в особо крупном размере.

После подачи документов для государственной регистрации перехода права собственности по указанной сделке в результате обмана сотрудников государственного учреждения было получено свидетельство о праве собственности ООО «ВИЮР-Град» на здание. В последующем названное и другие здания, незаконно выведенные из права владения членов ОАО «НИИЭМИ», неоднократно перепродавались на подставных лиц с целью сокрытия преступной деятельности и придания ей вида законной.

С одним из организаторов преступной деятельности – Нестеренко Н.В. – в процессе расследования после избрания меры пресечения в виде содержания под стражей было заключено соглашение о сотрудничестве. Нестеренко Н.В. выполнил все условия досудебного соглашения и принятые по нему обязательства, он активно содействовал следствию в раскрытии и расследовании

преступления. Показания, данные в ходе предварительного расследования, имели существенное значение для уголовного дела. Сведения, полученные в ходе проведения с ним следственных действий, позволили следствию собрать достаточные данные о составе организаторов преступной группы, распределении ролей между соучастниками, источниках финансирования преступных групп, в которых он принимал участие.

В то же время следует отметить, что до настоящего времени институт досудебного соглашения считать окончательно сформированным преждевременно⁹.

Таким образом, обобщение следственной и судебной практики расследования криминального рейдерства показывает, что следственными органами накоплен определенный опыт производства по уголовным делам, позволяющий им (органам) противодействовать исследуемому виду преступной деятельности, не допуская ее расширения. Однако анализ материалов уголовных дел указывает на наличие резервов, использование которых позволит повысить качество расследования.

Основными ситуационно обусловленными направлениями совершенствования производства по делам о криминальном рейдерстве являются: использование института заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также следственного действия, предусмотренного Федеральным законом, дополнившим УПК РФ статьей 186.1 «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Примечания

1. Лапин Е. С. Технология получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений против интеллектуальной собственности // Российский следователь. – 2011. – № 3. – С.2–5; Волынская О. В., Шишкин В. С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // Российский следователь. – 2011. – № 2. – С. 12–15.
2. Уголовное дело № 248533 в отношении Стародубцева К.Н., Седова А.А., Силенко М.В., Широкова М.К., Семенова Р.А., Аكوпова С.Г., Никифорова И.А., Коркина С.Э., Хмелева В.В., Бабенко И.А., Иншакова А.А., Фарстова С.В., Давиденко А.А., Князева Д.Н., Емельянова Ю.А.

и других лиц, создавших организованную преступную группу с целью осуществления на территории Москвы преступной деятельности, направленной на лишение членов акционерного общества прав на недвижимое имущество.

3. Объект недвижимости, расположенный по адресу: г. Москва, Волгоградский проспект, д. 175/32, общей площадью 1042,0 кв.м., балансовой стоимостью 1389000 руб.

4. ООО «АКТИС» – юридический адрес: г. Москва, Огородный пр-д, д. 5, стр. 7; ООО «Руэрти» – юридический адрес: г. Москва, Борисовский пр-д, д. 17, к. 1, стр. 2, балансовая стоимость 3134000 руб.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Российская газета. – 2009. – 3 июля.

6. Ткачев И. В., Тисен О. Н. Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. – 2011. – № 2. – С. 12.

7. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генпрокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 // Законность. – 2010. – № 6.

8. Комплекс зданий, расположенных по адресу: г. Москва, ул. Ефремова, д. 10; г. Москва, ул. Ефремова, д. 10, стр. 2; г. Москва, ул. Малая Трубецкая, д. 28, стр. 1; г. Москва, ул. Малая Трубецкая, д. 28, стр. 3; г. Москва, ул. Малая Трубецкая, д. 28, стр. 4; г. Москва, ул. Малая Трубецкая, д. 28, стр. 5, а также иного имущества, принадлежащего ОАО «НИИЭМИ» на праве собственности, на сумму не менее 175018771 (ста семидесяти пяти миллионов восемнадцати тысяч семисот семидесяти одного) рубля 73 копеек.

9. Головинский М. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2011.

Сергеев Константин Андреевич, научный сотрудник Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Савченко Е.Я.

**ПРАВО ПОТРЕБИТЕЛЯ НА ИНФОРМАЦИЮ В СВЕТЕ ЗАКОНА РФ
«О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ»**

В статье в проблемном ключе освещается одно из самых важных и проблемных прав потребителей, нарушение которого вызывает большое количество судебных споров и требует его детального изучения с позиции не только теории, но и практики.

Ключевые слова: потребитель, права потребителей, право на информацию, товар, работа, услуга, реклама.

Одним из основных критериев потребительского выбора является информация. Лишь на основе достоверной и полной информации человек может выбрать товар (работу, услугу), обладающие необходимыми ему качествами.

Право потребителя на информацию было законодательно закреплено еще в Законе СССР «О защите прав потребителей». С ростом возможностей для потребительского выбора выросло и значение информации, получаемой потребителем. Расширились возможности для недобросовестных продавцов извлекать дополнительные прибыли, нарушая право потребителя на информацию. Поэтому в новой редакции российского Закона «О защите прав потребителей» это право конкретизировано и расширено¹.

Прежде всего, Закон устанавливает общие требования к информации. В соответствии со статьей 8 Закона потребителю должна быть предоставлена необходимая и достоверная информация о товарах (работах, услугах), об изготовителе (исполнителе, продавце), а также о порядке приобретения товаров (работ, услуг). Иными словами, потребитель имеет право знать, что именно ему предлагается, кто предлагает, и когда он (потребитель) может получить предлагаемое.

Под необходимой информацией понимается, прежде всего, ее полнота. Поскольку потребитель, как правило, не имеет специальных знаний о приобретаемом товаре (работе, услуге), объем предоставленной информации должен позволить потребителю оценить необходимость приобретения

именно этого товара, а также использовать товар по назначению без помощи профессионалов.

Закон устанавливает право потребителя на информацию по широкому кругу вопросов, включая ту, которая непосредственно не связана с товаром (работой, услугой). Юридическое значение и ответственность за нарушение права потребителя на различные виды информации не идентичны. Вопросам информации в Законе посвящено пять статей, что указывает на большое значение, которое придает законодатель этому праву потребителя.

Впервые провозглашая на законодательном уровне право потребителя на информацию, Закон предусматривает ее состав, качество, момент доведения до потребителя и язык, а также лиц, обязанных предоставлять соответствующую информацию².

Закон не раскрывает содержание понятия «необходимая информация», поэтому при возникновении споров, очевидно, следует исходить из обычно предъявляемых требований, имея в виду, прежде всего интересы потребителя. Однако в это понятие, безусловно, должна быть включена информация, которая в соответствии с Законом является обязательной. Важно подчеркнуть, что наличие у потребителя права требовать предоставления указанной информации означает одновременно обязанность соответствующих организаций предоставить ее. Невыполнение этой обязанности может повлечь ответственность виновных в соответствии со специальными или общими нормами законодательства. Закон

устанавливает, что способы доведения информации до потребителя определяются спецификой отдельных сфер обслуживания, но, во всяком случае, она должна быть доведена в наглядной и доступной форме. Специфика доведения информации обычно определяется в правилах торговли отдельными видами товаров (видах договора купли-продажи) и правилах оказания различных услуг. Информация должна доводиться до сведения потребителей на русском языке, а дополнительно на государственных языках субъектов РФ и родных языках народов РФ. Необходимость предоставления информации на других (кроме русского) языках определяется изготовителем (исполнителем, продавцом), исходя из местных условий в соответствии с законодательством субъектов РФ.

В соответствии со ст. 8 Закона потребителю должна быть предоставлена необходимая и достоверная информация о товарах (работах, услугах), об изготовителе (исполнителе, продавце), а также о порядке приобретения товаров (работ, услуг).

Закон устанавливает перечень сведений, которые в обязательном порядке должны быть предоставлены потребителю. Условно их можно разделить на три группы (каждой группе Закон уделяет особое внимание в отдельных статьях).

1. Сведения об изготовителе (исполнителе, продавце)

В соответствии со ст. 9 Закона «О защите прав потребителей» информация об изготовителе (исполнителе, продавце) должна содержать следующие сведения:

- фирменное наименование (наименование) организации;
- место ее нахождения (адрес);
- режим работы организации.

Продавец (исполнитель) размещает указанную информацию на вывеске. Информация об изготовителе должна быть указана в документах, сопровождающих товар, на его упаковке, или доведена до потребителя иными способами.

Изготовитель (исполнитель, продавец) – индивидуальный предприниматель – должен предоставить потребителю информацию

о государственной регистрации и наименовании зарегистрировавшего его органа.

Если вид (виды) деятельности, осуществляемой изготовителем (исполнителем, продавцом), подлежит лицензированию и (или) исполнитель имеет государственную аккредитацию, потребителю должна быть предоставлена информация о номере лицензии и (или) номере свидетельства о государственной аккредитации, сроках действия лицензии и (или) указанного свидетельства, а также информация об органе, выдавшем лицензию и (или) указанное свидетельство.

В соответствии со ст. 54 ГК РФ наименование предприятия обязательно должно содержать указание на его организационно-правовую форму, поскольку от организационно-правовой формы зависит объем ответственности предприятия³.

2. Сведения о товарах (работах, услугах)

Согласно ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей» изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать:

наименование технического регламента или иное установленное законодательством Российской Федерации о техническом регулировании и свидетельствующее об обязательном подтверждении соответствия товара обозначение;

сведения об основных потребительских свойствах товаров (работ, услуг), в отношении продуктов питания сведения о составе (в том числе наименование использованных в процессе изготовления продуктов питания пищевых добавок, биологически активных добавок, информация о наличии в продуктах питания компонентов, полученных с применением

генно-инженерно-модифицированных организмов, в случае, если содержание указанных организмов в таком компоненте составляет более девяти десятых процента), пищевой ценности, назначении, об условиях применения и хранения продуктов питания, о способах изготовления готовых блюд, весе (объеме), дате и месте изготовления и упаковки (расфасовки) продуктов питания, а также сведения о противопоказаниях для их применения при отдельных заболеваниях. Перечень товаров (работ, услуг), информация о которых должна содержать противопоказания для их применения при отдельных заболеваниях, утверждается Правительством Российской Федерации;

цену в рублях и условия приобретения товаров (работ, услуг);

гарантийный срок, если он установлен;

правила и условия эффективного и безопасного использования товаров (работ, услуг);

срок службы или срок годности товаров (работ), установленный в соответствии с данным Законом, а также сведения о необходимых действиях потребителя по истечении указанных сроков и возможных последствиях при невыполнении таких действий, если товары (работы) по истечении указанных сроков представляют опасность для жизни, здоровья и имущества потребителя или становятся непригодными для использования по назначению;

адрес (место нахождения), фирменное наименование (наименование) изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера);

информацию о правилах продажи товаров (выполнения работ, оказания услуг);

указание на конкретное лицо, которое будет выполнять работу (оказывать услугу), и информацию о нем, если это имеет значение, исходя из характера работы (услуги);

указание на использование фонограмм при оказании развлекательных услуг исполнителями музыкальных произведений.

Если приобретаемый потребителем товар был в употреблении или в нем устранился

недостаток (недостатки), потребителю должна быть предоставлена информация об этом.

Данная информация доводится до сведения потребителей в технической документации, прилагаемой к товарам (работам, услугам), на этикетках, маркировкой или иным способом, принятым для отдельных видов товаров (работ, услуг). Информация об обязательном подтверждении соответствия товаров предоставляется в порядке и способами, которые установлены законодательством Российской Федерации о техническом регулировании, и включает в себя сведения о номере документа, подтверждающего такое соответствие, о сроке его действия и об организации, его выдавшей.

Закон РФ «О защите прав потребителей» устанавливает, что основная задача предоставления информации о товаре – обеспечение его компетентного выбора. Компетентность выбора обеспечивается предоставлением информации о назначении товара, его качестве, условиях использования, гарантиях и так далее. Продавец (изготовитель) сам должен определять необходимый объем этой информации, памятуя о своей ответственности за неполноту предоставленной информации.

По отдельным видам товаров перечень информации и способы ее доведения до потребителя могут устанавливаться постановлениями Правительства РФ. Правительство РФ постановлением от 27 декабря 1996 г. № 1575 запретило с 1 мая 1997 г. продажу на территории Российской Федерации импортных продуктов питания без информации о них на русском языке. Аналогичный порядок введен другим постановлением с 1 июля 1998 года в отношении непродовольственных товаров. Наличие такой информации должны обеспечить организации и индивидуальные предприниматели, которые осуществляют импорт товаров в Россию.

Недостовверный перевод информации об импортных товарах на русский язык рассматривается как предоставление недостоверной информации.

Непредоставление информации о предприятиях, выполняющих функции изготовителя или продавца для рассмотрения претензий потребителей, ремонта и технического обслуживания товаров является нарушением права потребителя на обеспечение возможности использования товара по назначению и права на информацию, что может повлечь ответственность изготовителя и продавца.

В соответствии с пунктом 12 Правил продажи отдельных видов товаров продавец обязан довести до сведения покупателя информацию о подтверждении соответствия товаров установленным требованиям путем их маркировки знаком соответствия и ознакомить потребителя по его требованию с одним из следующих документов: сертификатом или декларацией о соответствии; копией сертификата, заверенной держателем подлинника сертификата, нотариусом или органом по сертификации товаров, его выдавшим; товаро-сопроводительными документами, оформленными изготовителем или поставщиком (продавцом) и содержащими по каждому наименованию товара сведения о подтверждении его соответствия установленным требованиям (номер сертификата соответствия, срок его действия, орган, выдавший сертификат, или регистрационный номер декларации о соответствии, срок ее действия, наименование изготовителя или поставщика (продавца), принявшего декларацию и орган, ее зарегистрировавший)⁴. Эти документы должны быть заверены подписью и печатью изготовителя (поставщика, продавца) с указанием его адреса и телефона.

Важность для потребителя достоверной и полной информации о товаре, а также об изготовителе (продавце) подчеркивается установлением в Законе РФ «О защите прав потребителей» специальной ответственности за правонарушения в данной области. Эта ответственность является гражданско-правовой ответственностью предпринимателей.

В соответствии со ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей», если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре (работе,

услуге), он вправе потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, а если договор заключен, в разумный срок отказаться от его исполнения и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков.

При отказе от исполнения договора потребитель обязан возвратить товар (результат работы, услуги, если это возможно по их характеру) продавцу (исполнителю).

Продавец (исполнитель), не предоставивший покупателю полной и достоверной информации о товаре (работе, услуге) несет ответственность, предусмотренную пп. 1–4 ст. 18 или п. 1 ст. 29 Закона, за недостатки товара (работы, услуги), возникшие после его передачи потребителю вследствие отсутствия у него такой информации.

При причинении вреда жизни, здоровью и имуществу потребителя вследствие непредоставления ему полной и достоверной информации о товаре (работе, услуге) потребитель вправе потребовать возмещения такого вреда в порядке, предусмотренном ст. 14 Закона, в том числе полного возмещения убытков, причиненных природным объектам, находящимся в собственности (владении) потребителя.

При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара (работы, услуги).

3. Сведения о режиме работы продавца (исполнителя)

Согласно ст. 11 Закона РФ «О защите прав потребителей» режим работы государственных, муниципальных организаций торговли, бытового и иных видов обслуживания потребителей устанавливается по решению соответственно органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; для других организаций, а также для индивидуальных предпринимателей устанавливается ими самостоятельно.

Режим работы доводится до сведения потребителей и должен соответствовать установленному.

Режим работы продавца (исполнителя) должен включать:

выходные дни,
время начала и окончания работы,
время обеденного и иных перерывов в работе.

Режим работы доводится до сведения потребителей на вывеске.

В случае нарушения режима работы потребитель может обращаться с жалобой в территориальные антимонопольные органы, которые в отношении продавца (исполнителя) могут применить различные санкции (от наложения штрафа и до приостановки действия лицензии и даже до ликвидации предприятия, постоянно нарушающего режим работы).

Кроме необходимой информации о товарах (работах, услугах), о продавце (изготовителе, исполнителе) и режиме его работы существуют и *другие виды информации* для потребителя. Наиболее важными и распространенными видами такой информации являются: *договор, реклама, независимая информация*.

Договор, который предлагают заключить потребителю, например при оказании туристических услуг, тоже является информацией для него. Ему нужно внимательно изучить условия предлагаемого договора, и убедиться, что все эти условия понятны, и только потом подписывать. Перед подписанием некоторых видов договоров (например, договор долевого участия в строительстве, договор на

оказание финансовых услуг и др.) имеет смысл предварительно проконсультироваться со специалистом. Согласно статье 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными в законодательстве, признаются недействительными и возникшие в связи с исполнением такого договора убытки у потребителя подлежат возмещению.

Реклама – это тоже информация для потребителя, и к ней применяются все требования Закона РФ «О защите прав потребителей», т. е., если в результате ненадлежащей информации, содержащейся в рекламе, потребителю причинены убытки, то они должны быть ему возмещены.

Публичная оферта – это реклама, в которой потребителю предлагают заключить сделку на определенных условиях. Например, в рекламе сказано, что в магазине «Все для Вас» до 1 ноября предоставляется скидка 5% на все товары. Это – публичная оферта. В случае публичной оферты потребитель вправе потребовать от продавца заключения сделки (на объявленных в рекламе условиях).

Ненадлежащая реклама – это:
недобросовестная,
недостоверная,
неэтичная,
заведомо ложная,
иная реклама, если в ней допущены нарушения требований к ее содержанию, времени, месту и способу распространения.
Законодательством РФ запрещается распространение ненадлежащей рекламы⁵.

Примечания

1. О защите прав потребителей : федер. закон от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
2. Комментарий к Закону РФ «О защите прав потребителей» / Я. Е. Парций. М. : Юрайт-Издат, 2006. – С. 23.
3. Гражданский кодекс РФ. Часть первая : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Об утверждении правил продажи отдельных видов товаров : постановл. Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55 // Рос. газета. – 1998. – 4 февраля.
5. О рекламе : федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Рос. газета. – 2006. – 15 марта.

Савченко Елена Яковлевна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Дорогова Е.В.

СООТНОШЕНИЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ РЕКЛАМЫ

В юридической литературе вопрос разграничения составов недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы является неоднозначным. Спорные моменты возникают и при попытке соотнести эти явления друг с другом, и при определении соотношения норм о недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламе.

Ключевые слова: реклама, конкуренция, антимонопольное законодательство, права потребителей.

Необходимость выяснения соотношения недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы порождаются тем, что цели правового регулирования законодательств о конкуренции и о рекламе пересекаются. Последняя рассматривается как средство продвижения товаров, работ и услуг на общий рынок Российской Федерации и, следовательно, призвана содействовать формированию единого экономического пространства. В этом смысле законодательство о рекламе устанавливает такие нормы, которые, в силу их характера и значения для формирования свободных рыночных отношений, относятся к правовым основам единого рынка. Целям обеспечения единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, защите конкуренции служит и законодательство о конкуренции. Также необходимость разграничения можно объяснить и тем, что спорные моменты возникают и на практике. Так, например, в 2011 г. ООО «Нестле Россия» (далее – Истец) обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с требованием о признании рекламы бульона-желе «Knorr (КНОРР) Душаобеда», распространяемой ООО «Юнилевер Русь» (далее – Ответчик), ненадлежащей по смыслу Федерального Закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» и о запрете ее распространения. Основанием такого обращения послужило использование в указанной рекламе слогана «Knorr (КНОРР). Настоящий вкус. Никакой магии», в которой истец усмотрел некорректное сравнение с производимой и реализуемой им продукцией под товарным знаком «MAGGI». Одновременно Истец пытался признать рекламу

ООО «Юнилевер Русь» актом недобросовестной конкуренции¹. Ненадлежащей рекламой признается реклама с нарушениями законодательства. А недобросовестной конкуренцией признаются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добросовестности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации². В литературе достаточно часто встречается мнение, что недобросовестная конкуренция является более широким понятием по отношению к ненадлежащей рекламе. Сторонники этой позиции ссылаются на то, что понятие недобросовестной конкуренции поглощает понятие ненадлежащей рекламы и следует закрепить ненадлежащую рекламу как форму недобросовестной конкуренции³.

Встречается и другая позиция, сторонники которой считают понятие ненадлежащей рекламы более широким, чем недобросовестная конкуренция. Свою позицию они объясняют тем, что не любая ненадлежащая реклама может быть квалифицирована как акт недобросовестной конкуренции, так как должно быть наличие трех признаков, а именно: действие хозяйствующего субъекта, которое направлено на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречие законодательству РФ и возможный либо

реальный вред другому хозяйствующему субъекту. В ненадлежащей рекламе зачастую отсутствует третий признак⁴. Но при этом акт недобросовестной конкуренции, если он выражен в рекламе, всегда будет являться актом ненадлежащей рекламы. Безусловно, доля правды в этом есть, так как описание вариантов недобросовестной и недостоверной рекламы и недобросовестной конкуренции в законодательстве частично совпадают. В связи с такими позициями логичным является вопрос соотношения законодательства о рекламе и о конкуренции. Одни ученые считают, что Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о конкуренции) имеет приоритет над Федеральным законом от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе), так как действия, нарушающие законодательство о рекламе (ненадлежащая реклама) и направленные на получение преимуществ перед другими лицами, должны признаваться недобросовестной конкуренцией, так как возможность причинения убытков конкурентам такими действиями презюмируется⁵.

Однако позиция пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации заключается в том, что при обнаружении в распространяемой рекламной информации признаков недобросовестной конкуренции действия по распространению рекламы следует квалифицировать как нарушение законодательства о рекламе (ст. 14.3 КоАП РФ), а не как недобросовестную конкуренцию (ст. 14.33 КоАП РФ)⁶. Среди ученых встречается позиция, поддерживающая приоритет законодательства о рекламе, которая объясняется тем, что законодательство о рекламе является специальным по отношению к законодательству о конкуренции. Такую позицию обосновывают тем, что в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации ст. 14.33. «Недобросовестная конкуренция» исключает деяния, предусмотренные ст. 14.3. «Нарушения законодательства о рекламе», то есть приоритет смещается на

квалификацию правонарушения в пользу ненадлежащей рекламы.

Для определения менее спорной позиции необходимо отметить, что действующее законодательство о рекламе и конкуренции нельзя распределять как общее и специальное по отношению друг к другу. Оба закона находятся на одной ступени юридической иерархии, так как являются федеральными законами, более того, оба закона были приняты в одном и том же году, поэтому вряд ли возможно распределить иерархию по более позднему закону. Также следует отметить, что различна административно-правовая ответственность за нарушения законодательства о рекламе и о конкуренции. Различны внутренние последствия за нарушения законодательства о рекламе и о конкуренции. Так, в Законе о рекламе обозначены следующие последствия использования ненадлежащей рекламы: 1) предписание Федеральной антимонопольной службы России; 2) контрреклама. Согласно ч. 3 ст. 36 Закона о рекламе содержанием предписания является требование ФАС России прекратить нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе. Предписание выдается на основании решения антимонопольного органа о признании рекламы ненадлежащей и должно содержать указание о прекращении ее распространения. Данное предписание должно быть исполнено нарушителем в указанный антимонопольным органом срок, но не менее пяти дней со дня получения предписания. Решение же о публичном опровержении недостоверной рекламы (контррекламе) принимается судебным органом в случае установления антимонопольным органом факта распространения недостоверной рекламы, выдачи соответствующего предписания антимонопольным органом, наличия иска к рекламодателю о публичном опровержении недостоверной рекламы (контррекламе) за счет рекламодателя (ч. 3 ст. 38).

Иные внутренние последствия установлены для недобросовестной конкуренции в антимонопольном законодательстве. Так, на основании п. 2 ст. 23 Закона о защите конкуренции в случае обнаружения

факта недобросовестной конкуренции антимонопольный орган имеет право выдать нарушителю несколько видов предписаний, различающихся по содержанию зафиксированных в них требований. Имеются в виду предписания: 1) о прекращении недобросовестной конкуренции; 2) об устранении последствий нарушения антимонопольного законодательства; 3) о восстановлении положения, существовавшего до нарушения антимонопольного законодательства; 4) о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства; 5) об изменении или ограничении использования фирменного наименования⁷.

Следует отметить и тот факт, что внешние последствия также различны. Например, согласно ч. 2.4 ст. 19.5 КоАП РФ минимальный размер административного штрафа для юридических лиц за невыполнение предписания федерального антимонопольного органа о прекращении нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе составляет триста тысяч рублей, а минимальный размер такого штрафа за невыполнение предписания о прекращении недобросовестной конкуренции для этой же категории субъектов – сто тысяч рублей. Особые размеры штрафов предусмотрены и в ч. 2.6 ст. 19.5 КоАП РФ, которая является общей по отношению к двум перечисленным выше частям этой статьи.

И наконец, хотелось бы сказать о различности элементов составов двух правонарушений: недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы. Ненадлежащая реклама представляет собой совокупность следующих признаков: 1) реклама содержит информацию, адресованную неопределенному кругу лиц; 2) направлена на привлечение внимания к объекту рекламирования (товар, услуги, работы), формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке; 3) распространяется любым способом, в любой форме и с использованием любых средств; 4) не относится к информации, на которую Закон о рекламе не распространяется (ч. 2 ст. 2);

5) не соответствует требованиям законодательства Российской Федерации. В свою очередь, недобросовестная конкуренция имеет следующую структуру состава: 1) любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц); 2) действия направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности; 3) действия противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости; 4) действия причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам; 5) данные действия нанесли или могут нанести вред деловой репутации. Таким образом, реклама – это всегда информация, а конкуренция – это действие. И теперь уже мы не можем сказать, что ненадлежащая реклама является формой недобросовестной конкуренции, так как формой должны быть признаны действия по разработке, распространению этой ненадлежащей рекламы, а не сама информация. Реклама признается ненадлежащей в том случае, если она противоречит законодательству, а недобросовестная конкуренция может противоречить обычаям делового оборота, принципам добропорядочности, разумности и справедливости, что говорит о различности целей охраны общественных отношений в сфере предпринимательства.

Для решения данной проблемы разумно обратиться именно к уточнению целей законодательства о рекламе и законодательства о конкуренции. Целями Закона о рекламе являются развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, обеспечение в Российской Федерации единства экономического пространства, реализация права потребителей на получение добросовестной и достоверной рекламы, создание благоприятных условий для производства и распространения социальной рекламы, предупреждение нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, а также пресечение фактов ненадлежащей рекламы⁸. Целями Закона о конкуренции

являются обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защита конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков⁹. Частично цели двух законов перекликаются: и тот и другой призван обеспечивать эффективное функционирование товарных рынков и единство экономического пространства. Но приоритет Закона о рекламе направлен на обеспечение прав потребителей на достоверную и добросовестную рекламу, а Закон о конкуренции призван защищать хозяйствующие субъекты от посягательств конкурентов в целях здорового соперничества на товарных рынках.

Таким образом, чтобы избежать коллизии составов, правоприменителю следует в каждом конкретном деле выбирать подходящую норму, исходя из того, какое общественное отношение наиболее пострадало, какую цель преследовал правонарушитель, и какой закон в конкретном случае лучше восстановит справедливость. Тем не менее, это ни есть безотказный выход из коллизионной ситуации. Проблемы сохраняются до тех пор, пока данный вопрос будет решаться правоприменителем субъективно. Возможно, стоит задуматься о коллегиальном или экспертном решении вопросов разграничения недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы в каждом конкретном случае.

Примечания

1. Дело № А40-64553/11 от 20 декабря 2011 г. // Официальный сайт Арбитражного суда г. Москвы // Режим доступа : <http://www.msk.arbitr.ru/>
2. О защите конкуренции : федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (с изм. от 30 декабря 2012 г.) // Российская газета. – 2006. – 27 июля.
3. Куликова Ю. С. Ненадлежащая реклама как форма недобросовестной конкуренции: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 83.
4. Болотнов И. Недобросовестная конкуренция и ненадлежащая реклама // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Лапшина Д. Недобросовестная конкуренция и ненадлежащая реклама // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»: постановление пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 58 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Тотьев К. Ю. Ненадлежащая реклама и недобросовестная конкуренция: коллизия составов и способы ее устранения // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (с изм. от 28 июля 2012 г.) // Российская газета. – 2006. – 15 марта.
9. О защите конкуренции : федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (с изм. от 30 декабря 2012 г.) // Российская газета. – 2006. – 27 июля.

Дорогова Евгения Вадимовна, ассистент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Тюльпанов Ф.М.

**ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
ПРАВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ**

Статья посвящена рассмотрению основных правовых проблем водопользования, определению правового статуса сельскохозяйственных водопользователей в условиях орошаемого земледелия, основных тенденций развития водного права в области орошаемого земледелия.

Ключевые слова: сельскохозяйственное водопользование, орошаемое земледелие, мелиорация, ирригационная система, гидротехническое сооружение.

Вступление России во Всемирную торговую организацию обязывает все структурные органы власти и управления агропромышленного комплекса приспосабливаться к новым условиям экономики страны. Здесь должна быть продуманная, целеустремленная государственная политика не только в области промышленности, но и аграрного сектора.

При изучении литературы, посвященной проблеме водопользования в сельском хозяйстве, видно, что этому вопросу в науке водного и земельного права недостаточно уделяется внимание, несмотря на принятие новых законодательных актов, и в первую очередь Водного и Лесного кодексов РФ. Основные причины малоизученности проблемы связаны, прежде всего, с недостаточным вниманием к практическому решению задач такой важной отрасли сельского хозяйства. Во-вторых, орошаемое земледелие требует больших финансовых затрат. Не все хозяйства могут позволить себе расходование денежных средств на орошение земель. В-третьих, зачастую у государственных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, да и у самих предпринимателей отсутствуют желание и политическая воля к изменению производства и получения гарантированной сельскохозяйственной продукции. В связи с этим немаловажной является проблема регулирования водопользования в агропроме Российской Федерации.

Вместе с тем следует отметить, что имеется ряд заслуживающих внимания

научных работ, рассматривающих сущность права сельскохозяйственного водопользования, а также вопросы соотношения сельскохозяйственного водопользования с другими видами использования вод.

Некоторые работы посвящены исследованию таких проблем, как управление водными объектами в условиях орошаемого земледелия и мелиорации земель, их рациональное использование¹. Проведены анализы теории и практики применения норм сельскохозяйственного водопользования.

Так, правовому режиму ирригационных систем посвящена работа Л.Б. Шейнина, в которой автор изложил вопросы регулирования ирригационных систем и их взаимоотношений с сельскохозяйственными предприятиями – водопользователями, определено правовое положение управления оросительными системами, а также практика водопользования в мелиорированных районах².

Однако большинство научных работ были написаны в 80-е годы. Сегодня решение проблем орошаемого земледелия становится актуальным, поскольку происходит изменение климата на планете и если раньше, например, на Южном Урале лето в большинстве случаев выдавалось умеренным, благоприятным для выращивания сельскохозяйственной продукции, то в последние годы зачастую оно становится засушливым с меньшим выпадением осадков. Несмотря на большое количество озер и рек в Челябинской области (озер насчитывается 3170, рек протяженностью свыше

100 км – 17), в засушливые периоды погибают урожаи пшеницы, ржи, картофеля и других сельхозрастений. Чтобы получать гарантированную сельскохозяйственную продукцию в растениеводстве и животноводстве, необходимо осуществлять мелиорацию земель, создавая орошаемые площади.

В литературе под мелиорацией земель понимается система производственных мероприятий с целью улучшения состояния земли как производительной силы в сельском хозяйстве. Улучшение состояния земли достигается путем повышения естественного плодородия, восполнения недостающих тем или иным участкам земли благоприятных физических, химических и биологических свойств, устранения неблагоприятных свойств, мешающих применению высокопроизводительных способов ведения сельского хозяйства³.

Характеризуя право сельскохозяйственного водопользования, необходимо отметить, что это основополагающий институт водного права, составляющий совокупность правовых норм, регулирующих отношения по рациональному использованию водных объектов и их охране в сельском хозяйстве. Субъекты права сельскохозяйственного водопользования имеют право на использование водных объектов в своих интересах в соответствии с требованиями водного законодательства. Иначе говоря, они имеют право на реализацию норм как водного, так и земельного законодательства, выполняя условия договора на пользование водами и защиту своих прав.

В условиях орошаемого земледелия эти проблемы возникают с новой силой в период становления рыночных отношений на селе, тем самым усложняя охрану земель и вод. Несмотря на ряд принятых законов, таких, как Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации»⁴, Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения»⁵, Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ «О землеустройстве»⁶, Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного

назначения»⁷, теоретических обобщений и научных выводов в сфере орошаемого земледелия не было сделано. Для того чтобы понять сущность складывающихся отношений в сельском хозяйстве на орошаемых земельных участках, необходимо дать понятие и определение права сельскохозяйственного водопользования.

В законодательстве нет четкого понимания вопроса о порядке предоставления водных объектов в пользование для нужд орошаемого земледелия. Да и в литературе неоднозначно понимается само право водопользования. Нет необходимости рассматривать подробно существующие позиции и точки зрения ученых по этому вопросу. Однако все же следует привести некоторые из них.

Так, О.С. Колбасов пишет, что «водопользование вообще как такового на практике не существует. Но есть добыча воды из реки, моря, озера, подземного водоносного горизонта и т. п.; добыча, осуществляемая путем применения сложных гидротехнических сооружений капитального типа, либо при помощи простейших бытовых приспособлений»⁸.

Т.Г. Калиниченко считает, что водопользованием является «...только использование природных водных объектов, находящихся в исключительной собственности государства, входящих в единый государственный водный фонд»⁹.

Часть 10 ст. 11 Водного кодекса РФ определяет забор (изъятие) водных ресурсов для орошения земель сельскохозяйственного назначения (в том числе лугов и пастбищ) не дает полного представления о водных ресурсах орошаемого земледелия. Общим для права водопользования всех сельскохозяйственных предприятий является то, что одна из его сторон – государственные органы управления водным хозяйством и органы местного самоуправления, а второй стороной выступают лица, использующие водные ресурсы.

Орошение земель сельскохозяйственного назначения – это неотъемлемая часть сельскохозяйственного водопользования, которое регулируется также сельскохозяйственным (аграрным) правом, земельным

правом. Учитывая то, что сельскохозяйственное право включает отношения по эксплуатации водохозяйственных систем (комплекс гидротехнических сооружений и устройств), их необходимо рассматривать в качестве объектов водопользования. Право сельскохозяйственного водопользования в условиях орошаемого земледелия заключается в том, что порядок и условия предоставления в пользование водных ресурсов отличается от права водопользования как такового. Законодатель своими нормами недостаточно полно закрепил права сельскохозяйственных водопользователей, и, как следствие, возникают определенные сложности, связанные со специальным видом водопользования (гидротехнические сооружения, водохозяйственные объекты – водохранилища, оросительные системы, насосные установки, трубопроводы, дамбы обвалования и т. д.). Эти объекты должны быть определены в договоре на водопользование с сельскохозяйственными предприятиями, учреждениями и фермерскими хозяйствами.

Соответственно, содержание договора на водопользование в орошаемом земледелии должно включать в себя: сведения о водном объекте; описание его границ, в пределах которых предполагается осуществлять водопользование.

Очевидно, ч. 10 ст. 11 Водного кодекса РФ требует более конкретной регламентации права сельскохозяйственного водопользования. В целом необходима унификация норм водного законодательства в системе мелиорации и орошения земель. В связи с этим возникает необходимость теоретического обоснования этого вида водопользования в качестве института водного права. Кроме того, по нашему мнению, следует издать закон «О сельскохозяйственном водопользовании в Российской Федерации» либо дополнить существующий закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». В них должны быть определены субъекты права водопользования, а также правовой статус органов государственного управления водным хозяйством, которое принимает на себя обязанность

наиболее полно и разумно использовать их, создавая соответствующие условия субъектам права водопользования для реализации их прав.

Следующая проблема – это воздействие агроуправляющих мероприятий на окружающую среду. Исследование правового регулирования общественных отношений в данной сфере исходит из того, что агроуправление представляет собой мощный фактор отрицательного воздействия на состояние окружающей среды.

Решая вопрос о развитии программы плодородия почв в стране, государство в равной мере должно учитывать как положительные, так и отрицательные последствия применения химизации и другого воздействия на земли сельскохозяйственного назначения.

С целью сохранения плодородия почвы и ее незагрязнения, следует вести хозяйство таким образом, чтобы гарантировать сельскохозяйственный экономический эффект при экологически благоприятных результатах мелиоративного вмешательства в экосистемы. Здесь также важное значение имеет принцип целевого использования водных ресурсов в сельском хозяйстве. Согласно ст. 37 Водного кодекса РФ водные объекты используются для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, сброса сточных и (или) дренажных вод, производства электрической энергии, водного и воздушного транспорта, сплава древесины и иных предусмотренных настоящим Кодексом целей. Несмотря на широкий охват норм водного законодательства, являющихся основой многих статей, тем не менее, на наш взгляд, она не содержит положений, регулирующих водные отношения на орошаемых землях. Представляется, что нынешнее водное законодательство должно более детально своими нормами регламентировать эти отношения, включая принцип целевого использования вод в хозяйствах агропромышленного комплекса РФ. Желательно было бы воспроизвести статью 21 Водного кодекса РСФСР 1972 г.

Предписание ст. 37 Водного кодекса РФ не дает полного представления о целевом использовании орошаемых земель. Законодатель предполагает, что не следует перечислять цели использования вод, и говорит о том, что список не является исчерпывающим. Такая регламентация норм ст. 37 Водного кодекса вызывает ряд возражений. Во-первых, это вопросы, для которых нет конкретного решения. Во-вторых, законодатель оставляет «лазейку» недобросовестным водопользователям. И, в-третьих, сам принцип целевого водопользования теряет смысл его существования.

Отсюда следует, что Водный кодекс 2006 г. упростил процедуру приобретения права водопользования, исключив порядок лицензирования водных объектов. К водным объектам, как уже говорилось, относятся все водохозяйственные системы, включая государственные, муниципальные и частные. Частные могут принадлежать предприятиям различных отраслей производства, которые используют их как для своих нужд, так и в интересах третьих лиц.

Сам порядок и условия предоставления водных объектов в пользование – это ничто иное, как государственные мероприятия, закрепленные в водном и земельном законодательстве и направленные на использование различных видов водопользования. Существующие федеральные законы: «О мелиорации земель», «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» носят общий, декларативный характер и не определяют такие понятия, как «водные мелиорации», «сельскохозяйственное водопользование», «гидротехнические сооружения».

Для обеспечения рационального использования и охраны водных ресурсов в сельском хозяйстве необходимо: 1) систематизировать водное законодательство в области орошаемого земледелия на уровне Федерации и субъектов Федерации; 2) объединить все земельно-правовые нормы и требования, предусмотренные не только земельным законодательством, но и другими отраслями российского законодательства; 3) уделить

больше внимания изучению правового режима отдельных категорий земель государственного земельного фонда, особенно орошаемых земель; 4) обеспечить своевременное обнаружение новых земельно-правовых актов, используя для этого все имеющиеся каналы и средства массовой информации; 5) укрепить правовое положение, систему и структуру органов государственного контроля за использованием и охраной орошаемых земель.

Рыночные отношения требуют комплексного подхода к разработке договоров в области использования мелиорации и орошение земель. При разработке новых видов договоров следует исходить из комплексного характера понятия «мелиорация» как процесса, регулируемого различными отраслями права. В договоре необходимо предусмотреть требования земельного, водного и аграрного права по обеспечению улучшения земель и совершенствования взаимоотношений сельскохозяйственных организаций, предпринимателей с обслуживающими его отраслями экономики. Для этого необходимо разработать Типовой договор по высокоэффективному использованию мелиорированных и орошаемых земель. Таким образом, при определении понятия права сельскохозяйственного водопользования в условиях орошаемого земледелия необходимо указать три признака: 1) использование природных запасов воды, состоящих в собственности государства и предоставляющихся для всех видов пользователей в агропроме; 2) использование самого физического состояния воды, включая поверхностные и подземные источники; 3) использование таким способом, при котором происходит какое-либо воздействие на состояние водных объектов, либо затрагиваются условия водопользования других субъектов.

Также при определении понятия права сельскохозяйственного водопользования в условиях орошаемого земледелия следует учитывать такие объекты, как «водохозяйственные сооружения и устройства», «оросительные системы», «мелиорация», а также «сельскохозяйственное водопользование»,

ибо это связано с разработкой мелиоративных проектов, которые, прежде всего, направлены на использование водных объектов. Под водным объектом понимается природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима (ст. 1 п. 4 Водного кодекса РФ). Однако законодатель не связывает понятие водного объекта с качественным состоянием орошаемых и мелиорированных земель. В практике водопользования различают три группы водных сооружений и устройств. К первой относятся все водохозяйственные сооружения и устройства, имеющие федеральное значение, (перечень их устанавливается Правительством РФ и Минприроды), ко второй – имеющие республиканское, краевое и областное значение; к третьей – ирригационно-мелиоративные устройства, определяющие внутрихозяйственную деятельность и находящиеся на территории хозяйства.

Возникает вопрос, можно ли относить к объектам права водопользования не только

сами водные ресурсы, но и водопроводящие, канализационные, оросительные, обводнительные, осушительные и иные водохозяйственные сооружения и устройства? В соответствии с водным законодательством все каналы, оросительные (ирригационные) и тем более осушительные, а также служащие для обводнения отгонных пастбищ, признаны водными объектами. Вместе с тем непонятен правовой режим каналов, расположенных на территории земельных участков, принадлежащих юридическим и физическим лицам на праве частной собственности, и используемых для орошения, обводнения, водоснабжения и т. д. Все это требует специальных теоретических разработок и подготовки концепции мелиорации земель, которые включали бы всестороннее исследование и раскрытие содержания этой концепции. Таким образом, решение этих вопросов сегодня остается актуальным и, на наш взгляд, связано с осуществлением частичной кодификации сельскохозяйственного и водного законодательства в области орошаемого земледелия.

Примечания

1. Калининченко Т. Г. Право сельскохозяйственного водопользования. – М. : Наука, 1989. – С. 34.
2. Шейнин Л. Б. Правовой режим государственных ирригационных систем. – М., 1978.
3. Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве / отв. ред. О. С. Колбасов. – М., 1989. – С. 49.
4. О мелиорации : федер. закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 142.
5. О государственном обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения : федер. закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3399.
6. О землеустройстве : федер. закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 26. – Ст. 2558.
7. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.
9. Колбасов О. С. Теоретические основы пользования водами в СССР. – М.: Наука, 1972. – С. 15.
10. Калининченко Т. Г. Указ. соч. – М. : Наука, 1989. – С. 11.

Тюльпанов Фарид Муллагалиевич, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Танаева З.Р., Казарцева Г.А.

**УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ В ПРАВОВОМ ПРОСВЕЩЕНИИ
КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ**

Авторы статьи обосновывают необходимость развития педагогических компетенций у будущих юристов в целях распространения правовых знаний, воспитания правосознания и правовой культуры населения, в том числе среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: федеральный государственный образовательный стандарт, профессиональные компетенции, правовая культура, социальный проект.

Переход на Федеральные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения вызывает особый интерес к поиску наиболее эффективных организационно-содержательных подходов к формированию профессиональных компетенций студентов юридических вузов. Весь учебно-воспитательный процесс в вузе должен быть направлен на формирование компетенций как основы духовного и личностного развития студентов. Однако рядом исследователей констатируется противоречие между возрастающей потребностью студентов-юристов в самореализации, саморазвитии в сфере формирования профессионально важных качеств, обеспечиваемых овладением профессиональной правовой культурой, и снижением мотивации учебной деятельности студентов, связанной с теоретичностью изучаемых дисциплин и невозможностью переноса формируемых знаний в практическую деятельность¹.

Компетенция, понимаемая как «интегративная целостность знаний, умений и навыков, обеспечивающих профессиональную деятельность»², проявляется только в процессе деятельности через призму личностных качеств, достижений, ценностно-смысловых характеристик личности. Суть понятия «компетенция» заключается в его комплексном характере – интеграции знаний, умений, ценностей, установок и отношений, которые являются равнозначно важными для осуществления профессиональной деятельности.

В этом смысле существенные возможности для личностного и профессионального совершенствования будущих юристов предоставляет система работы по

формированию профессиональных компетенций в педагогической деятельности, выделяемых стандартами нового поколения среди основных видов профессиональных компетенций у бакалавров и магистров по направлению подготовки 030900 Юриспруденция.

В соответствии с ФГОС выпускник должен быть подготовлен к решению следующих профессиональных задач в педагогической деятельности: преподавание правовых (юридических – для магистров) дисциплин, осуществление правового воспитания. В результате освоения основных образовательных программ и бакалавриата, и магистратуры по направлению подготовки 030900 Юриспруденция, у выпускников должны быть сформированы в педагогической деятельности такие профессиональные компетенции, как способность преподавать правовые (юридические) дисциплины на высоком теоретическом и методическом уровне, способность эффективно осуществлять правовое воспитание, управлять самостоятельной работой обучающихся и др.

Необходимость развития педагогических компетенций у юристов обусловлена тем, что в обязанности юристов, особенно сотрудников правоохранительных органов, входит распространение правовых знаний, воспитание правосознания и правовой культуры населения, просветительно-разъяснительная работа. В связи с этим одной из основных задач деятельности юридических вузов на сегодня является создание условий, открывающих возможности для самореализации будущего юриста в данном направлении уже в условиях высшего учебного заведения.

Исходя из понимания сущности педагогических компетенций, в первую очередь, таких как способность осуществлять правовое воспитание и преподавать правовые дисциплины, а также потребности студентов в самореализации, мы предположили, что формирующий характер будет носить деятельность студентов, направленная на решение конкретной социально значимой задачи, средством осуществления которой является правовое воспитание. Мы также исходили из того, что одним из наиболее актуальных направлений в практике работы с молодежью в последнее время является социальный проект³.

Учитывая изложенное, на факультете подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета было принято решение о проектировании и реализации социального проекта «Право о тебе – тебе о праве» для проведения активной правовой пропаганды и популяризации правовых знаний среди школьников.

Актуальность проекта обусловлена вниманием современного общества к сложной социальной проблеме – проблеме подростковой преступности. Содержание проекта направлено на реализацию идей Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы⁴, Основ государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан⁵, принятых Президентом Российской Федерации в апреле 2011 г. Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного правового цивилизованного государства. К одному из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения правовой грамотности и правосознания граждан отнесено и развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня. Система работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних возникает и

развивается в первую очередь там, где происходит непосредственное взаимодействие с детьми и их проблемами, а именно в образовательных учреждениях. Именно поэтому принципиально важно проведение различных мероприятий по разъяснению правовых норм несовершеннолетним в образовательных учреждениях.

Таким образом, основной целью реализованного в 2012 году социального проекта «Право о тебе – тебе о праве» стала профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, формирование гражданской ответственности и правового самосознания, законопослушного поведения, повышение правовой культуры несовершеннолетних, создание целостного представления о личной ответственности за противоправные деяния, предусмотренные уголовным и административным законодательством. В соответствии с поставленной целью были определены задачи проекта: формирование правосознания и правовой грамотности школьников; развитие интереса школьников к юридическим профессиям; взаимодействие с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних г. Челябинска по вопросам правового просвещения студентов и школьников и учебно-методического обеспечения; организация проведения и участие в городской межведомственной профилактической акции «Правовое просвещение»; проведение деловых игр «Несовершеннолетние: преступление и наказание» с учащимися 9-10-11 классов в общеобразовательных учреждениях, расположенных на территории г. Челябинска; развитие организационно-управленческих компетенций студентов, сплочение студенческого коллектива, формирование навыков работы в команде; формирование у студентов юридических вузов общекультурных, коммуникативных и профессиональных педагогических компетенций; сотрудничество со студентами других факультетов и вузов юридической направленности в деятельности по правовому просвещению молодежи.

Организационно-правовой формой реализации проекта был избран временный творческий коллектив (ВТК), в состав которого вошли руководители кафедр и иных

структурных подразделений факультета, преподаватели, студенты, практические работники. Деятельность временного творческого коллектива осуществлялась по двум направлениям: организация учебно-методического обеспечения и непосредственное правовое просвещение в общеобразовательных учреждениях города.

В соответствии с теорией социальных проектов участниками ВТК была проделана существенная работа по моделированию и проектированию наиболее эффективных форм и методов правового просвещения школьников по вопросам преступности несовершеннолетних, оценке возможностей студенческого коллектива для реализации социально значимого проекта. Участники проекта провели статистический анализ состояния преступности и иных правонарушений несовершеннолетних на территории Российской Федерации и г. Челябинска, выявили проблемы подростковой преступности, изучили особенности уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних. Был сделан выбор в пользу деловой игры как формы правового просвещения с учетом ее возможностей: благодаря совместной деятельности устанавливаются более теплые и конструктивные взаимоотношения со школьниками, развиваются способности творчески мыслить и грамотно работать с информацией, появляется возможность быстрого изменения установок и взглядов. Были разработаны сценарии деловых игр и презентации на тему «Несовершеннолетние: преступление и наказание» для учащихся старшего школьного возраста.

Каждая игра включала информационно-просветительский блок с разъяснением вопросов уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних за противоправные деяния. В основной части игры учащимся были предложены ситуации, характеризующие преступления и правонарушения несовершеннолетних, и предлагалось их обсудить в малых группах, высказать мнение, относится ли данное деяние к преступлениям или правонарушениям, как этот поступок оценивается законом, каковы последствия для молодого человека, если ему исполнилось 16 лет и т. д. Отдельный

блок игры представлял собой инсценированное судебное заседание, где участники из числа школьников исполняли роли судьи, прокурора, адвоката. Игровая форма, возрастная близость школьников и студентов помогли сделать пропаганду правовых знаний более доходчивой и эффективной.

Необходимо отметить, что мероприятия проекта были взаимосвязаны с программой городской межведомственной профилактической акции «Правовое просвещение», организованной Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации г. Челябинска при поддержке Городской думы г. Челябинска.

В рамках непосредственного правового просвещения в 35 общеобразовательных учреждениях города Челябинска студентами проведены деловые игры. В проекте приняли участие около тысячи школьников 8–11 классов, 80 студентов Технологического колледжа ЮУрГУ. Деловые игры педагоги и учащиеся оценили только с положительной стороны. Приведем наиболее яркие ответы проведенного экспресс-опроса школьников по итогам деловой игры: «За все нарушения ты несешь ответственность», «Правонарушение – это так же плохо, как и преступление», «Я открыл для себя интересный мир правосудия», «Закон очень строгий, и все нарушения наказываются жестко», «Я поняла, что даже за самую мелкую ошибку идет наказание», «Необходимо учиться на ошибках других людей и не преступать закон».

В рамках социального проекта «Право о тебе – тебе о праве» в дальнейшем планируется обобщение материалов и подготовка их к распространению в образовательных учреждениях для использования в практической деятельности органов школьного самоуправления, социальных педагогов, классных руководителей и кураторов, иных заинтересованных лиц; подготовка учебных видеофильмов «Ответственность несовершеннолетних за правонарушения», «Как научиться сказать «нет»; выступления в школах перед учащимися 5–7 классов.

Мы считаем, что социальный проект «Право о тебе – тебе о праве», направленный на духовно-нравственное развитие современной молодежи через активную правовую пропаганду, популяризацию правовых знаний,

предупреждение преступности среди несовершеннолетних, способен помочь в решении глобальной задачи повышения правовой культуры и предупреждения преступности в обществе. Инициаторы проекта видят основную его миссию в способствовании духовно-нравственного развития современной молодежи через активную правовую пропаганду, популяризацию правовых знаний.

Для студентов участие в проекте стало возможностью применить полученные знания из области административного, уголовного права, гражданского права, педагогики и психологии на практике. В ходе реализации проекта были созданы условия для формирования у студентов организационно-управленческих умений, умений ораторского искусства и коммуникативных способностей. Члены проектной команды учились устанавливать контакт с незнакомой подростковой аудиторией, организовывать взаимодействие между малыми группами, направлять диалог в правильное русло, формировать установку на освоение школьниками правовой культуры. Студентам удалось и реализовать на практике тео-

ретические знания, полученные ими в процессе изучения административного, гражданского, уголовного права, и почувствовать себя субъектами образовательной деятельности, способными формулировать и решать педагогические задачи, отбирать содержание, формы и методы организации учебно-воспитательного процесса, создавать необходимые условия для совместной деятельности в процессе осуществления правового просвещения, активизировать деятельность школьников, осуществлять самоанализ и анализ педагогической деятельности.

Таким образом, привлечение студентов юридических вузов к проведению правового просвещения с использованием технологии социального проектирования выступает как одно из условий развития у будущих юристов профессиональных педагогических компетенций, среди которых: способность преподавать правовые дисциплины на необходимом теоретическом и методическом уровне, способность управлять самостоятельной работой обучающихся, способность эффективно осуществлять правовое воспитание.

Примечания

1. Ходневич Е. А. Формирование основных профессиональных компетенций студентов юридических факультетов вуза : дис. ... канд. пед. наук. – М., 2011. – 165 с.: ил.
2. Зеер, Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. – 2005. – № 4. – С. 26.
3. Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование. – Ростов-н/Д: Феникс, 2009. – 412 с.
4. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Рос. газета – 2011. – 14 июля.

Танаева Замфира Рафисовна, заведующий кафедрой социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор педагогических наук, доцент;

Казарцева Галина Андреевна, директор центра дополнительного образования факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), кандидат педагогических наук, доцент.

Гришмановский Д.Ю.

О РАБОТЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (на примере Челябинской области)

В статье проанализирован опыт работы юридической клиники на базе высшего учебного заведения. Отражены основные принципы, правила работы юридической клиники, а также порядок проведения консультации. Материалом для данной статьи служит современное законодательство и практический опыт работы в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: юридическая клиника, клиническое образование, бесплатная юридическая помощь, помощь малообеспеченным гражданам, безвозмездная правовая поддержка.

Оказание бесплатной юридической помощи малоимущим и социально незащищенным слоям населения выступает сегодня одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. На это неоднократно обращал свое внимание Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев, в том числе на встрече с членами президиума «Ассоциации юристов России» 16 апреля 2009 года.

Юридическая клиника оказывает юридическую помощь только малообеспеченным гражданам, к которым относятся пенсионеры, безработные, студенты, инвалиды, военнослужащие срочной службы, дети-сироты, а также другие категории, чей ежемесячный доход не превышает прожиточного минимума, установленного в Челябинской области.

Граждане, указанные выше, подтверждают свой статус соответствующими документами (пенсионными удостоверениями, военными или студенческими билетами, справками о постановке на учет на бирже труда и др.). Однако непредставление гражданами таких документов не является безоговорочным основанием для отказа им в юридической помощи, соответственно, даже при отсутствии таких документов им может быть оказана бесплатная юридическая помощь. Необходимо сказать, что в случае очевидности благосостояния обратившегося за помощью в юридическую клинику гражданина, ему может быть отказано в предоставлении бесплатной юридической помощи.

Следует отдельно отметить, что клиника не оказывает юридическую помощь по

вопросам, связанным с предпринимательской деятельностью. Это связано, прежде всего, с тем, что одной из целей юридической клиники является участие в решении социальных проблем общества через правовое просвещение и оказание юридической помощи социально незащищенным слоям и группам населения.

Как правило, для посетителей подготовлены информационные стенды, в том числе с образцами заполненных процессуальных документов, с которыми наиболее часто приходится работать при обращении граждан по юридическим вопросам.

Процесс консультирования проходит в два этапа.

На первом этапе консультант выясняет только конкретные обстоятельства дела, необходимые для его правовой квалификации. Лишь после этого принимается решение о том, будет ли принято дело клиента к работе. Если дело принимается, консультант назначает клиенту повторную встречу.

Второй этап – непосредственно предоставление юридической консультации. В зависимости от сложности дела второй этап может состоять из нескольких встреч клиента и консультанта. Каждую такую встречу консультант назначает самостоятельно, исходя из своих возможностей и возможностей клиента.

В клинике, как правило, оказывается помощь по следующим направлениям: конституционное право; административное право; трудовое право; право социального обеспечения; жилищное право; семейное право; гражданское право; наследственное право; уголовное право; уголовный процесс; налоговое право и др.

Далее следует отметить, что помимо такой цели, как оказание помощи малоимущим слоям населения, деятельность юридической клиники направлена на повышение качества, совершенствование форм и методов обучения студентов-юристов, а также на закрепление теоретических знаний и приобретение практического опыта по получаемой в институте специальности. Конечно же, основная цель клиники – выработка практических навыков юриста: беседа, интервью, анализ дела и выработка правовой позиции, консультирование, техника юридического письма. В некоторых учебных заведениях участие студентов в деятельности юридической клиники может засчитываться им в качестве прохождения учебной практики, что порой неплохо их стимулирует.

В ходе оказания юридической помощи населению, обучающиеся, привлеченные к работе в клинике, предоставляют клиенту консультацию в письменной форме, которая обязательно разъясняется на итоговой встрече с клиентом. Важно подчеркнуть, что каждая такая консультация будет дана клиенту только после предварительного одобрения ее руководителем юридической клиники. Студенты не вправе консультировать клиентов по вопросам, требующим

письменной подготовки, до получения одобрения на каждую консультацию.

Наиболее часто граждане обращаются по таким вопросам, как приватизация земельного участка, дома, квартиры; доверительное управление имуществом; защита прав потребителей; составление искового заявления; исчисление сроков исковой давности; обеспечение жильем ветеранов и др.

Характер и количество обращений в юридическую клинику свидетельствуют о необходимости продолжения и развития ее работы по оказанию правовой помощи населению Челябинской области. Как показала практика, зачастую многие граждане не имеют возможности оплачивать услуги юридических компаний, поэтому работа юридической клиники любого высшего учебного заведения дает возможность социально незащищенным слоям и группам населения получать квалифицированную юридическую помощь и содействие в осуществлении своих прав и обязанностей абсолютно бесплатно.

Развивая данное направление, мы, с одной стороны, обеспечиваем присутствие практического компонента в обучении студентов высшего учебного заведения и, с другой стороны, осуществляем безвозмездную правовую поддержку незащищенным слоям населения нашей области.

Гришмановский Денис Юрьевич, доцент кафедры гражданского права и процесса Челябинского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета, кандидат юридических наук.

Голощанова Т.Г.

НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПОНЯТИЯ РОДСТВА И СВОЙСТВА

В настоящей статье внимание уделяется нормативному аспекту культуры профессиональной юридической речи, в частности правильному выбору и уместному употреблению в процессе официального дискурса номинативных единиц современного русского языка.

Ключевые слова: язык права, культура речевого общения, официальный дискурс, коммуникативная система.

На современном этапе развития российского общества большое внимание уделяется культуре речевого общения в разных сферах социальной деятельности человека в силу того, что это важнейший регулятор коммуникативной системы «человек – культура – язык». Грамотное и правильное использование языковых средств позволяет обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

В немалой степени сказанное относится и к официальной профессиональной юридической (правовой) сфере общественной деятельности. В этом плане принято употреблять терминологическое словосочетание *язык права (закона)*. Официальный юридический дискурс предполагает строгое соблюдение коммуникативных, литературных и этических норм языка и речи. Как отмечают Н.Н. Ивакина и Е.Е. Подголин, от уровня культуры речи во многом зависит выполнение юристом его высокой общественной функции¹.

В настоящей статье внимание уделяется нормативному аспекту культуры профессиональной юридической речи, в частности правильному выбору и уместному употреблению в процессе официального дискурса номинативных единиц современного русского языка, обозначающих семейные отношения родства и свойства (*мать, отец, брат, внук, дед, племянник, деверь, шурин* и др.). Возникновение данных лексем, которые относятся к древнейшему пласту в словарном составе языка, непосредственно связано с развитием и становлением семьи.

Само слово *семья*, которое в современном русском языке имеет значение «группа живущих вместе родственников (муж, жена, родители с детьми)»², этимологически связано с мистической для русичей

цифрой *семь*, служащей ранее для обозначения всех домочадцев, а также работников³. Как видно из толкования, в семье устанавливаются и имеют место человеческие родственные отношения. Однако в процессе юридического дискурса необходимо отличать кровное и некровное (свойство) родство и, следовательно, кровные и некровные семейные отношения.

Кровные родственные отношения – это отношения, устанавливаемые между теми членами семьи, которые имеют общего по происхождению (образно говоря, – по крови) предка, например *мать, сын и дочь, сын, дочь и отец, дед и внук, брат и сестра* и т. п. Русский человек исстари обращался за помощью к своим предкам, родственникам по семейным связям и узам, что нашло своё отражение в хорошо нам известном выражении *чур меня (чур или щур* – так в славянском языке наименовали почивших в бозе предков).

Некровные отношения, или отношения свойства (слово *свойство* – суффиксальное производное от общеславянского номинанта *свой* в значении «связанный близкими отношениями»), возникают в семье в результате определенной (некровной) близости. Так, муж и жена, вступившие в брак, находятся в отношениях свойства. Родственники жены и мужа, крестные мать и отец между собой также находятся в отношениях свойства (*свёкор и свекровь, тесть и тёща, сватья и сват, золовка и деверь, кум и кума, падчерица и пасынок, мачеха* и т. д.).

Номинанты, обозначающие кровное, основанное на общности биологического происхождения родство, очень древние, восходят либо к индоевропейскому, либо к общеславянскому языку. Так, общеславянское индоевропейского характера слово *мать*, возникшее из детского лепетного

*мама*⁴, первоначально имело значение «сильная, зрелая, старая». Предполагается, что в понятийном плане слово отражает период матриархата, когда во главе семьи (рода) стояла женщина. Отголосками этого периода явились, в частности, хорошо известные в настоящее время номинанты *матёрый* («крепкий; опытный, знающий»), *заматереть* («набраться опыта и сил»), а также, как предполагают некоторые лингвисты, матерные слова, относящиеся в современном русском языке к бранным и оскорбительным (особенно по отношению к женщине) словам, употребление которых свидетельствует о низкой языковой, в том числе и духовной культуре человека.

Слово *отец* также является общеславянским новообразованием на месте индоевропейского *патер* – «старший семьи, рода». На Руси этим словом именовали также дедушку. Из детской речи пришли синонимы к слову *отец*: *тата, тятя, папа* – из детской речи, а равно *батя, батько(а), батюшка*.

Среди лексем, отражающих понятие кровного родства, выделяются группа слов с прямым родством по женской и мужской линиям: *отец, сын, дед, внук, прадед, правнук, мать, дочь, бабушка, прабабушка, внучка, правнучка* – и группа слов с родством по боковой линии: *брат, дядя, племянник, двоюродный брат, двоюродный племянник, внучатый племянник, троюродный брат, сестра, внучатая племянница, тётя, двоюродная тётя, двоюродная сестра, троюродная тётя* и т.п. Например, термин прямого кровного родства *дочь* (*дщерь* – книжный высокий стиль языка) имеет первоначальное значение «вскормленная матерью», или «грудной ребёнок» (женского пола). Сравните номинанты *доить, доярка, дояр*. Однокоренным по происхождению к слову *батько(а)* является лексема кровного родства по боковой линии *брат*, первоначальное значение которого – «член мужского союза». Отсюда и хорошо известные сегодня выражения *брат по крови, брат по оружию, брат по борьбе* и т.п. В разговорно-бытовой сфере общественной деятельности часто употребляются слова *брательник, братан*, которые ранее имели значение «двоюродный брат».

Необходимо отметить, что в русском языке с помощью приставки *пра-*, которая служит своего рода указанием на родство или связь в дальнем порядке предков или потомков, и прилагательных, например *двоюродный, троюродный* (этимология связана с принадлежностью человека к двум, трём и т. д. семьям) можно выразить любое отношение кровного родства: *прабабушка (прабаба)* – мать деда или бабушки, *прадед, прадедушка* – отец деда или бабушки, *прародители, прамаменька, прапрадед, прапрабабушка, двоюродный дядя, троюродная сестра* и т. д.

В целом можно сказать, что термины, служащие обозначению кровных родственных отношений, понятны большинству носителей русского языка, что нельзя сказать о словах, отражающих понятия некровного родства (свойство). Довольно часто в юридической практике имеет место неправильное (неточное) употребление номинантов отношения свойства. Рассмотрим некоторые слова данной категории, вызывающие затруднения при их использовании в процессе межличностной коммуникации.

Понятия родства через супружество отражают, в частности, такие часто употребляемые слова, как *свёкор, свекровь, зять, тёща, деверь, золовка, невестка, сноха*.

Свёкор и *свекровь*, – соответственно, отец и мать мужа. Номинанты восходят к древнеиндийскому языку и имеют соответствие во многих европейских языках. Ранее это были сложные слова, компоненты которых – *св-* (свой) и *кор-* (*кровь-*) образовали лексемы с исходным значением «глава рода, чья кровь течёт во всех потомках»⁵. В отличие от названных терминов номинанты *тесть* и *тёща*, этимологически восходящие к древнегреческому языку (в буквальном переводе – «родители»), служат обозначением, соответственно, отца и матери жены – по отношению к ее мужу.

Не следует путать слова *невестка* и *сноха*, которые, к сожалению, в настоящее время даже в процессе официальной коммуникации употребляют в качестве абсолютных синонимов. *Сноха* (слово индоевропейское по происхождению – «жена сына; сыновья жена; связующая») – жена сына по

отношению к его отцу, а по отношению к матери жена сына именуется *невесткой*⁶. Таким же образом называют и жену брата, и жену одного брата по отношению к жене другого брата. В данном случае на значение, а равно использование слова в процессе коммуникации оказывает влияние довольно прозрачная морфемная этимология: корень *сн-* (*сын*) в слове *сноха*, корень *невест-* в слове *невестка*.

Брата мужа по отношению к его жене принято именовать *деверем*; сестру мужа – *золовкой*. Этимология этих слов не совсем ясна. Можно предположить, опираясь на народные обычаи и поверья, что слово *деверь* исторически производно от глагола *доверить*, а происхождение слова *золовка* связано либо с тем, что сестра мужа была призвана заниматься «черной» домашней работой, либо, с учетом чередования исконно русского полногласия и старославянского неполногласия (-оло- // -ла-), является однокоренным лексеме *зло* (недаром в народе говорят: «Золовушка – злая головушка»).

Брат жены по отношению к ее мужу именуется *шурином*; сестра жены – *свояченица*, *свояк* – муж сестры. Слово *шурин* в данном случае не имеет никакого отноше-

ния к имени собственному (уменьшительное от имени *Александр*), а восходит к старославянскому языку и является производным, по мнению ряда ученых, от лексемы *шить*⁷. Другими словами, *шурин* – тот, кто связывает, соединяет. Номинант *свояк* является однокоренным таким словам, как *свой* и *собственный*.

Среди слов, обозначающих свойство в родственных отношениях, следует отметить и такие, как *единокровный брат* и *единокровная сестра* – сын или дочь одного отца от другой матери, *единоутробный брат* и *единоутробная сестра* – сын или дочь одной матери от других отцов; *сводный брат* и *сводная сестра* – сын или дочь мачехи или отчима⁸.

Таким образом, грамотное употребление имеющихся в языке номинативных единиц, в том числе и рассмотренных нами, в процессе официального юридического дискурса, а равно культура всего процесса речевого межличностного общения позволят специалисту в области правоохранительной и правоприменительной деятельности достичь взаимопонимания и установить психологический контакт с собеседником, принадлежащим к тому или иному минисоциуму.

Примечания

1. Голощапова Т. Г., Иванова М. А. Русский язык в деловой и процессуальной документации. – Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2009.
2. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи. – М. : Логос, 2002.
3. Голуб И. Б. Риторика: учитесь говорить правильно и красиво. – М. : Издательство «Омега-Л», 2009.
4. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). – М. : Юристъ, 2002.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Изд-во «Оникс» : Изд-во «Мир и образование», 2006.
6. Подголин Е. Е. Культура следственных действий. – Волгоград, 1978.
7. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – М. : Дрофа, 2000.
8. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. – СПб : Виктория плюс, 2004.

Голощапова Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), кандидат филологических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Галыгина Е.С.

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ НОРМ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

В статье рассматриваются различные способы толкования норм уголовно-процессуального права, а также содержание и пределы применения того или иного способа толкования.

Ключевые слова: норма права, толкование норм права, уголовный процесс, оценочный термин.

Процесс толкования норм уголовно-процессуального права в истории своего развития был неодинаков. Он прошел периоды, которые можно охарактеризовать как противоречивые и неоднозначные. Порой этот процесс имел общие черты с процессом толкования норм иных отраслей права.

Одна из первых особенностей толкования относится к периоду Древнего Рима, когда толкование судебной практики пятью известными юристами того времени (Папинианом, Павлом, Ульпианом, Модестином, Гаем) приравнивалось к закону¹. По сути, это был особый вид толкования правовых норм, когда обыденному казуальному толкованию придавалось свойство обязательности. Позднее толкование объявлялось либо сугубо официальной, исключительно государственной монополией, либо вовсе запрещалось. Например, такой запрет имел место в ряде европейских стран в XVIII–XIX веках².

В дореволюционной России преобладала иная точка зрения. Видные юристы того времени обосновывали важность и обязательность толкования³.

Под толкованием правовых норм в различные периоды истории отечественной юриспруденции понималось не одно и то же. Одни авторы относили к толкованию исключительно уяснение смысла правовых норм⁴; другие – только разъяснение правовых норм⁵. Такое понимание сущности толкования было неполным, в настоящее время оно устарело и практически не разделяется современными авторами. Третья группа исследователей справедливо считает, что толкование правовых норм – это двойственный процесс как уяснения, так и разъяснения правовых норм⁶.

По мнению А.В. Осипова, необходимость толкования закона вызвана следующими причинами: оказание помощи в интерпретации смысла, значения и логической связи нормы права; объяснение терминов используемых законодателем юридических конструкций при изложении государственной воли, содержащейся в нормах права; несовершенство и неадекватное использование законодательной техники; отсутствие ясного, точного, понятного языка нормативного акта, т. е. наличие двусмысленных и расплывчатых формулировок⁷.

По мнению В.М. Быкова, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не представляет собой акта, который отличался бы логической завершенностью, в котором достаточно полно охватывались бы все сферы деятельности уголовного судопроизводства. По многочисленным оценкам специалистов уголовного процесса и практических работников правоохранительных органов, нынешний УПК РФ – это «ущербный плод» торопливости и непрофессионализма его создателей⁸. В УПК РФ имеются как внутрисистемные, так и межсистемные противоречия, а также пробелы, которые могут быть разрешены с помощью различных способов, средств и форм. Среди них немаловажное значение отводится толкованию уголовно-процессуального закона, направленному на уяснение его содержания и установление выраженной в нем воли законодателя. Выбор того или иного способа толкования, а также последовательность их применения зависят от жизненного и профессионального опыта правоприменителя. Толкование во всех случаях должно быть грамотным, соответствовать

судебной и следственной практике, нормам права, этики, морали и общим принципам уголовного судопроизводства. Данные категории определяют содержание и пределы применения того или иного способа толкования норм уголовно-процессуального права.

Каждый способ толкования имеет свои особенности, знание которых призвано способствовать правильному и наиболее эффективному применению той или иной нормы. Рассмотрим подробнее некоторые способы толкования применительно к уголовно-процессуальному праву.

При использовании грамматического способа толкования обращается внимание на смысл слов и терминов, с помощью которых сформулирована норма права. Устанавливаются синтаксические и морфологические структуры предложений⁹.

При логическом способе толкования разъясняется норма права и её смысл при помощи законов логики. Правовая норма приобретает более конкретный, развернутый характер, приближенный к конкретным жизненным ситуациям¹⁰.

Историко-политический способ толкования предполагает установление смысла нормы права, исходя из условий, обстоятельств, причин и поводов ее возникновения¹¹.

Систематическое толкование означает, что нормы существуют не сами по себе, а в системе с другими нормами. Исследуя связи норм, можно выяснить юридическую силу определенной правовой нормы, сферу ее действия¹².

Специально-юридическое толкование заключается в том, что воля законодателя в праве осуществляется не только с помощью общеупотребительных норм, но и с помощью специальных терминов, юридических понятий, категорий, конструкций, которые необходимо знать¹³.

Телеологический (целевой) способ толкования представляет собой процесс выяснения и уяснения цели создания какой-либо правовой нормы¹⁴.

Функциональный способ толкования опирается на знание факторов и условий, в которых функционирует, действует,

применяется толкуемая норма права. Используется при установлении содержания правовых норм, включающих оценочные термины, открытые перечни обстоятельств¹⁵.

Наименее изученным в настоящее время в отечественном уголовном процессе представляется функциональный способ толкования права, который во многом основывается на знании обстоятельств преступления, а также условий, в которых действует та или иная норма¹⁶.

Следует заметить, что многие авторы (польский ученый Я.Н. Врублевский, А.С. Пиголкин и др.) данный способ толкования права в качестве отдельного не выделяют, полагая, что функциональное толкование тесно связано с историческим способом. Тем не менее одним из аргументов в пользу вышеуказанной точки зрения является самостоятельность существования этого способа разъяснения норм в необходимости определения содержания оценочных терминов. Функциональный прием толкования помогает найти, установить содержание этих понятий относительно современной действительности.

При функциональном толковании рассматриваются условия и факторы, в которых функционирует, действует, реализуется толкуемая норма и которые оказывают влияние на ее содержание. Прежде всего, это касается толкования так называемых оценочных терминов. С учетом особенностей места, времени и других факторов они могут иметь разные значения. Целью интерпретации оценочных терминов является процесс замещения оценочных терминов точными. Примером использования в УПК РФ оценочных понятий является ст. 193 УПК РФ. Согласно ч. 4 данной статьи: «лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним». Оценочным в данном случае будет являться термин «по возможности». Из текста уголовно-процессуального закона не ясно, кем и где именно определены критерии схожести опознаваемого и ассистентов. Можно обратиться к положениям криминалистики,

где определено, что в качестве ассистентов должны приглашаться люди того же пола, возраста, роста, телосложения, национальности, одеты в схожую одежду и т. п. Однако следует учитывать, что это не все показатели схожести. Существуют определенные особенности во внешности, мимике, поведении человека и воспринимаются они людьми не одинаково. Данные расхождения во взглядах у следователя и стороны защиты могут привести к определенным противоречиям, а указание стороной защиты на внешнюю несхожесть опознаваемого и ассистентов может привести к признанию результатов данного следственного действия недопустимым доказательством¹⁷.

Функциональный способ толкования, применительно к нормам УПК РФ, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К отрицательным аспектам можно отнести:

противоречивость некоторых положений в связи с их неопределенностью;

проблематичность в принятии оптимального решения в конкретной ситуации.

Положительными моментами функционального способа толкования можно считать:

самостоятельность в направлении хода расследования;

относительную свободу в осуществлении процессуальной деятельности, выборе правовых средств и методов ее реализации;

независимость в оценке оснований и условий проведения процессуальных действий и принятия решений по уголовному делу.

Оценить все возможности применения функционального толкования норм уголовно-процессуального права можно при проведении более тщательного исследования данного вопроса.

Примечания

1. Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. ; под ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма, 2003. – С. 58.
2. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. – М., 2012. – С. 115.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1898. – С. 205.
4. Щетинин Б. В. Проблемы теории советского государственного права. – М., 1969. – С. 33.
6. Голунский А. С., Строгович М. С. Теория государства и права. – М., 1940. – С. 100.
7. Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права. – М., 1958. – С. 25.
8. Осипов А. В. Толкование права // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М., 2000. – С. 441–442.
9. Березина Л. В., Быков В. М. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. – Казань, 2006. – С. 5.
10. Кудрявцев В. Л. Эксгумация: особенности принятия решения и тактика проведения // Рос. следователь. – 2005. – № 2. – С. 13.
11. Теория государства и права / под ред. В. В. Лазарева, С. В. Липель. – М., 1998. – С. 3.
12. Марченко М. И. Теория государства и права : учеб. – М., 1996. – С. 58.
13. Марфицин М. Г. Усмотрения следователя : моногр. – Омск, 2002. – С. 13.
14. Михайлов В. А. Меры пресечения в Российском уголовном процессе: учеб. пособие. – М., 1996. – С. 20.
15. Общая теория права / под ред. Ю. А. Дмитриева, В. В. Лазарева и др. – М., 1996. – С. 56–57.
16. Теория государства и права / под ред. Р. А. Ромашова и В. П. Сальникова : учеб. пособие. – М., 2000. – С. 56.
17. Теория государства и права: учеб. / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Первалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М., 2002. – С. 145.
18. Исаева Л. Предъявление лица для опознания // Законность. – 2005. – № 10. – С. 20.

Галыгина Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Яковлева О.В. (научный руководитель – д.и.н, проф. В.С. Кобзов)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЗОНЕ ЛОКАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена рассмотрению проблемы обеспечения прав лиц, не принимающих участия в военных действиях, включая мирное население, пленных, раненых, в зоне локальных конфликтов.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, локальная война, права человека, гражданское население.

Каждый уважающий себя человек должен знать историю своей страны, своей Родины. Понимать, что из себя представляет то государство, в котором он родился и проживает. Тема истории всегда актуальна, независимо от того, какой промежуток времени затрагивается.

Целью данной статьи является рассмотрение процесса обеспечения прав человека в зоне локальной войны на примерах первой и второй чеченских кампаний.

Основная проблема работы в том, что данный конфликт является неким пробелом в истории России. Сложно установить истину, основанную на неопровержимых фактах (возможно, как и в любой теме, касающейся истории).

В первую очередь, хотелось бы начать с определения, что же такое локальная война. Локальная война – это военные действия между двумя и более государствами, ограниченные по политическим целям интересами участвующих в военных (боевых) действиях между государствами, а по территории – небольшим географическим регионом, как правило, находящимся в границах одной из противоборствующих сторон¹. Локальная война, как правило, является частью регионального этнического, политического, территориального или иного конфликта. Одной из причин начала чеченской войны можно назвать желание Чечни быть независимым государством.

Но независимо от масштаба и характера у войны есть свои «правила».

Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. посвящены в основном проблемам международных вооруженных конфликтов. Однако во всех четырех конвенциях имеется общая для всех статья 3, посвященная

немеждународным конфликтам. Она защищает в таких конфликтах лиц, не принимающих участия в военных действиях, включая сдавшихся или захваченных в плен солдат, больных и раненых и, естественно, все мирное население. По отношению к ним запрещается посягательство на жизнь и человеческое достоинство, на физическую неприкосновенность – жестокое обращение, пытки, истязания. Кроме того, этой же статьей Женевских конвенций запрещается взятие заложников, а также осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного при соблюдении всех судебных гарантий. Раненым и больным эта статья предписывает оказывать помощь².

В 1968 г. Генеральной Ассамблеей ООН без возражений была принята Резолюция ООН № 2444, в которой сформулированы три важнейших принципа, относящиеся ко всем вооруженным конфликтам – и международным, и немеждународным – и составляющие основу гуманитарного права в целом:

право выбирать средства и методы ведения войны не является неограниченным;

запрещено нападать на гражданское население;

следует всегда проводить различие между участниками вооруженного конфликта и гражданскими лицами.

В 1977 г. международное сообщество пошло дальше в разработке гуманитарного права, и на дипломатической конференции в Женеве были приняты тексты двух дополнительных протоколов к Женевским конвенциям. Первый дополнительный протокол посвящен защите жертв международных вооруженных конфликтов, второй –

защите жертв немеждународных вооруженных конфликтов. Государства, как правило, не желают международного вмешательства или контроля в случаях внутренних вооруженных конфликтов. В результате этого предложенный Международным Комитетом Красного Креста проект второго дополнительного протокола в процессе конференции был сильно урезан по объему и сфере применения. В отличие от первого дополнительного протокола, содержащего подробно и детально разработанные меры защиты гражданского населения и военнопленных, а также конкретные ограничения на методы и средства ведения войны, второй дополнительный протокол содержит лишь общие гарантии защиты жертв вооруженного конфликта. Он налагает на воюющие стороны ограничения и обязательства³.

Для того чтобы вооруженные столкновения, происходящие на территории какого-либо государства, могли быть признаны вооруженным конфликтом немеждународного характера, подпадающим под действие второго дополнительного протокола, антиправительственные силы должны находиться под единым ответственным командованием, быть способными осуществлять непрерывные и согласованные военные действия, контролировать часть территории государства. Эти критерии полностью применимы к нынешнему вооруженному противостоянию в Чечне.

К сожалению, данный конфликт не признан конфликтом немеждународного характера и тем самым не подпадает под регламентацию международного гуманитарного права.

Опираясь на нормы всех вышеперечисленных международных документов, можно сделать выводы о существующем нарушении прав человека и норм гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта в Чечне.

Помимо международных нормативных правовых актов во время чеченских войн были нарушены права и свободы человека, закрепленные в Конституции РФ, принятой всенародным голосованием в 1993 г.

В соответствии со ст. 205 Уголовного кодекса РФ⁴ и Федеральным законом «О борьбе с терроризмом»⁵ террористическая акция – это конкретное преступление. В связи с этим антитеррористическая операция может осуществляться только в отношении конкретных преступных лиц или групп лиц, местонахождение которых очерчивается зоной проведения таковой. В статье 3 Закона «О борьбе с терроризмом» говорится: «зона проведения контртеррористической операции – отдельные участки местности или акватории, транспортное средство, здание, строение, сооружение, помещение и прилегающие к ним территории или акватории, в пределах которых проводится указанная операция». Из приведенного текста видно, что зона проведения антитеррористической операции ограничена и не может трактоваться так широко, чтобы одновременно охватывать территории одной или даже нескольких республик. Речь идет о локальных зонах (на уровне участков, здания и т. д.). Иное толкование является расширительным и обесмысливает понятие террористической акции как конкретного преступления. Таким образом, взрывы домов не должны были являться правовым поводом и основанием для крупномасштабных военных действий, осуществляемых на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней республик.

В законе «О борьбе с терроризмом» при определении принципов такой борьбы установлен «приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции» (ст. 2 п. 6). По логике этого закона, контртеррористическая акция не предполагает, как, впрочем, и любая иная полицейская операция по пресечению конкретного преступления, использования неприцельного оружия, бомбардировок в населенных пунктах, откуда не было выведено мирное население, исчисляемое как минимум сотнями, а то и тысячами граждан. При этом известно, что операции, называемые «антитеррористическими», на территории

Чеченской Республики осуществляются с использованием таких военных технологий.

Война, какой бы она не была, и где бы ни происходили вооруженные конфликты,

это всегда приводит не только к потерям военнослужащих со всех враждующих сторон, но и к гибели и страданию мирного населения, об интересах которого чаще всего забывают...

Примечания

1. Новиков С. Большая историческая энциклопедия. – М. : Слово, 2010.
2. О защите гражданского населения во время войны : конвенция от 12 августа 1949 г. : принята Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. – М., 1957. – С. 204–278, 280.
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. – М., 1993. – С. 134–182.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. федер. закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 4921.
5. О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25 июля 1998 № 130-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3808.

Яковлева Ольга Владимировна, студент группы 536 факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Брындина В.В. (научный руководитель – д.и.н. Т.К. Махрова)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В НЕОТОМИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЖАКА МАРИТЕНА

В статье рассматривается современная концепция естественного права, представленная французским философом и общественным деятелем XX века Жаком Маритеном.

Ключевые слова: позитивное право, естественное право, права человека.

Среди современных политико-правовых концепций особое место занимают учения о естественном праве. Они продолжают традиции философского осмысления права и опираются на различные доктрины, сложившиеся в современной западноевропейской и американской философии – неотомизм, неокантианство, неогегельянство, экзистенциализм, феноменологию, персонализм. Подобно классическим учениям XVII–XVIII вв., современные естественно-правовые теории признают существование наряду с позитивным правом (законами и обычаями) идеального порядка отношений между людьми. Этот высший нормативный порядок и называют естественным правом¹.

Современное понимание естественного права вместе с тем существенно отличается от предшествующих трактовок. В противоположность доктринам прошлого, основанным на представлениях об изолированном, обособленном индивиде, философия и правоведение XX в. рассматривают человека как участника многообразных общественных связей, а естественное право – уже не как совокупность раз и навсегда установленных разумом предписаний, но как исторически развивающееся «естественное право с изменяющимся содержанием».

В перечень естественных прав соответственно включают не только неотъемлемые права личности, призванные гарантировать ее независимость от государственной власти, но и социально-экономические права человека, свободу объединения в политические партии и общественные союзы, права социальных общностей (например, право наций на самоопределение, право народа устанавливать конституцию государства). Новейшие естественно-правовые учения смыкаются с теориями социального государства и плюралистической демократии.

Выдающийся вклад в развитие современной теории естественного права внес французский философ и общественный деятель Жак Маритен (1882–1973).

Студентом Сорбонны он начал искать в естественных науках средство для решения всех проблем, но под впечатлением лекций Анри Бергсона освободился от влияния сциентизма, а под воздействием католического писателя-публициста Леона Блуа стал католиком, посвятив много времени изучению трудов Фомы Аквинского. Маритен преподавал в Торонто в Папском институте средневековых исследований, в Колумбийском университете, Парижском католическом институте, Принстонском университете, в 1945–1948 гг. был французским послом в Ватикане².

Вслед за Ф. Аквинским Маритен считал, что естественное право восходит к вечному божественному закону, который является идеальным рациональным планом управления миром, замыслом Бога, которому подчинено все то, что небожественно, но согласно которому мыслящее существо несравнимо выше, чем другие божьи сознания: «Естественное право есть закон лишь потому, что оно сопричастно Вечному закону»³.

Маритен поставил перед собой цель – вписать вопрос о естественном праве в современную для него философскую мысль XX в., опираясь на правовое учение Фомы Аквинского. При этом он дистанцировался от понимания естественного права школами юридического позитивизма (естественное право – лишь метафора) и рационалистического естественного права (естественное право – реальность, открытая для понимания человеческим разумом).

Для Ж. Маритена естественное право с онтологической точки зрения – это правила человеческого поведения, которые

обусловлены одинаковой человеческой природой и совместимы с ней, т. е. то, что требуется для нормального существования человеческого рода. С гносеологической – это лишь динамические схемы, которые постигаются через ощущение сущностных склонностей бытия человека.

Раскрывая понятие человеческой природы, Маритен утверждает: «Человек есть существо, наделенное разумом, имеет цели, которые с необходимостью соответствуют его сущностной конституции и которые одинаковы для всех». Он вносит элементы неопределенности и динамичности в понимание естественного права, поскольку невозможно дать всеобъемлющую характеристику сущности человека: «Ангел, который своим ангельским способом познал бы человеческую сущность и все возможные ситуации человеческого существования, знал бы и естественное право в его бесконечности и протяженности. Мы не знаем». Все многообразие правил естественного права соответствует всем моральным законам (не только исходным и основополагающим, но и малозначительным, не только осознаваемым сейчас, но и тем, которые люди осознают в отдаленном будущем).

Естественное право с гносеологической точки зрения представляется Маритену познаваемым, хотя неписаная форма естественного закона создает существенную сложность в его познании. Маритен считает невозможным априорно и во всех аспектах определить «нормы человеческого поведения посредством декретов, которые, как считалось, предписаны Природой и Разумом, но в действительности сформулированы произвольно и искусственно». Такой подход, связанный с искусственной систематизацией и рационалистической переработкой естественного права, впервые встречается в трудах Гуго Гроция, который формулировал естественно-правовые правила как математические аксиомы: воздержись от присвоения чужого имущества, верни незаконно удерживаемую вещь и т. п. Маритен критически относится к рационалистической школе естественного права: «...Человеческий разум не открывает предписания естественного

права в абстрактной и теоретической форме, в виде последовательности геометрических теорем. Более того, он не открывает их посредством логического вывода, т. е. путем рационального познания»⁴.

Маритен, следуя рассуждениям Фомы Аквинского, считает, что естественное право познается через склонности человеческой природы, которые и направляют человеческий разум к осознанию предписаний естественного права. Следовательно, естественное право не познается посредством понятий и логических умозаключений, оно познается лишь через конгениальность: «...это неясное, несистематическое, жизненное познание посредством сопричастности природе или конгениальности, когда интеллект, чтобы вынести суждение, прислушивается к внутренней мелодии, которую создают в субъекте вибрирующие струны вечных устремлений»⁵.

Для того чтобы познать естественное право необходимо подключить моральное сознание добродетельного человека, мистическое сознание созерцателя и поэтическое сознание художника. Все эти виды сознания позволяют Маритену сформулировать динамические схемы естественного права: люди должны жить вместе, подчиняясь ряду правил и запретов; лишить жизни человека – гораздо более серьезно, чем убить какое-либо животное; «семейная группа должна подчиняться неким установленным образцам поведения». Эти динамические схемы естественного права исторически проявились и продолжают проявляться в разнообразных и относительных правилах поведения, «в которых разум всех народов земли выразил свое знание важнейших аспектов естественного права».

Маритен указывает на факт развития как самого естественного права, так и нашего знания о нем в различные эпохи: «В эпоху древности и Средневековья в естественном праве в большей мере уделялось внимание обязанностям человека, нежели его правам. Определенное достижение XVIII столетия состояло в освещении того, что естественное право требует

также прав человека»⁶. Для XX в., по мнению Маритена, это сочетание стало особенно актуальным.

Маритен решает проблему прав человека с опорой на теорию естественного права. Права человека вытекают из естественного права: «благодаря естественному закону человеческая личность имеет право быть уважаемой, быть субъектом права и обладать правами»⁷. Школа юридического позитивизма, по мнению Маритена, бессильна обосновать существование прав, которыми естественным образом обладает человек – «прав первичных и высших по отношению к писаному законодательству и к соглашениям между правительствами, прав, которые гражданское общество должно не даровать человеку, но признавать и утверждать в качестве универсально ценных и которые никакая общественная необходимость не может заставить нас отменить или игнорировать хотя бы на мгновение».

«Не даровать, но признавать и утверждать» – с этим убеждением Жак Маритен участвовал в разработке одного из самых важных правовых документов ООН в XX в. – Всеобщей декларации прав человека (1948 г.).

Он считал, что «старые», традиционно понимаемые естественные права человека, неизбежно дополняются «новыми» – социальными, экономическими, культурными, признаваемыми в борьбе (за справедливую заработную плату, и др.). Предложенная Маритеном классификация прав человека стала классической: права индивида (они безусловно соответствуют естественному закону, основаны «на человеческой природе» и абсолютно неотчуждаемы – права на жизнь, религиозную свободу, стремление к счастью); права гражданина (они вытекают из позитивного права – право объединения в политические партии, избирательное право); права трудящегося (они санкционированы позитивным правом при полном соответствии их рекомендациям естественного закона, обладание этими правами естественно присуще людям – право на труд, право на объединение в профсоюзы, право на справедливую заработную плату и др.)⁸.

Благодаря Маритену естественно-правовая концепция стала одним из значимых идейных источников современного понимания прав человека, а также роли государства, его позитивной деятельности по реализации декларируемых прав и свобод.

Примечания

1. Лейст О. Э. История политических и правовых учений. – М. : Зерцало, 2008. – С. 536.
2. Коплстон Ф. О Жаке Маритене. – М. : Центрполиграф, 2002. – С. 13-15.
3. Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому: очерки метафизики и этики; пер. с фр. В. П. Гайдамак. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 328.
4. Маритен Ж. Человек и государство. – М. : Идея-Пресс, 2001. – С. 79.
5. Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому ... – С. 132-133.
6. Маритен Ж. Человек и государство. – М. : Идея-Пресс, 2001. – С. 97.
7. Там же. – С. 103.
8. См.: Шишков К. А. Современный неотомизм: история и политика в философии Ж. Маритена. – М. : Филпресс, 1999.

Брындина Валентина Валерьевна, студент группы 536 факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ!**200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ПОСВЯЩАЕТСЯ...**

В прошедшем году россияне отмечали 200-летие со дня Бородинского сражения, оказавшего переломное влияние на ход войны, завершившейся полным разгромом считавшейся непобедимой армии Наполеона. Группа преподавателей факультета подготовки правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета приняла активное участие в подготовке и проведении ряда памятных мероприятий, посвященных войне 1812 года. В их числе были научная конференция и участие в подготовке и проведении историко-просветительской экспедиции «Во славу русского оружия», широко освещавшейся в средствах массовой информации. Участники экспедиции в период с 18 по 21 июня 2012 г. посетили населенные пункты области, получившие свои названия в честь знаменитых сражений этой войны, в ходе которых предки нынешних жителей Варненского и Нагайбакского районов проявили образцы мужества и самопожертвования, отстаивая честь и независимость Родины.

Участники патриотической акции встречались с общественностью сел Бородинка, Варна, Лейпциг, Париж и Фершампенуаз, представителями органов местного самоуправления, активом ветеранских и молодежных организаций. В каждом населенном пункте участниками акции был

проведен ряд массовых мероприятий – встречи с жителями в сельских клубах, круглые столы с учащимися местных школ. В ходе экспедиции школам и библиотекам бывших казачьих станиц был передан набор книжных изданий, включая многотомную энциклопедию Челябинской области, работы профессора В.С. Кобзова, раскрывающие вклад южноуральцев в достижение победы над неприятелем, другие памятные подарки. В ходе экспедиции профессором факультета В.С. Кобзовым был прочитан ряд лекций и проведены встречи с учащимися школ двух бывших казачьих районов.

События тех далеких лет интересны нам и другим примечательным явлением в истории права – созданием первых международных правовых актов, регламентировавших положение военнопленных. Значительная часть пленных наполеоновской армии оказалась и в Оренбургском крае, в состав которого входила и современная Челябинская область.

Учитывая эти два обстоятельства, редакционный совет журнала «Правопорядок: история, теория, практика» принял решение посвятить им отдельный раздел, чтобы современная студенческая молодежь, изучая международное гуманитарное право, не забывала и про день Бородино...

Доктор исторических наук, профессор В.С. Кобзов

Кобзов В.С.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ – УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Нынешний год Президентом России объявлен годом истории. И это символично. 2012 год – год 200-летия начала Отечественной войны 1812 года, в ходе которой стране пришлось вынести нелегкие испытания, объединившие народы и сословия в единое целое, что позволило разгромить неприятеля и сохранить независимость Отечества. О событиях тех лет известно немало – о войне говорится в школьных учебниках, подвигу народа посвящены десятки научно-популярных и художественных фильмов, написано немало романов, научных статей и монографий. Широко известны имена главнокомандующих и генералов, принимавших участие в сражениях на территории России и за ее пределами, на слуху имена партизанских командиров, практически историческими личностями стали персонажи романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Однако в большинстве исследований лишь вскользь говорится о непосредственных участниках сражений – рядовых офицерах и солдатах, которые гибли на полях сражений десятками и сотнями, навсегда оставшись безымянными героями Великой войны. Их имена до сих пор остаются неизвестными и потомкам, проживающим в тех же населенных пунктах региона, откуда наши предки уходили на защиту Родины.

Первое столкновение русской армии с армией Бонапарта произошло в период первой антинаполеоновской коалиции. В соответствии с Манифестом Александра I от 3 декабря 1806 г. в Оренбургской губернии (в ее состав входила территория и современной Челябинской области) были сформированы и отправлены в действующую армию два подразделения – 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки. 2-й полк, который возглавил начальник 1-го казачьего кантона поручик Василий Мельников, насчитывал в своем составе 645 человек – казаков Челябинской, Чебаркульской, Еткульской, Миасской, Уйской, Коельской и Кичигинской

станци. Казачьи полки вошли в состав армии генерала Л.Л. Бенигсена и после заключения Тильзитского мира были переданы в Молдавскую армию, с которой участвовали в боевых действиях против турок. К этому времени командир полка поручик Мельников умер, и воинскую часть возглавил есаул Григорий Гребенщиков.

Имена отдельных участников войны из состава казачьих полков сохранились благодаря приказам о награждении за боевые отличия. В частности, 12 февраля 1812 г. Указом Военной коллегии за отличие под Малой Слободзеей уроженец Коельской станицы Дмитрий Гневашев был удостоен чина подпоручика, атаман Коельской станицы Даниил Зайков из чиновников 14-го класса был произведен в 13-й класс, хорунжий Трофим Севастьянов (Еткульская ст.) – удостоен Монаршего благоволения.

В марте 1812 г. майор Я. Беляков, подпоручик Д. Гневашев, Санарской станицы прапорщик Мелехов и 43 казака были исключены из списков полка по болезни и отправлены на родину. В 1812 г. майор Беляков возглавил 3-й казачий полк и с ним вновь выбыл на театр военных действий, прапорщик Мелехов в связи со смертью был исключен из списков войска 30 мая 1815 г.

Чудом сохранился и список командного состава 2-го Оренбургского полка. В рядах его первой сотни воевали казаки Челябинской станицы: сотники Игнатий Бородин и Петр Смолин, урядники Иван Казанцев и Николай Парфентьев (произведен в хорунжие); во второй сотне – атаман Леонтий Балашев, сотник Влас Пашнин и хорунжий Андрей Пашнин из Миасской станицы; в третьей сотне – сотник Трофим Севастьянов (произведен в подпоручики), хорунжие Харлампий Печенкий и Василий Соколов (Еткульская станица). В четвертой сотне, сформированной из чебаркульцев, сражались с неприятелем станичный атаман Дмитрий Пустозеров (произведен в поручики),

хорунжие Иван Медведев и Гавриил Рышков. Пятая сотня была представлена казаками Коельской станицы. В ее рядах были уже упоминавшиеся сотник Дмитрий Гневашев, хорунжие Даниил Зайков и Иван Рукавишников. И, наконец, в последней, шестой сотне, числились сотники Игнатий и Иван Тихановы (Уйская), сотники Иван Брагин (Еманжелинская) и Иван Вараксин (Еткульская), хорунжий Прокофий Лябзин (Кичигинская).

Казакам 2-го Оренбургского полка довелось быть в армии более десяти лет – не успели затихнуть бои в Молдавии, в пределы России вторглась армия Наполеона. В июле 1812 г. Оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский получил Манифест императора «о нашествии на Россию неприятеля и о вызове Россиян на всеобщее ополчение для защиты Отечества». 25 июля предписание губернатора и копии Манифеста были направлены во все казачьи и башкирские кантоны. В предписании Волконский писал: «Я остаюсь в полном уверении, что всякий из подкомандующих Ваших начальников и всякий их подчиненный, имея искренние чувства и любовь к своему отечеству, потщится со всем усердием и ревностью на отражение и поражение врага с многочисленными силами жертвовать собою как лично, если не в силах, а кто пособием друг другу на содержание и исправление оружия и прочего нужного по военному приготовлению».

Помимо частей, находившихся на Оренбургской пограничной линии, на театр военных действий из губернии вышло еще два казачьих полка – 3-й и Атаманский. Атаманский полк, насчитывавший в своем составе 32 офицера, 40 урядников, 2 писаря и 1100 рядовых, возглавил войсковой атаман полковник В.А. Углицкий; 3-й Оренбургский казачий полк, сформированный преимущественно из казаков 3-го кантона, – майор Я.Г. Беляков.

Многие из казаков изъявляли добровольное желание идти на войну – в частности, находившийся в 1807-1811 гг. в Дунайской армии и уволенный по болезни из 2-го Оренбургского полка хорунжий Миасской

станцы Павел Рукавишников вступил в 3-й полк по личному желанию. Добровольцем был и хорунжий Ключевского редута Емельян Неверов. Казаки 1-го и 2-го кантонов были распределены по полкам следующим образом: из станицы Миасской в Атаманский полк направлено пять урядников и 92 казака, из Еткульской – один урядник и 115 казаков, 3 офицера, шесть урядников и 151 казак – из Челябинской станицы, по два офицера и 60 казаков – из Кичигинской и Коельской станиц, четыре офицера, шесть урядников и 203 нижних чина – из Чебаркульской и Уйской станиц¹.

На укомплектование 3-го полка были направлены один офицер (Павел Рукавишников) и 4 казака из Миасской станицы, два офицера и четыре казака – из Челябинской, один офицер (Емельян Неверов) и два казака – из Ключевского редута, один офицер, четыре урядника и 2 казака – из Еткульской станицы, 21 казак – из Санарской, 18 – из Коельской, а также еще 32 человека – из Еманжелинской, Пригорной, Коельской, Чебаркульской и Уйской станиц².

Атаманский полк 23 октября 1812 г. выступил из станицы Бакалинской и уже 8 марта 1813 г. прибыл в действующую армию и принял участие в блокаде крепости Данциг. 3-й Оренбургский казачий полк в числе 17 офицеров, 20 урядников, один писаря и 500 казаков был направлен в состав Нижегородского ополчения, которым командовал генерал-лейтенант граф П.А. Толстой.

Атаманский полк все время блокады находился у стен крепости и принимал участие в ее штурме. 21 декабря 1813 г. гарнизон Данцига капитулировал. Полк до осени 1814 г. находился в крепости и в конце года был отпущен на родину. За боевые отличия 1 офицер и 4 урядника были произведены в следующие чины, 5 офицеров награждены орденами, остальные офицеры получили Высочайшее благоволение, а 14 казаков были отмечены знаками Отличия военного ордена. В числе награжденных орденами Св. Анны 3-го класса были атаман Челябинской станицы прапорщик Семен Киржацких и хорунжий Уйской станицы Тихон

Приданников. Последний, кроме того, был произведен в сотники. Как свидетельствуют материалы, сотник Коельской станицы Хохряков за отличие в боевых действиях был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом³. Однако обнаружить в архивных документах указ о его награждении до сих пор не удалось.

На долю 3-го казачьего полка выпала более тяжкая ноша – он участвовал практически во всех боях, которые вела русская армия в 1813 г. Казаки полка отличились под Кульмом, Бриеном, Фер-Шампенуазом, участвовали в знаменитой «Битве народов» под Лейпцигом, штурмовали Париж. В составе отряда знаменитого партизана генерала Сеславина полк вошел в столицу поверженного неприятеля.

За годы войны оренбургские части понесли немалые потери – в октябре 1813 г. 3-й полк, входивший в состав казачьего отряда генерал-майора Щербатова, насчитывал в своих рядах всего 277 человек. В 1815 г. в 3-й полк было направлено пополнение из войска – сменная команда из восьми офицеров, девяти урядников и 253 казаков. Домой казаки 3-го казачьего полка вернулись только в июне 1820 г. «Полк прибыл в Казань, откуда, – писал генерал Н.Г. Лобов, – распущен по домам, командами до своих пунктов в кантонах под начальством офицеров»⁴.

В числе безвозвратных потерь оказался и полковой есаул 3-го полка армии прапорщик Кочур Салеев. Полковой есаул Салеев вместе с двумя урядниками и 7 казаками был направлен в полк из Мочинской станицы 5-го казачьего кантона⁵. В 40-е гг. XIX в. подавляющая часть казаков Мочинской станицы была переведена на Новую линию и поселена в отряде Варненском. Сын есаула Салеева, Абдулвагап Кочуров, вышел в 50-е гг. в отставку в чине войскового старшины, старший внук, есаул Абдулменап, погиб в бою при охране границы. Внук Шейхислам Кочуров дослужился до чина генерал-лейтенанта, четверо других также в офицерских чинах служили в полках Оренбургского казачьего войска.

Участники боевых действий 1812-1813 гг. имели право на награждение специально

установленной серебряной медалью для ношения на соединенной ленте орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия, а казаки 3-го полка, участвовавшие во взятии столицы Наполеона, кроме того, медалью «За взятие Парижа». Однако все они возвратились домой без наград. Они получили их гораздо позже.

30 августа 1814 г. была учреждена еще одна медаль в память войны 1812 года – из темной бронзы по тем же штемпелям, что и серебряная. Она предназначалась для награждения дворянства и купечества, содействовавшего победе армии в этой войне. Но и эта медаль вручалась много позже учреждения. В частности, атаману Еткульской станицы армии подпоручику Т.П. Севастьянову бронзовая медаль на Владимирской ленте была вручена только 28 февраля 1818 года⁶.

Оренбургская губерния приютила и пленных солдат и офицеров армии Наполеона. В конце 1812 г. в Оренбургский край прибыла большая партия военнопленных французской армии и армий союзников. В их числе было 29 офицеров и более 1,5 тыс. солдат. Военный губернатор князь Г.С. Волконский получил распоряжение военного министра обеспечить необходимые условия для размещения военнопленных и принять все надлежащие меры к контролю за ними. Сохранились сведения о пребывании в губернии в 1812-1813 гг. офицеров Гюйо, Спонвиля, Мерсье, Декле, Тарассо, Люссо, Пеллетана, Лапьера Гюнсельсера, Ластцена, Лассана де Тулуза. В Оренбурге несколько месяцев проживали капитаны Клиор, Мартен, Тестар, лейтенанты Ш. де Сен-Дени, Жерар, Кравей, унтер-офицеры Жан Валюзио и Бартоломеу Клио.

Кто же были эти офицеры? Немногочисленные сохранившиеся документы показывают, что до пленения, в частности, Мерсье, занимал должность военного хирурга главного штаба 1-го корпуса князя Екмюля, раненым взят в плен казаками 10 декабря 1812 года в Вильно. Военный фармацевт при главном штабе французской армии Г. Гюйо, родившийся в г. Етан департамента Мез

6 января 1786 г. в плен попал в районе Смоленска. Военным хирургом был Иван Христфор Сильвестр Спонвиль, проходивший службу в составе 4-й санитарной дивизии Императорского штаба. Некоторые из пленных предпринимали попытки побега. В частности, пребывавший в плену в Астрахани голландский офицер Ван Кандель в сентябре 1819 г. писал мэру г. Бурга (департамент Ен): «...в начале 1814 г. мы с господином подпоручиком Морелье были взяты в плен казаками и были отведены в Астрахань. Когда нас повели с прочими военнопленными в Казань, на сем пути напали на нас татары (киргиз-кайсаки – В.К.) и увели с собою. Они нас жестоко мучили, сделали своими невольниками и, дабы мы не могли убежать, подрезали нам пяты, от чего я доселе с великим трудом хожу... Я имел счастье быть выкупленным одним русским господином, а товарищ мой не был подобно мне счастлив...». По уверению Ван Канделя, пленный офицер находился в киргизских кочевьях в рабстве и еще может быть спасен. После выяснения всех обстоятельств дела в январе 1820 г. французский посланник обратился с просьбой о розыске своего соотечественника к статс-секретарю МИДа графу Нессельроде. «Имея поручение осведомиться о его участи, – писал дипломат, – и если он еще жив, доставить ему свободу, я не усумнился обратиться к Российскому правительству, будучи уверен, что оно не оставит употребить своей власти в пользу несчастного»⁷. Оренбургский военный губернатор граф П.К. Эссен получил из министерства иностранных дел соответствующее указание и поиски военнопленного были начаты силами чиновников Оренбургской пограничной комиссии. Однако розыскные мероприятия оказались безрезультатными и 16 июля 1831 г. были официально прекращены.

После окончания войны часть пленных возвратилась на родину, однако большая группа военнослужащих изъявила желание остаться в России. Часть из них была поселена в Троицком и Верхнеуральском уездах, в 1815 году они приняли российское подданство и были зачислены в ряды Оренбургского

казачьего войска. По утверждению оренбургского исследователя В.Г. Семенова, с тех пор в станицах войска появились казаки с непривычными для слуха русских фамилиями Ланглоа, Виклер, Бинглан, Бушен⁸.

Сохранились прошения военнопленных Антонио Брего и Франца Будье «со времен Смоленского сражения находившихся в плену» о разрешении вступить им «в казаки». Военный губернатор согласился с их просьбой и предписал по принятии российского подданства определить их в 1-й Тептярский полк.

В январе 1822 г. с аналогичной просьбой к местным властям обратился проживавший в крепости Борской бывший военнопленный Александр Кербер, изъявили желание записаться в войсковое сословие бывшие военнослужащие французской армии Филипп Юнкер, Вильчен Гаутц, Лейнар Житель, Петр Пац, Миллер Овилер, проживавшие в Бугульминском уезде. Однако подавляющее большинство из пленных вернулась домой уже в 1814 г. Об этом, в частности, свидетельствует письмо военного губернатора генерала Г.С. Волконского Варшавскому генерал-губернатору В.С. Ланскому. В письме Волконский сообщал, что им на взаимобразной основе было выдано 1 тыс. рублей герцогу Варшавскому Витеру «в уважение бедственного положения французских пленников офицеров, возвращавшихся из г. Оренбурга на родину»⁹.

7 марта 1881 г. в Оренбургском казачьем войске проводилась однодневная перепись населения, показавшая, что 39 человек из числа казаков заявили, что они считают себя «потомками французских военнопленных».

Память о событиях двухсотлетней давности закрепилась и в названии населенных пунктов Новолинейного района, основанных в 1842-1843 гг. Именно в это время на войсковой территории появились казачьи отряды (поселки) Парижский, Лейпцигский, Бородинский, Тарутинский, Краснинский, Фершампенуазский (Фер-Шампенуаз), Бриент, Арсинский (Арси-Сюр-Об), Берлинский, Новинский (Нови), Кваркенский и др.

В некоторые из этих станиц в 1843 г. были переселены казаки Нагайбацкой станицы, участвовавшие в составе 3-го Оренбургского казачьего полка в войне 1812 года и заграничных походах русской армии. Все они помимо медали в память войны 1812 года, в 1826-1832 гг. были награждены и медалью «За взятие Парижа».

Необходимо отметить, что помимо казачьих полков, в войне участвовали и полки 23-й пехотной дивизии, прежде стоявшие

в крепостях Оренбургской пограничной линии. Уфимский и Рыльский пехотные полки, Оренбургские гусарский и драгунский полки, а также 1-й Тептярский входили в состав 1-й армии, которой командовал генерал Баркалай-де-Толли. Кроме того, Уфимский пехотный полк сражался в составе 24-й пехотной дивизии. Все эти воинские части принимали участие в Бородинском сражении и понесли большие потери¹⁰.

Примечания

1. Станица Пригорная была основана в 1801 г. за счет расселения станицы Чистоозерной, вода в озере которой была непригодной для употребления людьми и животными. Новая станица располагалась на Троицкой дистанции вблизи Подгорного редута на реке Уй.
2. В 1-й казачий кантон входили станицы: Миасская, Еткульская, Еманжелинская, Чистоозерная, Санарская и г. Челябин. Во 2-й – г. Красноуфимск, станицы Кичигинская, Коельская, Чебаркульская и Уйская.
3. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 5. – Оренбург, 1904. – С. 130.
4. Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812-1814 гг. с Наполеоном: составлена генерал-майором Лобовым с разрешения Наказного атамана генерал-лейтенанта Сухомлинова. – Оренбург, 1912. – С. 23.
5. В команде Мочинской станицы числились урядники Айса Баимбетов и Губей Мухаметов; казаки: Чуванай Савтиряков, Туйдурек Каримов 1-й, Байтула Саперов, Каскен Ханафин, Самигул Захаров, Ессей Анусев (пропал без вести в 1814 г.), Фаткей Анусев (погиб в 1812 г.). Кроме того, в оренбургские полки в 1809–1814 гг. были призваны казаки Узбей Мухаметов, Хусаин Елдашев, Муллагул Емангулов, Рахмей Умиров, Савкай Гаврилов, Бикташ Минибаев, Мусса Шитров, Тазитдин Халматов, Бакбатыр Тохтаров и Батал Юсупов // ГАОО. – Ф. И-98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 575–597.
6. Подпоручик Т. Севастьянов участия в войне не принимал, но как станичный начальник много сделал для формирования сменных команд для действующей армии и сбора пожертвований для нужд армии.
7. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 25. – Оренбург, 1911. – С. 246.
8. Семенов В. Г. Из истории Оренбургского казачьего войска. Бм и г. – С. 1.
9. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 3. – Оренбург, 1897. – С. 35.
10. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара ; Челябинск, 2008.

Кобзов Владимир Серафимович, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра ВВС; Военно-воздушная академия (филиал г. Челябинск); доктор исторических наук, профессор.

Кузнецов В.А.

ОБ УЧАСТИИ ПОЛКОВ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

К предстоящей войне с наполеоновской Францией Россия начала готовиться заранее. Правительство, понимая, что новоиспеченный наполеоновский союз в Европе обладает большими военными ресурсами, чем Россия, начинает привлекать в состав действующей армии иррегулярные полки. Особенно значительную роль в ходе войны сыграли формирования донских казаков, а также оренбургские, уральские казачьи, башкирские, мишарские, тептярские и калмыцкий полки, сформированные в Оренбургском крае. Иррегулярные полки выполняли важные задачи: вели разведку, осуществляли рейды по тылам противника, наконец, активно действовали в ходе контрнаступления и наносили сильные удары по противнику. Французы более всего боялись молниеносных ударов казаков. Французский генерал Коленкур высоко оценил их боевые качества: «Казачьи производили постоянные налеты на дорогу, то и дело, пресекая ее в промежутках между дивизиями и даже между полками, если они шли на некотором расстоянии друг от друга. Легко представить себе, какая распространялась тревога, и как это сказывалось на моральном состоянии армии»¹.

С началом Отечественной войны 1812 г. первыми из казачьих частей края приняли участие в боях 1-й и 2-й Оренбургские, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Уральские казачьи полки. Уже в конце июня Молдавская армия П.В. Чичагова получила приказ совершить марш на Волынь и соединиться с армией генерала А.П. Тормасова. В составе армии Чичагова совершили поход оренбургские и уральские казаки (1-й Оренбургский и 1-й Уральский полки находились в 1-м корпусе генерала А.Ф. Ланжерона, 2-й Оренбургский и 2-й Уральский полки во 2-м корпусе генерала П.К. Эссена; в 3-м корпусе генерала А.П. Воинова были 3-й подполковника Б.М. Михайлова и 4-й уральский полк войскового старшины П.М. Назарова².

В начале сентября 1812 г. Молдавская армия подошла к Луцку, и адмирал П.В. Чичагов был назначен командующим объединенной армией (3-й Западной). В середине сентября войска 3-й армии выдвинулись против корпуса саксонцев генерала Ренье и австрийского корпуса Шварценберга, и 29 сентября русские войска заняли Брест, тем самым блокировали эти корпуса и лишили их возможности оказания помощи отступающим наполеоновским войскам. В этих боях участвовали оренбургские и уральские казаки. Так, 1-й Оренбургский полк 17-18 сентября был в перестрелке с австрийскими и саксонскими войсками при взятии местечка Любомль. Затем 29 сентября полк принял участие в захвате Бреста. 10-12 ноября участвовал в боях по взятию г. Борисова, затем в упорном бою у д. Стаховой и 22-23 ноября при местечке Молодечне. На этом действия 1-го полка в Отечественной войне 1812 г. закончились, и он был снова отправлен на турецкую границу для пограничной службы на реке Днестр³.

Согласно расписанию войск 3-й армии от 10 октября 1812 г., 4-й Уральский полк находился в корпусе генерала Ф.В. Остен-Сакена. В журнале боевых действий корпуса записано, что уральцы в середине октября вели наблюдение за передвижением неприятеля. В рапорте генерала А.П. Мелиссины указывается, что 22 октября в 4 верстах от Высоко-Литовска 4-й Уральский полк вместе с донским казачьим полком встретили два эскадрона австрийских гусар, «на которых ударили, опрокинули и, преследуя до Телятич, взяли в плен 75 человек». 25 октября в авангарде отряда Мелиссины действовали 4-й Уральский и 2-й Башкирский полки, которые у Бреста преследовали австрийцев и саксонцев. В этом же корпусе Сакена, в составе отряда генерала Гартинга, 10 октября находились 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки.

Как известно, большая часть войск 3-й армии была направлена для перекрытия путей отступления французов. В ноябре 1812 г. войска 3-й армии заняли Минск. Д. Бутурлин упоминает в своем известном труде, что 17 ноября в отряде генерала С.Н. Ланскова действовал 3-й Уральский полк. Затем в декабре 3-й полк находился в авангарде армии под командой генерала Е.И. Чаплица⁴, а в начале 1813 г. полк вел боевые действия в Пруссии и в марте он был отправлен в отряд генерала Ф.Ф. Винценгероде⁵. В конце января 1813 г. 4-й Уральский полк находился в герцогстве Варшавском и действовал в составе войск генерала Д.М. Волконского.

Тем временем, когда уже шли кровопролитные бои с французами, во всех станицах Оренбургского и Уральского казачьих войск, а также в кантонах башкир и мещеряков объявили манифест от 6 июля о нашествии на Россию неприятеля и о «приглашении всех верноподданных на защиту Отечества». В соответствии с этим Военный губернатор князь Волконский приказал всем служилым людям быть готовыми по приказу правительства отправиться на войну. И в крае началось формирование полков иррегулярной конницы, в том числе трех оренбургских казачьих полков 5-сотенного состава и 5-го Уральского казачьего полка.

Войсковая канцелярия спланировала два полка составить из казаков 1-го, 2-го и 3-го казачьих кантонов и один – из станиц по Самарской линии. Полку, составленному из Исетских казаков, был присвоен № 3, полку, составленному из казаков 3-го кантона – № 4, полк из Самарских казаков получил № 5. Но, по высочайшему приказу от 8 августа, из этих трех полков решено составить и командировать в армию атаманский и один 5-сотенный полк. В конце сентября эти полки выступили на сборный пункт в станицу Бакалинскую, где им был проведен строевой смотр готовности к походу. После этого 3-му и Атаманскому казачьим полкам приказано 21 и 23 октября выступить в Н. Новгород.

В некоторых работах неверно утверждается, что уже в 1812 г. в армии адмирала

П.В. Чичагова находились Оренбургский и Уральский атаманские казачьи полки⁶. Атаманский полк Оренбургского казачьего войска начал участвовать в боевых действиях только с 1813 г., а Уральский атаманский полк вообще никогда не существовал. Исследователь русской военной истории Г. Габаев в своем труде⁷ делает ошибку, считая, что в войне участвовали два тысячных полка: «1-й Оренбургский неперменный или Атаманский полк...», и «сформированный по его образцу Ставропольский калмыцкий». Во-первых, Оренбургский неперменный полк остался в Оренбурге и выполнял задачи по охране пограничной линии. Кроме того, Атаманский полк никогда не имел наименования «1-го». Как мы уже знаем, 1-й Оренбургский полк с 1807 г. находился в составе Дунайской армии, а Атаманский был сформирован осенью 1812 г. и отправлен в Данциг лишь весной 1813 г. А Ставропольский калмыцкий полк не был тысячным и имел 5-сотенный штатный состав.

На наш взгляд, ошибочные сведения дает в своей книге А.Н. Усманов, утверждая, что к началу Отечественной войны 1812 г. в Оренбургском крае были сформированы «пятисотенные конно-казачьи полки: 1-й и 2-й Башкирские, 1-й и 2-й Тептярские, 1-й и 2-й Уральские и 3-й Оренбургский». Источники свидетельствуют, что 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Уральские, 1-й и 2-й Оренбургские казачьи, 1-й и 2-й Башкирские и 1-й Тептярский полки накануне войны уже находились в действующей армии, а 3-й Оренбургский и Атаманский полки формировались лишь осенью 1812 г. Кроме того, 1-й Тептярский полк был сформирован в 1790 г., а 2-й полк – в 1798 г. и до начала кампании Отечественной войны нес службу на оренбургской пограничной линии. 2-й Тептярский полк, как и Атаманский, и 3-й Оренбургский полки, вступил в боевые действия лишь в 1813 г. Далее А.Н. Усманов ошибочно утверждает, что один из уральских казачьих полков был атаманским⁸. А.А. Гордеев пишет о выставлении на войну 10 полков Уральского войска. Некоторые подобные разночтения находятся в трудах

оренбургских историков Ю.С. Зобова и Л.И. Футорянского, утверждающих, что в войне против французов приняли участие 5 оренбургских и столько же полков уральских казаков⁹.

В сентябре 1812 г. М.И. Кутузов приказал командировать в распоряжение начальника Владимирского ополчения 5-й Уральский казачий полк, прибывший в Н. Новгород для следования в корпус П.Х. Витгенштейна. Согласно извещению, направленному Нижегородскому губернатору Руновскому, о следовании и назначении казачьих полков, 5-му полку было приказано следовать в Покров. 23 октября полк прибыл в Москву. Об этом свидетельствует рапорт Б.А. Голицына Кутузову от 24 октября, в котором он сообщает: «Вступил в Москву с 6-м полком Владимирского ополчения и 5-м Уральским казачьим...».

Атаманский оренбургский полк прибыл в Н.-Новгород 29 ноября, где получил приказ следовать в С.-Петербург, куда вступил уже на следующий день. Затем атаманский полк из Петербургского уезда, 8 марта 1813 г. выступил через Кенигсберг до крепости Данциг, где был включен в состав блокадного корпуса генерала Левиза. За участие в блокаде крепости многие чины атаманского полка удостоены наград. Атаманский полк после взятия Данцига еще некоторое время оставался в крепости, затем был отпущен на родину.

3-й Оренбургский казачий полк в декабре 1812 г. был причислен к ополчению III Нижегородского округа генерала П.А. Толстого и вместе с ополчением выступил 1 января 1813 г. в поход в действующую армию. В дальнейшем части III округа были назначены в состав сформированной Польской армии генерала Л.Л. Беннигсена. Исходя из этого неверным является сообщение П.Е. Матвиевского, что 3-й Оренбургский полк в начале 1813 г. уже находился в авангарде Польской армии¹⁰. Сформированная в июле 1813 г. Польская армия только в конце августа перешла р. Одер у г. Бреславля и во второй половине сентября прибыла к Кульму, где соединилась с Главной армией. Согласно «Расписанию» армии на

20 августа 1813 г. в ее авангарде вместе с двумя полками донских казаков находился 3-й Оренбургский полк.

Кроме того, в ополченском корпусе генерала Толстого в составе отряда генерала Муромцева находился 5-й Уральский полк. В костромском ополчении генерала Бурданова, наступавшем на крепость Калиш, был 4-й Уральский полк. В составе Польской армии, кроме 4-го и 5-го, находился и 3-й Уральский полк. В конце сентября Польская армия двинулась на Дрезден, а затем к Лейпцигу, куда прибыла вечером 5 октября 1813 г., т. е. на второй день сражения с Наполеоном всех трех союзных армий – Северной, Силезской и Главной. Польская армия 6 октября участвовала в битве с французами и 7 октября в штурме Лейпцига и взятии его. Уже 9 октября армия Беннигсена выступила из окрестностей Лейпцига для преследования французов, отступавших в направлении Эрфурта, при этом 3-й Оренбургский полк был передан в состав корпуса М.И. Платова. С донскими полками 3-й полк участвовал в боях: 10 октября – при занятии Веймара, 18 и 19 октября при взятии г. Ганау и 21 октября – в окрестностях Франкфурта-на-Майне. К 29 октября отряд Платова подошел к Висбадену в 5 верстах от р. Рейн.

В середине декабря 1813 г. основные силы Главной армии стали переправляться через Рейн. 3-й Оренбургский полк был передан в это время в корпус генерала Остен-Сакена, в казачий отряд генерала Щербатова, состоявший из 3-го Оренбургского, 1-го Тептярского, 4-го Уральского и одного из Донских полков. Корпус перешел на левый берег Рейна в ночь с 19 на 20 декабря. В составе отряда Щербатова полк участвовал в боях с французами: 17 января 1814 г. у г. Бриенна и 20 января – при г. Ларотьер. Затем отряд Щербатова передали для действий в тылу противника в отряд генерала А.Н. Сеславина. Отряд напал на небольшие партии врага и осуществлял связь между различными группировками наших войск. Отряд Сеславина в феврале активно действовал на коммуникациях противника между Орлеаном и Парижем.

7 марта отряд находился у г. Бре и охранял пути сообщения между Главной и Силезскими армиями. 9 марта группа Сеславина прикрывала левый фланг армии в сражении при Арси, а 11 марта была направлена на Фершампенуаз, где 13 марта приняла участие в боях.

15 марта 1814 г. Сеславину было приказано идти к Парижу вдоль берега Сены с задачей не дать французам построить переправы через реку. 17–18 марта отряд участвовал в сражении под Парижем. Во всех боевых делах отряда Сеславина участвовали 3-й Оренбургский, 4-й Уральский полки.

Не менее доблестно проявили себя башкиры, мешеряки и тептяри, внесшие свой значительный вклад в победу русского оружия над Наполеоном. В некоторых исторических работах, освещающих эту тему, указывается, что по указу от 9 ноября 1806 г. в крае были сформированы 10 полков Башкиро-Мещеряцкого войска. Историк А.З. Асфандияров пишет о 4-х башкирских полках, отправленных на войну в 1807 г. Авторы труда «История Башкортостана...» указывают, что уже «в декабре 1805 г. к западным границам на подкрепление русской армии направились из края 600 калмыков, 1000 оренбургских и челябинских казаков и 7000 башкир», при этом ссылаются на известный труд историка П.Е. Матвиевского. Эти данные в своем труде воспроизводят В.Ф. Мамонов и Г.В. Форстман. Известный исследователь А.Н. Усманов, также ссылаясь на труд Матвиевского, утверждает, что в 1806 г. было сформировано еще 3 полка башкир. Документы центральных и местных архивов не подтверждают ни одно из этих приведенных сведений. Цифра в 7 тыс. башкир не является верной, так как в посланных на войну в 1807 г. двух 5-сотенных башкирских полках насчитывалось лишь чуть более 1000 чел., включая командный состав.

Не ясно, на какие данные опирались авторы труда «Очерки по истории Башкирской АССР», утверждая, что «в 1806–1807 годах во время войны с Францией было

сформировано 20 пятисотенных башкирских полков». В данном случае осуществлен перенос факта формирования башкирских полков осенью 1812 г. на более ранний период. Возможно, что авторы некритически отнеслись к некоторым архивным источникам. Например, писарь 7-го башкирского кантона, заполняя в 1836 г. формулярные списки о службе башкир, записал многим из них следующее: «...был в походе с 1806 по 1808 гг. против французских войск в 6-м Башкирском полку», допустив при этом две ошибки: о сроках похода и нумерации полков.

В исторических трудах, вышедших уже в первое десятилетие после начала войны с французами, указывается, что с 24 мая по 4 июня 1807 г. в состав корпуса М.И. Платова входили и участвовали в боях «две башкирские команды (1-й и 2-й Башкирские полки) под общим командованием полковника князя Уракова». Они были названы в числе прочих полков в рапорте Платова на имя генерала Л.Л. Бенигсена, как «проявившие мужество и храбрость». После боев 4 июня в приказе отмечались удачные действия «командира двух башкирских команд майора 29-го егерского полка Данкеева, башкирского кантонного начальника поручика Б. Куватова, сотников К. Кадаргулова и А. Узенбаева»¹¹.

Неточности в исторической литературе встречаются и при освещении формирования башкирских полков в период войны 1812 г. В некоторых трудах сообщается, что впервые для внешней службы в 1811 г. были сформированы два полка. Но, как уже было сказано, они были сформированы в 1807 г. Во-вторых, во многих трудах по истории Оренбургского края и Башкортостана даются разные сведения о числе полков, отправленных в действующую армию. Например, сообщается, что для войны с французами в 1812 г. было создано 28 башкирских, 2 тептярских, 2 мишарских, 5 оренбургских, 5 уральских казачьих полков и, что всего в крае было сформировано 45 полков. В одном из очерков, наоборот, приводятся данные, что всего из Оренбургской губернии в 1812 г. выступило в поход

в состав армии 24 казачьих полка Оренбургского, Уральского, Башкиро-Мещерякского войска. М.Л. Юдин указывает, что в Отечественной войне участвовало 15 башкирских полков. В.Ф. Мамонов и Г.В. Форстман пишут: «Вслед за Доном, вторыми по численности направленных войск, были казачьи войска с Урала: 43 полка направили они на борьбу с Наполеоном». Кроме того, они утверждают, что Башкирия направила на войну 28 полков, из них 6 запасных. А.З. Асфандияров сообщает о выставлении на войну из края 46 полков. При этом он упоминает об участии в войне какого-то мифического 8-го Оренбургского казачьего полка, состоявшего, по его утверждению, наполовину из башкир, и что этот полк победоносно вступил в Париж. Но в Париж вступил 3-й Оренбургский казачий полк. Возможно, опечатка в одном из источников (цифра 3 стала цифрой 8) пошла «кочевать» из книги в книгу, из статьи в статью.

Так, А.Н. Усманов утверждает, что в 1812–1813 гг. «башкирами было сформировано 28 конно-казачьих полков», при этом он ссылается на «исторический документ», сохранившийся в Государственном архиве Оренбургской области. В.М. Черемшанский в своем труде также сообщает о том, что из башкир в Отечественную войну были сформированы до 30 полков. Документ, на который ссылается Усманов, является прошением администрации 6-го башкирского кантона военному губернатору об упорядочении их службы, написанным спустя десятилетия после окончания войны, в преамбуле которого была допущена ошибка о количестве башкирских полков в период войны. Методологически верно в выяснении таких вопросов обращаться к официальным документам военно-мобилизационных органов и т. п. В том же труде А.Н. Усманов, ссылаясь уже на официальные документы военного ведомства, отложившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, опровергает свое прежнее предположение о 28 башкирских полках и совершенно верно утверждает, что в период войны «было сформировано и отправлено

на фронт 20 башкирских конно-казачьих полков». Но при этом добавляет, что формировались еще «запасные полки» из башкир, и что, якобы, они, направляясь на пополнение действующих полков, сопровождали партии лошадей для армейской кавалерии. Действительно, в архивных документах говорится о команде башкир и оренбургских казаков, сопровождавших большую партию строевых коней для армии в район Вильно и Бобруйска. Сопровождали эти транспорты оренбургские казаки (384 чел.) и башкиры (1092 чел.) При этом военный губернатор предлагал правительству после сдачи лошадей, сопровождавших их казаков «обратить в действующую армию на укомплектование полков» Оренбургского войска. Башкир же губернатор предлагал «причислить к их полкам или, составив собственно из них два пятисотенных полка и определив начальниками офицеров регулярных или донских войск, употребить к приводу пленных, либо к подобным занятиям». Но военное ведомство после сдачи башкирами лошадей отправило их назад домой. Основываясь на документах военного министерства, было установлено, что во время войны в действующей армии из Оренбургского края числились четыре полка Оренбургского и пять полков Уральского войска, два тептярских полка, два мещерякских, один Ставропольский калмыцкий и 20 башкирских полков. Мы видим, что их общее число никак не равняется цифре 45, даже если к количеству этих полков прибавить Оренбургский драгунский, Уфимский, Екатеринбургский и Рыльский пехотные полки, имеющие отношение к Оренбургскому краю.

К началу войны 1812 г. на западной границе находились: 1-й Башкирский полк майора М.М. Лачина, который входил в состав корпуса М.И. Платова 1-й Западной армии, и 2-й полк майора Курбатова, входивший в состав казачьего отряда Обсервационной армии¹². С началом Отечественной войны 1-й полк в составе войск Платова прикрывал отход армии Багратиона и участвовал в боях при Гродно, Мире, Романове, Инькове. Во время Бородинского сражения 1-й полк

участвовал в известном рейде войск Платова и Уварова. В сентябре 1812 г. под Москвой 1-й полк действовал в районе Рязанской и Серпуховской дорог в отряде полковника И.Е. Ефремова, затем в отряде полковника Н.Д. Кудашева. Итак, с конца августа по октябрь 1812 г. 1-й Башкирский полк участвовал в партизанской войне, выполняя разведывательные задачи.

2-й Башкирский полк майора Курбатова в составе 3-й армии 16 июля 1812 г. был в сражении у г. Кобриня. В «Журнале авангарда 3-й Западной армии в 1812 г.», составленном полковником Иксулем отмечается, что в авангард армии под командой генерала К.О. Ламберта входили: казачьи полки Барабанщикова, Чикелева, Власова, 1-й и 2-й Калмыцкие, 2-й Башкирский. В документах упоминается, что 2-й полк башкир вместе с 4-м Уральским был направлен в авангард корпуса, которым командовал генерал А.П. Мелиссино. 25 октября 1812 г. эти полки при с. Мстибов наткнулись на противника, и завязался вынужденный бой. Численность противника превосходила силы уральцев. В этом бою казаки потеряли убитыми и ранеными 1 офицера и 12 рядовых и башкиры – 29 человек. Затем 2-й полк участвовал в боях под Слонимом, под Волковыском, а в декабре, находясь в корпусе П.К. Эссена, преследовал отступавшие австро-саксонские войска. Свой заграничный поход полк начал в составе корпуса генерала Д.М. Волконского и 27 января 1813 г. вступил в Варшаву. Далее 2-й полк в составе отряда генерала гр. Палена воевал на подступах к Бреславию.

Что касается остальных формирований башкир, то история их следующая. С началом войны военный губернатор князь Г.С. Волконский 25 июля разослал предписание всем начальникам кантонов края, которым обязал всех верноподданных сынов России быть в готовности выступить в поход на защиту Отечества. По решению военного министерства, утвержденного императором 8 августа 1812 г., в Оренбургской губернии началось формирование полков башкир и мещеряков. По мере формирования эти полки приказано отправлять к Нижнему

Новгороду. Каждый кантон, в зависимости от людских ресурсов, снарядил от одного до трех полков. 1-й и 2-й кантоны (Пермский, Осинский, Екатеринбургский и Красноуфимский уезды) сформировали 20-й полк; 3-й кантон (Шадринский уезд) снарядил 19-й; 4-й кантон (Троицкий уезд) – 18-й; 6-й кантон (Верхнеуральский уезд) – 14-й и 15-й; 7-й кантон (Стерлитамакский уезд) – 12-й и 13-й полки; 9-й кантон отправил на войну 7-й, 8-й и 9-й полки; 10-й кантон (Бирский уезд) снарядил часть 5-го и 10-й полк; 11 кантон (Мензелинский уезд) сформировал другую часть 5-го и 3-й полк; 12-й кантон (Белебеевский и Бугульминский уезд) – 4-й, часть 5-го и 12-го полков; остальные полки формировались в 5-м кантоне (Челябинский уезд) и в 8-м кантоне (Уфимский уезд). Кантоны мещеряков снарядили два полка. Командирами башкирских полков назначались армейские офицеры.

В августе-сентябре 1812 г. на место дислокации в г. Муром были отправлены 3-й, 4-й и 5-й Башкирские полки. Далее они были направлены в Витебск на усиление 1-го Отдельного пехотного корпуса П.Х. Витгенштейна. В октябре 15 сформированных башкирских полков (№ 6–20) и 1-й, 2-й Мещеряцкие полки были направлены в поход в Нижегородскую губернию в состав III округа ополчения графа П.А. Толстого и которые прибыли к Н.-Новгороду в ноябре 1812 г.

О действиях 1-го Мещеряцкого полка сведений мало, он был направлен в Москву и с ноября 1812 нес там гарнизонную службу. Команда 6-го Башкирского полка осенью 1812 г. была направлена в Новгородскую губернию для подавления волнения крестьян помещика Яковлева, которые не хотели отправляться на работу в уральские заводы. Волнение было подавлено лишь силой оружия. Полк оставили в крестьянских селениях «до наказания виновных». Таким образом, 6-й полк в войне не участвовал, а исполнял полицейскую службу.

Согласно ведомости о состоянии войск ополчения III округа на январь 1813 г.,

к нему были приписаны: 5-й Уральский и 3-й Оренбургский казачьи полки, 2-й Мещерякский, с 8-го по 20-й Башкирские полки. Всего в этих полках было 27 штаб-офицеров, 231 обер-офицер, 182 урядника, 7024 рядовых. В конце декабря 1812 г. - 1 января 1813 г. войска III округа выступили в поход на запад. Ополчение гр. Толстого только к весне сосредоточилось на Украине, когда армия уже давно была в заграничном походе. Толстой докладывал, что его войска расположилось в Волынской губернии.

В июле 1813 г. на территории Варшавского герцогства была сформирована новая резервная армия генерала Л.Л. Беннигсена, получившая по месту формирования название Польской. В ее состав вошли: части резервной армии Д.И. Лобанова-Ростовского, находившейся в герцогстве, и полки III округа ополчения. Следовательно, большая часть башкирских полков воевала в составе Польской армии. В войсках, наступавших в направлении р. Одер, были: 9-й башкирский полк штабс-капитана Попова, 11-й майора Мальковского, 14-й майора Селезнева и 15-й капитана Кондратьева. В Костромском ополченском корпусе генерала Бурданова, наступавшем на крепость Калиш, состоял 8-й Башкирский. В июле 19-й полк майора И. Серебряникова получил предписание кн. Лобанова-Ростовского следовать из Гродненской губернии на Брест-Литовск и далее в Варшавское герцогство. В это же время 20-й Башкирский полк майора Руднева находился в составе корпуса генерала кн. Горчакова.

В 1813-1814 гг. некоторые башкирские полки участвовали в осаде крепости Данциг¹³. В январе 1813 г. в осаде крепости в составе войск Платова находился 1-й Башкирский полк майора Лачина. В марте 1-й полк перебросили от Данцига в другой корпус. Затем полк в течение 1813-1814 гг. принимал участие в боях под Берлином и Дрезденом, при Ютербоке, Виттенберге, Дессау, в знаменитом сражении под Лейпцигом, Лаоном и Парижем. В осаде Данцига до капитуляции крепости в декабре 1813 г. участвовал 7-й Башкирский полк майора Аксенова. После взятия крепости 7-й Башкирский

полк вместе с атаманским оренбургским казачьим полком под общей командой атамана Углицкого был отправлен на родину.

1 апреля 1813 г. 1-й Башкирский полк входил в австрийские войска под командой немецкого генерала Л. Вальмодена. С августа 1-й полк уже находился в Северной армии в отряде генерала И.К. Орурка и участвовал в сражении под Лейпцигом. 2-й полк в это время был в Силезской армии в составе отряда генерала А.А. Карпова и также участвовал в битве народов. В войсках генерала Д.С. Дохтурова находились 13-й Башкирский и 2-й Мещерякский. 12-й полк был в отряде генерала Н.С. Муромцева. В состав Симбирского ополчения генерала Н.Ф. Титова входили 9-й, 11-й, 14-й и 15-й полки. В состав Костромского ополчения вошел 8-й полк. В конце августа к армии присоединился 16-й полк.

Таким образом, в составе Польской армии находились большинство башкирских полков и основной задачей этих полков в это время было боевое охранение армии. Иррегулярные полки привлекались в это время и к другим боевым делам. Так, 15 августа 1813 г. к крепости Глогау для ее блокады были посланы части Костромского ополчения генерала И.К. Розена. Ему были приданы 13-й Башкирский, 2-й Мещерякский полки. К блокаде крепости 1 сентября было привлечено и Пензенское ополчение вместе с 8-м, 12-м и 16-м полками башкир. В журнале военных действий Польской армии отмечается, что часть ополчения III округа во главе с гр. Толстым с 25 сентября по 30 октября приняла участие в сражении под Дрезденом и его блокаде. При этом в начале октября в осаде Дрездена участвовали 2-й, 13-й и 15-й Башкирские полки. Так, 15-й полк с 1 октября находился в отряде генерала М.Л. Булатова и весь октябрь провел в стычках с французами.

В сражении под Лейпцигом 4-7 октября 1813 г. участвовали 1-й, 4-й, 5-й, 9-й, 14-й Башкирские полки. После разгрома французов под Лейпцигом к Дрездену подошли и приняли участие в его осаде 1-й, 4-й, 5-й и 14-й полки. Сопrotивление 20 тысячного гарнизона продолжалось в течение октября.

Все попытки противника прорвать блокаду разбивались о стойкость русских войск. 31 октября после упорных боев гарнизон Дрездена сдался. В числе отличившихся в этих боях упомянуты башкиры из 4-го и 14-го полков. Таким образом, иррегулярная кавалерия Польской армии, в составе которой находились иррегулярные полки из Оренбургского края, активно участвовала в боях.

После Лейпцигской битвы и взятия Дрездена основные силы русской армии преследовали отступающих французов.

Некоторые полки фактически в боях не участвовали, но тем не менее выполняли важные задачи, например, 18-й Башкирский находился в конвое командующего армией князя Лобанова-Ростовского. В ноябре 1813 г. сотни этого полка охраняли и сопровождали в действующую армию транспорты с продовольствием, в частности в Познань и в Ченстохов. Воины полка обеспечивали летучую почту в Люблин, Ковель, Ковно и Брест-Литовск.

В начале кампании 1814 г. 1-й полк и команда из 9-го полка находились в отряде

генерала А.И. Чернышева в корпусе генерала Ф.Ф. Винцингероде (Северная армия), а затем вместе с корпусом были передислоцированы на усиление Силезской армии. 17 февраля 1-й полк указывается в составе войск в Реймсе. 14-й Башкирский полк в это время действует в районе г. Кельна. В последние дни кампании 1-й полк все также, находясь в отряде Чернышева, 14 марта участвовал в бою под Парижем (в Сен-Дизье).

В боях на подступах к Парижу участвовали 1-й, 2-й, 5-й, 8-й, 9-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 19-й Башкирские полки и 2-й Мещерякский. Вместе с регулярными частями вступили в Париж и иррегулярные части, в том числе 2-й, 12-й, 13-й и 15-й полки. Впоследствии воины этих полков были награждены серебряными медалями «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» и «В память войны 1812-1814 гг.». Вскоре по окончании войны большая часть иррегулярных полков Оренбургского края были отправлены на родину, выполнив священную обязанность военного сословия по защите Отечества.

Примечания

1. Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. – М., 1943. – С. 126, 245-250; см. также: Руа И. Французы в России. – СПб., 1912. – С. 20.
2. См.: История нашествия Императора Наполеона на Россию в 1812 году. С официальных документов и других бумаг российского и французского генеральных штабов; сочиненное Его Императорского Величества флигель-адъютантом полковником Д. Бутурлиным. – СПб., 1837–1838. – Ч. 1. – С. 409, 413; Там же. – Ч. 2. – С. 387–388; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска (далее – Материалы...): в 15 вып. – Оренбург. 1902–1915. – Вып. 8. – С. 167; Габаев Г.С. Роспись русским полкам 1812 г. – Киев, 1912. – С. 47-48; Подмазо А. Российская армия в июне 1812 года // Родина. – 2002. – № 8. – С. 66–67.
3. Столетие Военного министерства: 1802-1902. – СПб., 1902-1914. – Т. 11. – Ч. 2. Приложение. – С. 425; Материалы... – Вып. 8. – С. 169; Лобов Н. Г. Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812-1814 гг. с Наполеоном. – Оренбург, 1912. – С. 11; Юдин М. Л. Оренбуржцы в войнах 1812-1814 годов. – Ташкент, 1912. – С. 16-17.
4. См.: Бутурлин Д. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 220, 260, 391, 405, 413.
5. См.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии : сборник документов. – М., 1964. – Док. № 18. – С. 16.; Там же. – Док. № 100. – С. 102.
6. Поликарпов Н. Краткая историческая справка о казачьих полках 1812 г. / Н. Поликарпов // «1812 год». – 1912. – № 9–10. – 27 мая (9 июня). – С. 352.
7. См.: Габаев Г. С. Роспись русским полкам 1812 г. – Киев, 1912.
8. Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. – Уфа, 1964. – С. 6, 59.
9. Гордеев А. А. История казаков. Ч. 3: Со времени царствования Петра Великого до начала Великой войны 1814 года. – М., 1992. – С. 184; Футорянский Л. И. Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920 гг.). – Оренбург, 2003. – С. 8.

10. Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. – Оренбург, 1962. – С. 140.
11. Чуйкевич П. Подвиги казаков в Пруссии. С планами театра кампании 1807 года и многими любопытными анекдотами. – СПб., 1810. – С. 117, 119.
12. Подмазо А. Российская армия в июне 1812 года // Родина. – 2002. – № 8. – С. 64, 66.
13. 28 января М.И. Кутузов в письме Е.И. Кутузовой сообщал об участии башкир 1-го полка в осаде крепости: «Данциг блокирован. Сегодня получен рапорт, что выходила вылазка чело- века в тысячу, но вся истреблена казаками и башкирами...». См.: Кутузов М. И. Письма, за- писки. – М., 1989. – С. 473; Кутузов М. И. Сборник документов. – М., 1956. – Т. 5. – С. 202; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии... – С. 52; Мос- ковские ведомости. – 1813. – 19 февраля. – № 15.
14. В статье использованы материалы из архивов: ОГАЧО, ГАОО, РГВИА, ЦГИА РБ.

Кузнецов Владимир Александрович, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

Джундужузов С.В.

УЧАСТИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЛМЫЦКОГО ПОЛКА В ВОЙНАХ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Калмыцкий народ по праву гордится своей военной историей. В XVIII – начале XX вв. военные кампании Русской армии не обходились без участия боевых формирований калмыков. Мужество и отвага калмыцких полков в полной мере проявились в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. Повышенный общественный интерес к этим событиям накладывает на историков особую ответственность за объективное и полное их изложение.

Впервые сведения о Ставропольском калмыцком полке были представлены в книге Г.Н. Прозрителева «Военное прошлое наших калмыков», изданной в 1912 г. Ее автор, известный исследователь истории Ставропольского края и всего Северо-Кавказского региона, не был знаком с историей Ставропольского калмыцкого войска. Исследователь ошибочно полагал, что войско возникло естественным путем, а затем, «для большей устойчивости и упрочения зависимости», центральная власть закрепила его существование пожалованием земли¹. Отсутствие достоверных сведений о месте поселения ставропольских крещеных калмыков стало причиной другой досадной ошибки. По мнению Прозрителева, свое название полк получил в честь Ставрополя на Кавказе, и к его формированию был причастен найон Большедербетовского улуса Хапчуков². Несмотря на это недоразумение, труд Прозрителева имеет важное историографическое значение. На документальной основе в нем описывается участие калмыков Ставропольского войска в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах, приводятся статистические данные о штатном составе полка, боевых отличиях и понесенных потерях. Авторский текст дополняют включенные в качестве приложения архивные материалы.

В том же 1912 г. в Пятигорске отдельной книгой был издан очерк представителя

калмыцкой национальной интеллигенции Е.Ч. Чонова «Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год». В книге излагается история участия калмыков в походах и войнах, которые вела Россия с XVII по XIX вв. Автор обратил внимание на ошибочное мнение Г.Н. Прозрителева о том, что Ставропольский калмыцкий полк формировался из калмыков Ставропольской губернии, и, пользуясь, в основном, материалами из книги своего предшественника, доказал, что в полку служили крещеные калмыки из Ставропольского калмыцкого войска. Кратко, в хронологическом порядке, Е.Ч. Чонов перечислил события и сражения, в которых принимал участие Ставропольский полк. Отдавая должное ратным подвигам своих предков и их преданности России, исследователь заключил свой труд следующим патетическим выводом: «Калмыки с неустрашимой отвагой сражались и поражали неприятеля и, проявляя редкую степень усердия и преданности Великому Государю, споспешествовали победам русского воинства, которое, предводимое Державным Вождем, установило спокойствие и благоденствие Европы, измученные народы которой видели калмыков в числе своих освободителей от Наполеонова ига»³. Общий вывод дореволюционных историков о героизме калмыцких воинов и их больших заслугах в победах, одержанных Русской армией, остается незыблемым и поныне.

С установлением Советской власти участие калмыков в антинаполеоновских войнах почти на полстолетия перестает быть темой исторических изысканий. Сначала не в чести была царская армия, а когда уже в годы Великой Отечественной войны подняли на щит народный патриотизм, сами калмыки стали жертвами репрессивной национальной политики сталинизма.

Первый по-настоящему научный труд, в котором говорилось о национальных формированиях в Русской армии, под названием

«Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года» был издан в 1962 году и приурочен к 150-летию юбилею описываемых в нем событий. Автор книги, П.Е. Матвиевский, отметил главную сложность, с которой сталкиваются историки, обращающиеся к данной теме – отсутствие в большинстве случаев указаний на национальную принадлежность казачьих формирований. «Известно, что башкирские, мишарские, тептярские и калмыцкие полки часто действовали в одних соединениях с русскими казачьими или кавалерийскими полками. Поэтому в официальных реляциях и переписке боевые действия национальных полков регистрировались и значились под одним общим наименованием – казачьих полков. И только некоторые из них записаны в донесениях и мемуарах за национальными полками в отдельности»⁴. Собственно военным действиям посвящена VI глава книги: «Казачьи и национальные полки края в Отечественной войне и заграничном походе». Следуя заданной сюжетной линии, автор в основном обращается к тем эпизодам боевых действий, в которых участвовали оренбуржцы, а в их числе и Ставропольский калмыцкий полк. Незначительные по объему сведения о последнем Матвиевский отслеживал главным образом из опубликованных источников, таких как: приложения из упоминавшейся выше книги Г.К. Прозрителева, материалы, представленные в трудах Московского отдела Русского военно-исторического общества.

В 1960-е гг. вопросами участия калмыков в войнах России против внешних врагов в XVIII-XIX вв. плодотворно занимался Т.И. Беликов⁵. Он существенно расширил источниковую базу, обратился к мемуарной литературе (генерал Багратион, А.И. Михайловский-Данилевский, А. Раевский) и, что особенно ценно, ввел в научный оборот архивные материалы из четырех фондов Российского государственного военно-исторического архива. В строгой хронологической последовательности им прослеживается переход Ставропольского полка к театру военных действий и его дальнейшее участие в боях с неприятелем. Т.И. Беликов

акцентировал внимание на ошибках, допущенных его дореволюционными предшественниками Г.Н. Прозрителевым и Е.Ч. Чоновым, но и сам не смог избежать некоторых неточностей, касавшихся поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье.

Настоящим прорывом в изучении Ставропольского калмыцкого войска стали труды исследователя истории калмыцких казачьих поселений К.П. Шовунова. В 1974 г. он написал статью «Ставропольское калмыцкое войско»⁶. Материалы этой статьи с некоторыми дополнениями были включены в изданную в 1992 году монографию «Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.)». К.П. Шовунов ввел в научный оборот большое количество новых источников. Один только приведенный им список архивных фондов составил 74 названия, сосредоточенных в десяти центральных и региональных архивах. Историк достаточно полно осветил административное и военное устройство ставропольских калмыков, значение их службы в охране Оренбургской пограничной линии.

Большинство исследователей в своих публикациях стремятся поместить максимальное количество сведений, собранных из разных источников. Хронология событий ими расписывается вплоть до дней, а иногда и часов. Как правило, в таких работах встречаются длинные перечни местностей, рек, населенных пунктов, но во многих случаях не конкретизируется участие калмыков в происходивших при них сражениях⁷.

Иной подход к изложению исследуемого материала предложил К.П. Шовунов. В главе, посвященной Отечественной войне 1812 г., автор стремится показать масштабную картину действий отдельных русских армий и крупных воинских соединений против наполеоновских войск, и на их фоне конкретизировать участие калмыков в военных операциях и их вклад в победу над врагом⁸. Вопреки утвердившемуся в литературе мнению, что первым действовавшим против французов партизанским отрядом стала группа Дениса Давыдова, К.П. Шовунов решительно заявил, что партизанскую

войну армейских частей открыл отряд генерал-адъютанта Ф.Ф. Винценгероде. Стратегическая задача этого отряда состояла в охране Петербургской дороги в случае возможного наступления французских войск на Петербург. Вместе с тем он должен был вести разведку за действиями противника. Ставропольский калмыцкий полк был приписан к сводному отряду Винценгероде с конца июля 1812 г. Утверждение это представляется не вполне верным. Отряд Винценгероде являлся «летучим корпусом»⁹, который, в отличие от партизанского армейского отряда сформирован по инициативе командования, а не образовывался из волонтеров и добровольцев.

К.П. Шовунов обнаружил в Фонде собственной его императорского величества канцелярии Российского государственного исторического архива важные сведения, повествующих о партизанских рейдах ставропольских калмыков в переломный период Отечественной войны – сентябре–октябре 1812 г.¹⁰ Также на основе материалов из фонда Баркляя де Толли военно-исторического архива автор прослеживает участие Ставропольских калмыков в заграничном походе 1813-1814 гг.¹¹ Несомненным достоинством монографии К.П. Шовунова являются составленные автором карты-схемы боевых действий калмыцких полков.

Подробное описание участия Ставропольского калмыцкого полка в военных кампаниях 1812-1814 гг. представлено в монографии В.А. Кузнецова «Иррегулярные войска Оренбургского края»¹². Исследователь привлек солидный массив материалов, в том числе и не использовавшихся предшественниками. К числу последних относятся документы из коллекции Фонда Военно-ученого архива¹³. В них содержатся известия об участии Полка в боях под Звенигородом в конце августа 1812 года и в сражениях заграничного похода. В некоторых случаях недостаток информации о боевом применении Ставропольского полка В.А. Кузнецов компенсирует описанием действий корпусов, в составе которых он находился, справедливо полагая, что в них

были задействованы и калмыцкие воины. Кропотливое изучение историков и литературы позволило выявить и тем самым отдать дань уважения и признательности потомков десяткам офицеров, урядников и рядовых калмыков-казаков, отмеченных боевыми наградами. Повествование о ратных подвигах Ставропольского калмыцкого полка В.А. Кузнецов закончил словами, в полной мере отражающими сложившееся в отечественной историографии еще с дореволюционных времен единодушное мнение: «Ставропольский калмыцкий полк, наряду с братьями по крови – 1-м и 2-м калмыцкими полками, – внесли неоценимый вклад в общее дело победы над Францией... Бок о бок с русскими воинами сыны калмыцкого народа честно и добросовестно до конца выполнили свой долг, показывая образцы стойкости, мужества и отваги»¹⁴.

С большим энтузиазмом откликнулось научное сообщество на масштабное отмечавшееся празднование 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Мероприятия, приуроченные к знаменательной дате, в разном формате проводились во многих регионах России. Накануне юбилея на суд читателей была представлена двухтомная энциклопедия «Заграничные походы Русской армии 1813–1815 годы». Раздел об участии в походах иррегулярных полков, в том числе и трех калмыцких, подготовлен С.Е. Калинин. В сентябре 2012 г. в Элисте, во время работы научно-практической конференции «Участие народов России в Отечественной войне 1812 года», состоялась презентация монографии К.Н. Максимова и У.Б. Очирова «Калмыки в наполеоновских войнах» и 3-го тома сборника документов «Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.».

Монография К.Н. Максимова и У.Б. Очирова представляет собой фундаментальное исследование истории участия 1-го, 2-го Астраханских, Ставропольского калмыцких полков и, что прежде оставалось мало известным, донских калмыков в составе донских казачьих полков.

Раздел об участии ставропольских калмыков в наполеоновских войнах, написанный У.Б. Очировым, разделен на три главы. В соответствии с периодизацией наполеоновских войн, вторая и третья главы подразделяются на три параграфа. Избранный Очировым метод заключается в ставшем традиционным описании военных действий корпусов, соединений и целых армий, в состав которых входил Ставропольский полк. Очень подробно автор останавливается на действиях воинских формирований, состоявших в общих соединениях со ставропольскими калмыками. Нередко, увлекаясь масштабным описанием хода сражений, он, как бы напоминая читателю о главном объекте своего исследования, в скобках указывает об участии в них «в том числе Ставропольского полка»¹⁵.

Важной методологической новацией и несомненным научным вкладом У.Б. Очирова стало использование послужных списков Ставропольского полка и сопоставление содержащейся в них информации с другими источниками и публикациями предшественников. На их основе была составлена общая характеристика командного состава Ставропольского полка. Показателями для нее служили: сословное происхождение (принадлежность к знати или рядовым), возрастные критерии, наличие боевого опыта и стажа службы на пограничной линии¹⁶. Также заслуживает уважения критический подход исследователя к содержанию самих послужных списков. Часто представленная в них датировка не совпадает с указанными сражениями. Каждый такой случай оговаривается и анализируется. Так, в послужных списках офицеров-калмыков (Даржаева, Дандарова и др.) указано, что 8 ноября 1812 г. они сражались под Дорогобужем. Но 8 ноября французы были уже в Орше и переходили Днепр (не говоря уже о 12 ноября, когда они подходили к Березине). Отталкиваясь от реальных событий, Очиров пришел к заключению, что, скорее всего, в списках неправильно указаны даты боев у Дорогобужа и Духовщины (27–29 октября)¹⁷.

Историком впервые были опубликованы сведения о внутренней и пограничной

службе оставшихся в Ставрополе казачьих калмыков. Представленный в монографии архивный материал и его интерпретация требуют пересмотра некоторых ошибочных утверждений, относящихся к участию Ставропольского полка в сражениях на завершающем этапе заграничного похода. По мнению автора, укоренившееся в историографии утверждение, что ставропольцы 13 марта 1814 г. сражались у Фер-Шампенуаза и затем вошли в столицу Франции после ее капитуляции, видимо, не соответствует действительности. С 24 декабря 1813 г. Ставропольский калмыцкий полк в составе казачьей бригады П.И. Диомидия совместно с 5-м германским корпусом участвовали в осаде крепостей Майнц и Кастель. Их комендант, генерал Ш.А. Моран, согласился на капитуляцию лишь 11 апреля 1814 г., когда получил достоверное известие о взятии Парижа и отречении Наполеона. Единственным ставропольским калмыком, задействованным в сражении у Фер-Шампенуаза, стал сотник С.А. Медечиев, состоявший адъютантом при командире кавалерийского корпуса генерал-адъютанте Ф.К. Корфе. Вместе с корпусом 18 марта Медечиев сражался под Парижем и, вероятно, сопровождал своего командира в победоносном шествии по улицам французской столицы¹⁸.

Ценные сведения представлены У.Б. Очировым о наградах и отличиях, к которым были представлены ставропольские калмыки за участие в боевых действиях. По его подсчетам, произведенным на основании наградных списков за подвиги, совершенные в кампанию 1812 г., воины полка были награждены одним орденом Св. Анны 3-й степени (С.А. Медечиев) и 19-ю знаками отличия Военного ордена. 7 зауряд-офицеров получили первые офицерские чины, а четверо рядовых (Г.С. Нартаев, В.И. Габуннов, А.Д. Лузанов и А.В. Бурутов) произведены в урядники. Кроме того, согласно рапорту от 8 января 1814 г. к медалям за кампанию 1812 г. было представлено 444 ставропольца, в том числе один штаб-офицер, 12 обер-офицеров, 22 урядника и 409 рядовых. Последние цифры были взяты Очировым из ведомости, составленной

служившим в Русской армии французским генералом А.Ф. Ланжероном¹⁹.

Ценным мемуарным источником о партизанском отряде Ф.Ф. Винценгероде, в который входил Ставропольский полк, являются записки А.Х. Бенкендорфа. Публикуемые фрагменты записок обозначают маршрут и основные операции отряда в конце июля – августе 1812 г., в период

наиболее драматических событий Отечественной войны – движения Наполеона к столице, Бородинской битвы, пожара Москвы²¹.

Исследования, проведенные несколькими поколениями историков, позволили выявить и обобщить большой пласт источников, содержащих сведения об участии Ставропольского калмыцкого полка в войнах с наполеоновской Францией.

Примечания

1. Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмыков: репринтное воспроизведение издания 1912 г. // Тр. Ставропольской учёной архивной комиссии. Вып. III. – Ставрополь, 1990. – С. 48.
2. Там же. – С. 95–96.
3. Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 г. : очерки, статьи, биография. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 2006. – С. 69.
4. Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Исторические очерки. – Оренбург : Южный Урал, 1962. – С. 144–145.
5. Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. (XVII – начало XIX в.). – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1965; Он же. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1960. – 143 с.
6. Шовунов К. П. Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии : сб. науч. тр. – Элиста : КГУ, 1974. – С. 230–246.
7. Джесюпов Э. С. Ставропольский калмыцкий полк в Отечественной войне 1812 г. // Археология Южного Урала : материалы VII межрегион. науч.-практ. конференции. – Уфа, 2007. – С. 51–55.
8. Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – С. 229–272.
9. Официально он стал именоваться так с 29 августа 1812 г.
10. РГИА. – Ф. 1409. – Оп. 1. – Д. 694.
11. РГВИА. – Ф. 103. – Оп. 208 в. – Д. 29;
12. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара ; Челябинск, 2008. – С. 281–294.
13. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 2462, 3406, 3510.
14. Кузнецов В. А. Указ. соч. – С. 293–294.
15. Максимов А. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. – Элиста : НПП «Джангар», 2012. – С. 306.
16. Там же. – С. 287–288.
17. Там же. – С. 334.
18. Там же. – С. 366–368.
19. Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы : в 4 т. Т. 3 : Ставропольское калмыцкое войско в первой половине XIX в. / авт.-сост. С. В. Джунджузов, У. Б. Очиров, А. В. Тепикин ; отв. ред. А. С. Ряжев. – Элиста : КИГИ РАН, 2012. – С. 109.
20. Там же. – С. 33–34.

Джунджузов Степан Викторович, доцент кафедры истории Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Тептеев А.Г.

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ НАГАЙБАЦКОЙ СТАНИЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДАХ РУССКОЙ АРМИИ 1813-1814 ГОДОВ

В поход против «злоствующего врага в Европе, известного начальника французской нации» Наполеона казаки Оренбургского казачьего войска выступили задолго до 1812 г.

В начале ноября 1806 г. Военный губернатор Оренбургского края князь Г.С. Волконский получил письмо за подписью императора Александра I о необходимости сформировать во вверенном ему крае «полки из Оренбургского и Уральского казачьих войск, Башкиро-мещеряцкого войска, один Тептярский и Ставропольский калмыцкий полк».

3 декабря 1806 г. Александр I подписал манифест «Об открытии войны с Францией». И уже к началу января 1807 г. из состава Оренбургского казачьего войска было сформировано два шестисотенных полка под номерами 1 и 2. Полк № 1, командир – майор Н. Лысов, в первых числах января 1807 г. «был выкомандирован из войска на службу» из Оренбурга, полк №2, командир полка – поручик В. Мельников, «8 января выступил в Москву» из Челябинска. Командование обоими полками в качестве командира бригады было возложено на командира Оренбургского Непременного полка полковника В. А. Углицкого. Маршрут полков пролегал «через Москву за границу, в Пруссию, где в это время наша армия под начальством генерала Беннигсена, в союзе с прусскими войсками, вела борьбу с войсками Наполеона».

Принять участие в крупномасштабных боевых действиях 1-му и 2-му Оренбургским казачьим полкам в русско-французской войне 1806–1807 гг. не пришлось, так как через неделю после прибытия их на «западный театр военных действий», 27 июня 1807 г., между Францией и Россией был заключен Тильзитский мир.

К осени 1807 г. «оренбургские полки вместе с донскими полками генерала

М.И. Платова были направлены в Молдавскую (Дунайскую) армию для военных действий против Турции», где приняли самое активное участие во многих боях с турецкими войсками.

Находясь в боевом походе с января 1807 г., и с осени этого же года, «участвуя во многих сражениях русско-турецкой войны, казаки несли боевые потери». Кроме того, за длительностью нахождения в походе увольнению от службы подлежали «по болезни, увечью, старости или по расстройству домашнего хозяйства, смерти жен, детей».

На пополнение поредевших полков, требовалось подкрепление и «по предписанию князя Волконского от 5 мая 1811 г. «на укомплектование казачьих полков, находившихся в Молдавской армии, было послано 330 казаков».

В число этого пополнения вошли и 28 казаков Нагайбацкой станицы, которые через год приняли непосредственное участие в сражениях Отечественной войны 1812 г.

При перечислении списка казаков Нагайбацкой станицы, направленных на пополнение Оренбургских казачьих полков № 1 и № 2 сохраним особенности стиля документов той поры, когда при написании отчества «нижних чинов» окончание «...вич» не употреблялось.

Из Нагайбацкой станицы Оренбургского казачьего войска в действующую армию были «выкомандированы на укомплектование служащие казаки:

крепости Нагайбацкой – Василий Максимов Басков, Мирон Яковлев Слесарев, Борис Дмитриев Матвеев;

крепости Бакалинской – Федор Иванов Танаев, Алексей Иванов Ермухаметев, Степан Петров Настин;

деревни Шерашели – Данила Васильев Тептеев, Андрей Никифоров Семёнов, Яков Прокофьев Евдокимов;

деревни Иликовой – Харитон Тимофеев Федоров, Василий Павлов Ишимов, Иван Терентьев Данилов;

деревни Умировой – Никита Игнатъев Юзеев, Антон Матвеев Леонтьев, Федор Иванов Прокопьев;

деревни Килевой – Федор Яковлев Танаев;

деревни Зияшевой – Афанасий Никифоров Михайлов, Иван Федоров Карсаков, Егор Степанов Карсаков, Прокофий Иванов Романов, Яков Арсеньев, Егор Данилов Леонтьев, Фома Данилов Петров, Андрей Трофимов Семенов, Иван Андреев Иванов;

деревни Ново-Юзеевой – Степан Григорьев Захаров, Степан Ильин Биккулов;

деревни Маты – Спиридон Яковлев Питеев».

По прибытии пополнения из Оренбургского края к месту прохождения службы боевые действия русских войск Дунайской армии в основном происходили «в походах на правый берег Дуная» и «в боях с неприятелем во время переправы турок на левый берег р. Дуная».

В мае 1812 г. в Бухаресте между Россией и Турцией был заключен мирный договор. Главную роль в заключение Бухарестского мирного договора в преддверии большой войны с наполеоновской Францией сыграл фельдмаршал М.И. Кутузов. Успешная военная компания Молдавской (Дунайской) армии под руководством Кутузова в период с марта 1811 г. по май 1812 г. заставила османскую Турцию отказаться от Бессарабии в пользу России.

Заключение мирного договора между воюющими сторонами не означало, что служба казака становилась легкой. Оренбургские казаки «занимали линию кордонов на турецкой границе по реке Пруту», несли службу «на передовых постах», сопровождали транспорты с продовольствием и боеприпасами, участвовали в конвоях сопровождения высокопоставленных чинов Дунайской армии. Кроме того, казакам приходилось выполнять «различные хозяйственные работы» по жизнеобеспечению войск, дислоцировавшихся на присоединенной к России территории.

По окончании войны и подписания Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией М.И. Кутузов, назначенный «главнокомандующим армией, действовавшей против французов», направляясь к Главной армии, «взял с собой конвой из оренбургских казаков, которые сопровождали его на значительное расстояние, переменяя на каждой станции верховых лошадей, потому что князь Кутузов, ехавший на почтовых, конвою велел взять только седла».

Акцентируем внимание на факте конвоя фельдмаршала с участием оренбургских казаков по той причине, что в ряде публикаций встречаются указания на то, что конвой Кутузова состоял именно из казаков Нагайбацкой станицы. Конечно, это лестно нам, прямым их потомкам, но вот документальных подтверждений, что в конвое были казаки именно Нагайбацкой станицы, не обнаружено.

С началом Отечественной войны, в конце июня 1812 г., Молдавская армия во главе с адмиралом П.В. Чичаговым, заступившим на должность командующего армией вместо «отбывшего из армии М.И. Кутузова», выступила из Молдавии на Волынь в Белоруссию «на соединение с 3-й Резервной армией генерала А.П. Тормасова». Соединенная армия под общим командованием адмирала Чичагова должна была отбросить австрийские и саксонские войска наполеоновской армии с территории Белоруссии на «территорию герцогства Варшавского». Целью же стратегического плана императора Александра I было «полное истребление французской армии», и действовавшие во флангах армии, Чичагова – с юга и Витгенштейна – с севера, должны были на реке Березине преградить путь отступления Наполеона из России.

В первое боевое столкновение с неприятелем оренбургские казаки вступили 17 и 18 сентября у местечка Любомль. Далее Оренбургские казачьи полки в составе соединенной армии П.В. Чичагова участвовали в захвате Брест-Литовска, освобождении Минска и в боях под городом «Борисовым и взятии его». Принимали участие

в операции на реке Березине, в ходе которой хоть и не удалось в полной мере осуществить задачу, поставленную императором Александром I, но «Великой армии» Наполеона было нанесено окончательное поражение; после сражения отступление французов превратилось в беспорядочное бегство». Последний крупный бой оренбургских казаков в Отечественной войне 1812 г. произошёл 22 и 23 ноября при местечке Молодечно. По окончании Березинского сражения, оренбуржцы были снова переведены в Молдавию – нести охрану на турецкой границе. Домой в родные станицы казаки 1-го и 2-го Оренбургских казачьих полков вернулись в 1819 г., пробыв в походе почти 12 лет.

6 июля 1812 г. императором Александром I был подписан Высочайший манифест о нашествии на Россию Наполеона. Данный манифест в конце июля был объявлен по всему Оренбургскому краю, в том числе, естественно, и по станицам Оренбургского казачьего войска. Военный губернатор края Г.С. Волконский предписал: «чтобы все казаки, служащие и не служащие, кои только могут действовать оружием, тотчас же приготовились стать на оборону Отечества, поэтому должны иметь неусыпное попечение, чтобы у каждого находилась в готовности одна лошадь, которую и не употреблять ни в какую тяжелую работу, дабы не изнурять ее и не привести в неспособность, в случае нужды, действовать на ней противу неприятеля; чтобы у каждого была исправная пика длиною не менее 4-х аршин, с трехгранным копьем, сабли, ружья и пистолеты, чтобы были тоже исправны».

Гражданский подвиг самоотверженного служения Отечеству совершил атаман Нагайбацкой станицы Яков Серебряков. В своем донесении от 20 августа 1812 г. он писал в войсковую канцелярию, что «приготовил в поход 194 служащих казака, 41 отставного казака и 97 казачьих малолетков, что из числа 20 отставных и 33 малолетка не могли самостоятельно вооружиться «по своей бедности своей служебной исправностью. Я при таковых нужных

обстоятельствах, жертвуя для защиты Отечества и государства, продал свой дом, некоторое имение, и неимущих бедных собственностью вооружил отставных и малолетков 53 человека. Из числа оружия сабли искупил я через посланного чиновника есаула Исаева в губернском городе Уфе, а по неимению там ружей и копий, здесь оные искупил у частных людей, а всего суммою на триста рублей». По тем временам это были очень большие деньги. О патриотическом поступке атамана Якова Серебрякова было объявлено по всем станицам войска. Император Александр I через князя Волконского «объявил Серебрякову свое Высочайшее благоволение», что являлось благодарностью всей России. Было в то время атаману Нагайбацкой станицы «чиновнику 14 класса Якову Серебрякову» всего 29 лет.

В начале августа 1812 г. на основании решения правительства начинается формирование трех оренбургских казачьих полков пятисотенного состава каждый. Местом формирования полков была избрана крепость Бакалинская, входившая в состав Нагайбацкой станицы. Нагайбацкая станица располагалась в северо-западной части губернии, в 400 верстах от Оренбурга и 208 – от Уфы, рядом проходила Новомосковская дорога, связывающая Оренбург с Казанью «на ровном и всякими угодыями привольном месте», – все эти обстоятельства и способствовали избранию места для быстрого сбора и формирования полков с обширнейшего Оренбургского края.

8 августа управляющий военным министерством князь Горчаков на основании Высочайшего повеления объявил губернатору края князю Волконскому и наказному атаману войска полковнику Углицкому «из приготовленных в Оренбургском войске трех полков приказано сформировать и командировать в армию два». Но при этом один полк получил наименование «Атаманский тысячный полк». Полк этот был двойного состава и состоял из «33 штаб и обер офицеров и 1141 нижнего чина». В поход Атаманский полк повёл майор Авдеев. Второй полк формировался под № 3. Командиром 3-го Оренбургского казачьего полка

был назначен майор Беляков. Полк состоял из «17 штаб и обер-офицеров, 20 урядников, одного писаря и 500 казаков».

В Атаманском полку были «чины Непременного полка» (аналог современного подразделения быстрого реагирования), местом постоянной дислокации которого был пригород Оренбурга, а также «часть казаков ближайших редутов: Каменного, Нежинского, Донгузского, Елшанского, Рассыпного, Миасской» и других.

3-й Оренбургский казачий полк был сформирован из казаков станиц: Миасской, Еткульской, Еманжелинской, Челябинской, Санарской, Кичигинской, Чебаркульской, Уйской, Ключевской, Красноуфимской, Уфимской, Нагайбацкой, Новосергиевской, Каргалинской, 1-й и 2-й Зубочистенской, Чесноковской, Сорочинской, Тоцкой, Мочинской.

Всего же в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг. приняли участие 116 казаков станицы Нагайбацкой.

28 казаков с 1811 г. проходили службу в 1-м и 2-м Оренбургских казачьих полках и приняли участие непосредственно в Отечественной войне 1812 года. В составе Атаманского полка в осаде Данцигской крепости «был один нагайбак». В 1813 г. на пополнение в действующую армию были направлены из деревни Иликовой «служащий казак Илья Юдин Ишменев, из деревни Шерашели служащий казак Корнила Егоров Яковлев». На новое пополнение в 1814 г. были направлены из деревни Килевой «служащий казак Ефим Яковлев Тимиркеев и из деревни Ново-Юзеевой служащий казак Леонтий Сафронов Петров».

Таким образом, в 3-м Оренбургском казачьем полку из 538 (по другим данным, 566) человек личного состава полка 83 казака были из Нагайбацкой станицы.

Вот список казаков станицы Нагайбацкой – участников заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. в составе 3-го полка:

«Нагайбакской крепости – служащий казак Степан Борисов Борисов, служащий казак Асаф Сергеев Федоров, служащий

казак Иван Афанасьев Тимиркеев, служащий казак Григорий Васильев 2-й Бородин, служащий казак Григорий Васильев Башкирцев;

Бакалинской крепости – служащий казак Герасим Егоров Уразметев, служащий казак Афанасий Егоров Уразметев, служащий казак Герасим Данилов Ишпахтин;

деревни Костеевой – служащий казак Павел Григорьев Юлдашев, служащий казак Ефим Иванов Никитин;

деревни Осы – служащий казак Иван Яковлев Тугульбаев, служащий казак Егор Антонов Никитин;

деревни Шерашли – служащий казак Егор Васильев Юскин, служащий казак Герасим Евдокимов Юскин, служащий казак Андрей Михайлов Ивикеев, служащий казак Феофан Савельев, служащий казак Максимов Семен Яковлев, служащий казак Захар Никифоров Семенов, служащий казак Дмитрий Егоров Данилов, служащий казак Тимофей Осипов Савельев, служащий казак Федот Лаврентьев Аитов, служащий казак Андрей Юдин Иванов;

деревни Балыклы – служащий казак Семен Петров Батраев, служащий казак Яков Алексеев Маркин, служащий казак Осип Алексеев Васильев, служащий казак Николай 1-й Федоров Алексеев, служащий казак Васильев Федоров Чулаков;

деревни Ахмановой – служащий казак Андрей Васильев 1-й Сапожников, служащий казак Александр Иванов Уржумцев, служащий казак Степан Семенов Утешев, служащий казак Григорий Васильев Урсаев, служащий казак Иван Федоров Камаев;

деревни Иликовой – служащий казак Яков Иванов Ишимов, служащий казак Тимофей Иванов Гуреев, служащий казак Василий Федоров Мрясов, служащий казак Василий Артемьев Максимов, служащий казак Филипп Егоров Ульмясов, служащий казак Тимофей Григорьев Исмагулов, служащий казак Ефим Егоров Бектеев, служащий казак Филипп Иванов Алексеев;

деревни Умировой – служащий казак Яков Семенов Мукаев, служащий казак

Назар Иванов Васильев, служащий казак Иван Дмитриев Айтуганов, служащий казак Никифор Иванов Васильев, служащий казак Антон Максимов Мукаев, служащий казак Гаврила Петров Досманов, служащий казак Ефим Васильев Досманов, служащий казак Игнат Васильев Ишкинин;

деревни Зияшевой – служащий казак Тимофей Степанов Карсаков, служащий казак Кузьма Васильев Тугалев, служащий казак Антон Михайлов, служащий казак Данила Маркин Прокопьев, служащий казак Максим Данилов Тимеев, служащий казак Емельян Алексеев Биккинин, служащий казак Николай Антонов Алексеев, служащий казак Кузьма Андреев Алексеев, служащий казак Архип Семенов Тюкинеев, служащий казак Егор Тимофеев Иванов, служащий казак Евдоким Николаев Кириллов;

деревни Ново-Юзеевой – «служащий казак Григорий Ефимов Дмитриев, служащий казак Тимофей Васильев Клявлин, служащий казак Василий Федоров Андреев, служащий казак Семен Иванов Семенов;

деревни Маты – служащий казак Игнатий Лукин Степанов, служащий казак Иван Григорьев Ирзигитов, служащий казак Яков Никитин Юзеев, служащий казак Иван Михайлов Юзеев 2-й, служащий казак Александр Васильев Курчеев, служащий казак Данилов Гаврилов Танаев, служащий казак Федоров Иван Ислангулов, служащий казак Иван Карпов Иштеряков, служащий казак Евдоким Николаев Кириллов».

Перед отправкой в поход войсковой атаман Углицкий провел смотр полка и 21 октября 1812 г. полк выступил в поход. Путь полка лежал «через города Чистополь, Лаишев и Чебоксары в Нижний Новгород».

Во второй половине июля 1812 г. император Александр I для мобилизации людских резервов на пополнение армии подписал манифест об организации округов ополчения, и Нижний Новгород являлся пунктом сбора 3-го округа ополчения с восточных и южных губерний России. Командующим 3-м округом ополчения был назначен генерал-лейтенант граф П.А. Толстой.

1 января 1813 г. 3-й Оренбургский казачий полк выступил из Нижнего Новгорода

вместе со всеми войсками ополчения. Во время похода полку была поставлена задача охранять штаб-квартиру командующего округом генерал-лейтенанта Толстого. Маршрут полка пролегал через города «Муром, Касимов, Спасск, Пронск, Михайлов, Епифань, Ефремов, Новосил, Курск, Льгов, Глухов, куда прибыли 3 марта». Из Глухова путь полка лежал в Киев, где «8 апреля 3-му Оренбургскому казачьему полку был проведен смотр». После Киева войска ополчения, а вместе с ними и 3-й Оренбургский казачий полк, последовали на западную границу России. Части 3-го округа ополчения были включены в состав Польской армии генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена. В конце августа 1813 г. Польская армия перешла реку Одер у г. Бреславль (в настоящее время – это польский город Вроцлав, являющийся столицей Нижнесилезского воеводства. В период наполеоновских войн входил в состав Прусского королевства под немецким названием Бреслау).

Во второй половине сентября армия генерала Беннигсена прибыла к городу Кульм, где соединилась с главной армией. Далее путь полка в составе Главной армии лежал в Германию, через Дрезден к Лейпцигу. 7 октября 1813 г. 3-й Оренбургский казачий полк принял участие в самом крупном сражении XIX в. под городом Лейпцигом, известном как «Битва народов». В этом бою с французской стороны приняли участие от 180 до 200 тыс. солдат, со стороны антинаполеоновской коалиции войск было в полтора раза больше. Потери убитыми и ранеными у французов составили до 80 тыс. Союзные войска потеряли до 54 тыс., из которых 22,6 тыс. – русские.

С августа по конец октября 1813 г. 3-й Оренбургский казачий полк был передан в состав корпуса легендарного казачьего атамана, героя Отечественной войны 1812 г. М.И. Платова. В составе корпуса Платова оренбургские казаки участвовали в освобождении немецких городов Веймар и Ганау, в боях в окрестностях Франкфурта-на-Майне. Далее корпус генерала Платова перешел к городу Висбаден.

В середине декабря 1813 г. 3-й Оренбургский казачий полк был передан в «летучий» казачий отряд генерала А.Г. Щербатова.

В ночь с 19 на 20 декабря 1813 г. отряд Щербатова перешёл на левый берег реки Рейн, тем самым начав боевые действия «в пределах Франции». В составе отряда оренбуржцы участвовали в боях при местечке Линьи, у замка Бриенн и городка Ла-Ровьер. За сражение под Бриенном князь А.Г. Щербатов был награжден одним из самых почитаемых орденов Российской империи – «Военным орденом Святого великомученика и победоносца Георгия» 2-го класса.

Затем 3-й Оренбургский казачий полк был передан в отряд генерал-майора А.Н. Сеславина, на который была «возложена задача – уничтожение тыловых коммуникаций противника и ведение разведки передвижения сил противника». С февраля 1814 г. партизанский отряд Сеславина начал действовать на коммуникациях противника в его тылу между городами Орлеаном и Парижем, что привело к прекращению подвоза продовольствия населению Парижа и войскам, действовавшим против войск коалиции. Во второй половине февраля – начале марта отряд участвовал в боях в окрестностях городов Невиля, Бре, Арси-Сюр-Об и 11 марта был направлен на Фер-Шампенуаз – «селение во Франции на дороге из Витри в Париж». 13 марта 1814 г. под Фер-Шампенуазом прошло последнее крупное сражение французских войск и войск коалиции перед падением Парижа. В бою у французов участвовало 23 тыс. человек при 84 орудиях, у союзников – 16 тыс. кавалерии и 94 орудия. Потери французов составили до 11 тыс. человек, коалиционных сил – до 2 тыс. Поражение французских войск под Фер-Шампенуазом «было последним действием при окончании войны, заключенной овладением горделивою столицею Франции и свержением с престола необузданного её властителя Наполеона Бонапарта».

После Фер-Шампенуазского сражения, 14 марта 1814 г., 3-й Оренбургский казачий полк в составе «летучего» отряда генерала

Сеславина был послан в город Провень. На следующий день 15 марта полк получил приказ идти впереди всех союзных войск вдоль берега реки Сены к Парижу. 17 марта полк принял участие в сражении под Парижем на левом фланге атакующей армии. В день падения Парижа, 18 марта, 3-й Оренбургский казачий полк в составе отряда Сеславина был направлен к городам Гин и Монтеро, «для наблюдения за французскими войсками, сосредотачивающимися у Фонтенебло», где «Наполеон предполагал идти к Парижу».

19 марта 1814 г. в покоренный Париж торжественно въехали монархи союзной коалиции, вместе с ними и «некоторые части войск вступили в город и заняли караулы». В составе войск, вступивших в столицу Франции в торжественно-парадном строе, казаков 3-го Оренбургского казачьего полка не было, им пришлось накануне довольствоваться лишь окраинами Парижа.

Отряд Сеславина продолжал боевые действия и «23 марта занял г. Мелэн с боя». 25 марта 1814 г. в Фонтенебло Наполеон отказался от императорского престола и «подписал акт отречения за себя и за своих наследников».

После окончания войны 3-й Оренбургский казачий полк был отправлен на границу герцогства Варшавского и нес службу между городами Гродно и Брест-Литовск. В 1816 г. полк был переведен на охрану новой западной границы между Россией и Пруссией. Домой полк вернулся только в 1820 г., пробыв в боевом походе восемь лет.

Атаманский полк, прибывший, как и 3-й Оренбургский казачий полк в Нижний Новгород, получил приказ следовать из Нижнего в Санкт-Петербург. В последний день ноября 1812 г. полк выступил в поход «по маршруту через города Балахну, Кривец, Кинешму, Кострому, Ярославль, Весегонск, Устюжну, Тихвин, Новую Ладугу и Шлиссельбург». По прибытии в Петербургский уезд полк расположился в Рыбачьей слободе. В начале марта 1813 г. полк получил приказ выступить «в действующую армию по маршруту: Стрельна,

Ямбург, Нарва, Дерпт, Рига, Митава до местечка Тауроген на границу с Пруссией». В конце марта для полка был получен новый маршрут следования – «через Кенигсберг до крепости Данциг» в состав блокадного корпуса.

Крепость Данциг (в настоящее время польский город Гданьск) с 1807 по 1812 гг. был занят французами и мел французского под предводительством генерала Раппа. За это время бастионы крепости были значительно усилены, были построены новые форты.

С декабря 1812 г. Данциг находился на осадном положении, генерал Рапп собрал в крепости около 40 тыс. личного состава французских войск. Первоначально Данциг был обложен семитысячным казачьим отрядом атамана Платова, задачей которого было, прежде всего, наблюдение за крепостью.

В начале февраля 1813 г. на место казачьего отряда Платова прибыл осадный корпус в количестве 18,8 тыс. человек при 72 орудиях. Первоначально русские войска несли значительные потери, так как французы предпринимали крупные вылазки своих войск, доходивших одновременно до 10 тыс. человек. В дальнейшем к русским войскам стали прибывать новые подкрепления, в том числе, в конце марта – начале апреля, Атаманский полк Оренбургского казачьего войска. С моря к крепости подошла русская эскадра.

С июня 1813 г. начались активные действия русских и союзных осадных войск. Крупные штурмы крепости происходили 17, 21 и 23 августа, 5 и 29 сентября, 21, 22 и 25 октября и в начале декабря 1813 г. Активные действия русских и союзных войск заставили гарнизон крепости сдаться. 16 декабря 1813 г., после более чем 11-месячной осады, крепость Данциг капитулировала.

Атаманский полк в конце декабря получил приказ возвращаться на родину, в пределы Оренбургского казачьего войска.

Так закончили свой ратный поход в 1812–1814 гг. наши предки казаки славного Оренбургского казачьего войска, в том числе и казаки Нагайбацкой станицы.

В своих заграничных походах 3-й Оренбургский казачий полк потерял половину личного состава. Из казаков Нагайбацкой станицы не вернулись десять.

В 1812–1814 гг. почти половина казаков Оренбургского казачьего войска, несмотря на его малочисленность, находилась в походах: «До трёх тысяч находились на западном театре военных действий» и «до двух тысяч человек для охранения границы с киргизской степью».

К большому сожалению, не сохранилось, ни легенд, ни песен нагайбакских казаков о Европейских походах первой четверти XIX в.

Примечания

При подготовке статьи использованы:

«Сочинения генерал-лейтенанта М. Богдановича»;

Военно-историческое исследование В. Харкевича;

Сборник «Деяния Российских полководцев и генералов ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах»;

Энциклопедия Военных и военно-морских наук; труды историков оренбургского казачества: полковника П. И. Авдеева, войскового старшины Ф. М. Стариков, есаула М. Л. Юдина;

Кузнецов В. А. «Иррегулярные войска Оренбургского края»;

«История казачества азиатской России»;

Семёнов В. Г., Семёнова В. П. «Губернаторы Оренбургского края»; и др.

Тептеев Александр Григорьевич, историк-краевед, Нагайбакский район Челябинской области.

Махрова Т. К.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД НАПОЛЕНОВСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Оренбургский край в начале XIX века стал ареной своеобразной, но в перспективе не менее опасной для государства, чем военное вторжение Наполеона, экономической войны – «войны ассигнациями».

Известно, что история бумажноденежного обращения в России начинается Высочайшим указом об учреждении государственного банка с правом выпуска банковских билетов на сумму 5 млн. руб., подписанным накануне своей смерти в мае 1762 г. Петром III. Основные положения этого указа повторил семь лет спустя манифест Екатерины II от 29 декабря 1768 г., попытавшейся таким образом поправить финансовые дела государства в период русско-турецкой войны¹. «С 1 января 1769 года, – говорилось в Манифесте, – устанавливается в Санкт-Петербурге и Москве два банка для вымена государственных ассигнаций, которые выдаваемы будут из разных правительств и казенных мест, от Нас к тому означенных, столько, а не более, как в вышеозначенных банках капитала наличного будет состоять». В каждый банк было положено капитала по 500 тыс. руб. (медью) и на общую сумму в 1 млн руб. выпущены ассигнации достоинством 25, 50, 75, 100 руб., первоначально они подразделялись на московские и Санкт-Петербургские².

Российские бумажные деньги получили не немецкое, как предполагалось ранее, а французское название: от французского слова «assignats» – свидетельство на получение денег. В России их начали «усовершенствовать» сразу же после первого выпуска, заменяя цифру «2» цифрой «7» путем подчисток и перегравировки на 25-рублевой ассигнации. Уже в 1771 г. 75-рублевые ассигнации были изъяты из обращения, в 1772 г. правительство прекратило их выпуск, а в 1780 году запретило ввоз и вывоз российских ассигнаций за границу³.

Однако последняя мера оказалась запоздалой. Она уже не могла остановить

распространения нового для России преступного «увлечения»: ассигнации рисовали тушью, добивались прозрачности водяных знаков по краям ассигнации «чесноковым соком», «посредством сала» или «намазывали сливочным, семенным или деревянным маслом». Догадавшись, что изображение водяного знака образуется в результате меньшей толщины бумаги на рисунке, злоумышленники пытались добиться такого же эффекта, «соскабливая слова и литеры кругом ассигнации и гербов по углам», нередко бумагу проскабливали насквозь. «Деланием» и сбытом фальшивых ассигнаций начали заниматься и аристократы, и представители «необразованных классов»⁴.

В 1786 г. ассигнации, оказавшиеся столь легкими для подделки, были изъяты из обращения и заменены ассигнациями нового, более сложного, образца. 30 января 1785 г. была учреждена казенная бумажная фабрика в Царском Селе для производства ассигнационной бумаги, хотя печатание по-прежнему производилось при Сенате. Бумага улучшенного качества, усложненные водяные знаки (вверху – «любовь к отечеству», внизу – «действует к пользе онаго», с левой стороны – «государственная казна», с правой – номинал, достоинство ассигнации прописью и церковными буквами, означающими число рублей), срезанные для удобства распознавания крупных номиналов неграмотными людьми углы (25-рублевая имела все срезанные углы, 50-рублевая – верхний левый и нижний правый, 100-рублевая – не имела срезанных глов), появление цветных банкнот мелких номиналов «в облегчение хождению и оборотам денег» (5-рублевые «синенькие» и 10-рублевые «красненькие», они должны были составлять 10% от суммы каждого нового выпуска) – основные отличия ассигнаций, выпускавшихся с 1786 по 1819 г. 10-рублевая ассигнация отличалась еще и

тем, что пропись «объявителю сей...» напечатана была наискось от нижнего левого угла к правому верхнему. На новых ассигнациях в центре располагалось изображение двуглавого орла с распростертыми крыльями и цепью ордена Андрея Первозванного, но не коронованного (т. е. это еще не было изображением государственного герба), между просвечивающимися прописями по углам были изображены гербы четырех царств – Астраханского, Московского, Казанского и Сибирского с соответствующей каждому короной. Ассигнации собственноручно подписывались директором банка и на обороте – советником правления банка. Согласно Манифесту от 28 июля 1786 г. «Об учреждении Государственного Заемного Банка» московский и санкт-петербургский променные банки соединились, при объединенном банке учреждалась особая экспедиция для ревизии, приема ассигнаций, подлежащих уничтожению, а также для ведения книг, где фиксировались достоинство, номера и подписи на ассигнациях.

Несмотря на более сложные технологии печатания и гравировки, фальшивые ассигнации образца 1786-1819 гг. получили большое распространение, а накануне французского вторжения была предпринята настоящая экономическая диверсия: в российском денежном обороте появились так называемые «наполеоновки»⁵.

Выпуск фальшивых денежных знаков противника неоднократно практиковался в войнах конца XVIII – начала XIX вв. Известно, что во время подготовки к вторжению на территорию России по указанию Наполеона I в условиях строгой секретности (усилиями трех исполнителей – чиновника министерства полиции, гравера и типографа) были изготовлены поддельные русские ассигнации номиналом 100, 50, 25 рублей, датированные 1805-1811 гг. Кроме русских ассигнаций Бонапарт печатал также поддельные фунты стерлингов, австрийскую, прусскую валюту. В свою очередь, французские эмигранты-роялисты в Англии и Швейцарии выпустили миллионы поддельных французских банкнот. Россия подобными делами не занималась.

Весной 1812 г. наполеоновский министр иностранных дел герцог де Бассано⁶ передал одному из варшавских банкиров фальшивых ассигнаций на 20 млн руб. для распространения в России. По утверждению военного историка И.П. Липранди, участвовавшего в войне 1812 г. в качестве полковника генерального штаба, а после вступления русских войск в Париж – начальника военной полиции, в начале военной кампании на российский рынок было вброшено подделок на 25 млн руб.⁷ Печатание фальшивок продолжалось и непосредственно во время похода. При Березине в руки казаков попала карета Наполеона, где среди бумаг нашли гравировальные доски для печатания русских сторублевок. Есть сведения о том, что после занятия Москвы фальшивые 100-рублевые ассигнации фабриковались на привезенном французами станке на Преображенском кладбище, их с трудом распознавали даже в ассигнационном банке.

Французские фальшивки отличались высоким качеством исполнения – более четким водяным знаком, ровным расположением букв в словах основного текста, глубоким рельефным тиснением (конгрев – рельефное бескрасочное тиснение в виде двух овальных медальонов – выделялся более четко). На поддельных ассигнациях краска была гуще, бумага качественнее, с голубоватым оттенком. Однако подлинные ассигнации подписывались вручную чернилами, а на фальшивых подпись была выгравирована, поэтому она не выцветала со временем и не приобретала коричневого оттенка. Кроме того, встречались орфографические ошибки: на некоторых купюрах в словах «государственная» и «ходячий» вместо буквы «д» печатали «л», или в букве «д» левая нижняя ножка оказывалась меньшего размера, чем правая. Выяснилось также, что факсимиле российского чиновника, ставившего свою печать на настоящие ассигнации, треснуло и оставляло на купюрах едва различимую полоску, французские же граверы скопировали эту подпись без дефекта.

Фальшивые ассигнации Наполеон предполагал использовать на оккупированной территории для выплаты жалования

своей армии и закупки продовольствия и фуража. Но, несмотря на превосходное качество подделок, надежды Наполеона на их широкое применение не оправдались. Выяснилось, что к 1812 г. реальная стоимость русского ассигнационного рубля составляла всего лишь 25 копеек. Крестьяне, если соглашались на сделку, требовали оплату в золоте или серебре. Французские офицеры были недовольны жалованием, которое в фальшивых ассигнациях, даже увеличенное со временем в 2 раза, составляло только половину обычного содержания. Переживая за свою репутацию, Наполеон во время отступления приказал уничтожить все неиспользованные фальшивые ассигнации.

Выяснить, как выполнялся этот приказ, не представляется возможным, затруднительно и в целом определение доли подделок в наличном обороте России первой половины XIX столетия. Лев Толстой в «Войне и мире» писал о том, что Москву наполняли ассигнации – и фальшивые, и не фальшивые, но одинаково не имеющие ценности по сравнению с золотом и серебром. Государственный банк в разоренной войной стране вынужден был принимать фальшивые ассигнации как подлинные, хотя и не разменивал их на драгоценные металлы⁸. Безостановочная работа российского печатного станка в стремлении профинансировать непрерывные войны (с Персией в 1804–1813 гг., с Турцией в 1806–1812 гг., со Швецией в 1808–1809 гг., с Францией) вкупе с экономической диверсией фальшивомонетчиков готовы были обрушить финансовую систему Российской империи...

Некоторые цифры об изъятии фальшивых ассигнаций в целом по империи приводит Энциклопедический словарь, выпущенный в конце XIX в. под редакцией К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского: с 1813 по 1817 гг. их было обнаружено на сумму 5614380 руб., а в ходе обмена денег в 1819–1821 гг. в банки было представлено фальшивок на 6794520 руб. Только в полковых кассах возвращавшейся в 1814 г. из Европы российской армии ревизия обнаружила из 1,5 млн руб. более 300 тыс. поддельных.

Свой вклад, точной оценке не поддающийся, в это «рублевое наводнение» внесли и восточные «конкуренты» Наполеона – фальшивомонетчики Бухары.

Как показывают обнаруженные в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) документы, оренбургский пограничный край стал в начале XIX в. еще одним каналом ввоза в Россию фальшивок – ассигнаций, производимых в Бухаре. Проникновение фальшивых ассигнаций с востока на рубеже XVIII–XIX вв. приобрело нешуточные масштабы, беспокоившие и местные власти, и правительство не в меньшей степени, чем их «западный поток».

Чаще всего фальшивки выявлялись в процессе сбора податей с населения, в питейных заведениях, при обмене ассигнаций на медные монеты в уездных казначействах, при передаче собранных налогов в уездное казначейство либо при передаче ассигнаций из уездного казначейства в ассигнационный банк. При выявлении подделки обязательно проводилось следствие, обнаруживающее, как правило, цепочку из нескольких крестьян, казаков, мелких торговцев, не имеющих к производству фальшивок никакого отношения и получавших «сомнительные» деньги в качестве платы за проданные товары, на отхожих промыслах.

О степени насыщенности оборота фальшивыми деньгами свидетельствует непрекращающаяся в течение всей первой половины XIX в. переписка местных, губернских и центральных чиновников по этому поводу с детальным описанием всех случаев обнаружения фальшивок в Оренбурге, Уральске и Троицке, в башкирских кантонах, на станичных и сельских ярмарках и базарах, на торгах во время севрюжного или багренного рыболовства на реке Урал. Вот уральский казак Игнат Подлипалин получает за только что выловленную красную рыбу 25 фальшивых рублей от приехавшего в Уральск торговать своим товаром «пахотного солдата» из Симбирска (1804 г.), а оренбургский купец Ларионов платит крестьянину Ивану Шишкину за овец фальшивой пятирублевкой (1814 г.), но ни в том, ни в другом случае покупатели

не помнят, от кого сами получили ассигнации. Уральский казак Семен Кудрявцев продает «неизвестному русскому мужику» лошадь за поддельную 25-рублевую ассигнацию, и с такой же фальшивкой на руках оказывается крестьянин Нестор Галактионов, получивший ее «от простоты и по незнанию грамоты» от «неизвестного татарина Казанской губернии» (1814 г.). Служитель Новоурлядинского питейного дома дает сдачу казачьему офицеру фальшивой ассигнацией, а сами казаки расплачиваются в деревнях поддельными деньгами за купленных строевых лошадей⁹. Командир Троицкого гарнизонного батальона подполковник Охлебынин в 1814 г. обнаруживает фальшивую 25-рублевую ассигнацию среди денег, полученных из комиссии казенного комиссариатского депо Оренбурга для выплаты жалованья, а тептярский сотник Юртукай Паситов – уже в 1821 г. – привозит в Мензелинское уездное казначейство собранную в его деревне сумму государственных податей, в которой три пятирублевые ассигнации оказываются фальшивыми¹⁰. Не случайно в 1812 г., «канцелярии для соображения», военный губернатор Г.С. Волконский предписывал тщательнее следить за тем, как принимаются и хранятся государственные ассигнации, сопровождается ли пересылка ассигнаций списком с их нумерацией¹¹.

С конца XVIII в. начала формироваться нормативная база, регламентирующая действия чиновников в связи с обнаружением факта подделки ассигнаций. Указом Правительствующего Сената от 30 декабря 1799 г. следствие по факту обнаружения фальшивых ассигнаций предписывалось производить секретно и «скороокончательным образом» (т. е. быстро): «через полицию градскую или земскую расспросом приносителей и тех, на кого они будут ссылаться из живущих в этом округе или губернии, и проведением в нужном случае осмотра, где у кого потребно будет, с тем, чтобы полиция о начале следствия рапортовала начальнику губернии, который, если нет сомнений в достаточности следствия, направляет их в банк». Заявители должны

были поклясться под присягой в том, что к производству фальшивых ассигнаций непричастны. Если в ходе следствия они не были изобличены и в своем «поведении одобрены соседями», а в домах их не найдено было соответствующих инструментов, губернатор обращался в Государственный ассигнационный банк с ходатайством об обмене фальшивок на настоящие ассигнации. Задержанных отпускали с внушением, «дабы они впредь в подобных делах были осторожны». Деньги из банка доставлялись по месту требования и выдавались заявителю или его наследнику (за вычетом стоимости пересылки). Сохранившиеся архивные документы (расписки в получении денег) свидетельствуют о том, что механизм работал уже в 1804–1805 гг.¹²

Даже при весьма старательном и добросовестном расследовании выстраиваемая следствием цепочка путалась, выходила далеко за границы той территории, где была обнаружена фальшивка, и чаще всего обрывалась неустановленным лицом или отсутствием доказательной базы. Материалы следственных дел показывают, что в делах такого рода неизбежно был задействован широкий круг лиц – торговых партнеров, родственников, земляков, обеспечивающих хранение, распространение и сбыт фальшивых денег как осознанно, с умыслом, так и без него, просто по неграмотности и невнимательности.

Происхождение фальшивых ассигнаций на территории Оренбуржья не было тайной для администрации края. В секретном письме оренбургскому военному губернатору графу П.К. Эссену от 18 мая 1817 г. министр финансов Д.А. Гурьев подчеркивал, что провоз фальшивых ассигнаций в торговых караванах из Бухары осуществляется давно, главные действующие лица предположительно известны, среди них и весьма высокопоставленные особы. У Гурьева имелись сведения о том, что бухарский посланник в Санкт-Петербурге Бабожан Азисафиров в 1812 г., вероятно, сумел провезти около 130 тыс. фальшивых рублей, следуя из Бухары через Оренбург, Екатеринбург и Сысертский завод в Троицк. В Пресно-

Горьковской крепости его караван обыскали, но ничего не нашли, пропустили далее на Макарьевскую ярмарку. На всем пути следования караван находился под наблюдением, все подорожные платежи проверялись на наличие фальшивых ассигнаций, но безрезультатно. По одной из версий, фальшивые деньги хранились в железном сундуке девицы Александры Турчаниновой в Сысертском заводе Среди сообщников Азисаферова – «известный по богатству» троицкий торговец Закиржан (Шакиржан), казанский татарин Сейфулла Файзуллин, челябинский купец Игнат Ахматов. Примечательно, что последний состоял в родстве со стряпчим, исправником и городничим Челябинска, а также с директором Троицкой таможни. Для дел такого рода идеальный посредник, но связь его с Азисаферовым еще нужно было доказать, для чего П.К. Эссен впоследствии и задействовал своих секретных агентов¹³. Караваны, идущие в центры приграничной торговли – Оренбург и Троицк, – обеспечивали доставку денежного груза именно туда, где проще всего было начать распространение фальшивок, правда, для этого надо было еще купить лояльность местных чиновников, сделать их звеном преступной цепочки. Если учесть, что до 90% товаров, доставляемых караванами из Бухары, продавались в итоге на Макарьевской ярмарке, то распространение фальшивых ассигнаций могло осуществляться на всех территориях по пути следования каравана. Одним из направлений вывоза подделок был также Астраханский порт.

Еще в 1805 г. допрос причастных к громкому делу троицкого исправника С. Вязмитинова, через которого из Бухары «шли во многие руки» фальшивые ассигнации, выявил некоторые детали организации преступного промысла¹⁴. Задержанный приказчик троицкого купца Кадкина татарин Уржумского уезда Вятской губернии Салих Саферов (Ягафаров), выезжавший в Среднюю Азию за товаром и, как выяснилось, за очередной партией фальшивых ассигнаций, показал, что в Бухаре (где собственная денежная система была основана

на обращении золотых, серебряных и медных монет) непосредственно изготовлением фальшивых российских ассигнаций занимались 3-4 человека, работу их тормозил только недостаток годной для такого производства бумаги, бумагу также доставляли с караванами, возвращавшимися из Троицка в Бухару. Местных художников было крайне мало, и работали они весьма топорно. Вероятно, мастеров «импортировали» из России. Есть основания полагать, что промысел практически не прекращался, возникающие производственные проблемы быстро решались при помощи заинтересованных лиц: когда в 1816 г. в Бухаре умер подписчик ассигнаций, с очередным караваном из России прибыли два грамотных татарина, обученных (вероятно, в Казани) хорошо писать по-русски; уже в 1817 г. к отправке в Троицк и Челябинск (через Звериноголовскую крепость) была готова большая партия фальшивых ассигнаций¹⁵.

Троицкий земский исправник титулярный советник Степан Вязмитинов при помощи своих братьев Василия и Якова фактически стал организатором сбыта поступавших из Бухары с купеческими караванами фальшивых ассигнаций, и не только на территории Оренбургского края. Сыск по данному делу пришлось вести на огромном пространстве губерний Оренбургской, Вятской, Пермской, Казанской, Астраханской и в обеих столицах, куда Вязмитинов с сообщниками регулярно отправляли по почте пакеты с фальшивыми бухарскими ассигнациями. Следствию удалось это доказать, хотя фигуранты этого дела вины своей так и не признали, были лишены чинов и высланы, имение Степана Вязмитинова продано с публичных торгов, деньги поступили в Государственный ассигнационный банк¹⁶.

Сложнее обстояло дело с наказанием уличенных в провозе фальшивых ассигнаций «азиатцев». Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский писал министру внутренних дел в 1805 г.: «Наказать сам азиатцев не посмею... но если таковой окажется виновным, следовало бы приговорить его по нашим законам как иностранца,

в Российском государстве не состоящего, за преступление такой важности, которое произошло не от грубости и невежества, свойственного многим азиатцам, но от злого намерения... прошу показать мне способы, коими бы руководствоваться мне...»¹⁷. Однако помимо Высочайшего указа от 25 января 1767 г., предписывавшего оренбургскому губернатору быть осторожнее в отношении наказания азиатцев «за предерзости их», иных законоположений, регулирующих эту сферу, не было. Тем не менее к сообщениям из Оренбургской губернии правительство относилось как к делу государственной важности. Так, уже в связи с делом Вязмитинова активность сыскных действий возросла. В Москве занялись поиском лиц, помогавших ему обменять деньги. В Казани проверялась вся переписка торгующих в Троицке татар. Тщательно досматривались караваны на таможах Оренбурга и Троицка. По рекомендации министра финансов Д.А. Гурьева было организовано негласное наблюдение за таможенными чиновниками, возвращавшимися после встречи караванов в степи. (такое секретное поручение, в частности, в 1817 г. выполнял подполковник Оренбургского отдельного корпуса Стеллих, находившийся в Троицке под предлогом обучения таможенного батальона¹⁸. Все подозрительные ассигнации переосвидетельствовались.

По качеству бухарские подделки уступали «наполеоновкам», но особенно явные признаки их отличия от настоящих появились после усовершенствований, введенных в технологию и организацию производства ассигнаций генерал-лейтенантом А.А. Бетанкуром, испанским инженером на российской службе, и князем А.Н. Хованским.

Еще в декабре 1813 г. министр финансов Д.А. Гурьев представил императору Александру I доклад о необходимости замены ассигнаций на новые и учреждении особого заведения, специализирующегося на проектировании и изготовлении государственных бумаг. Исполнением этого замысла занялся приглашенный на государственную службу в Россию испанский инженер генерал-лейтенант А.А. Бетанкур.

В 1816 г. он приступил к устройству на специально выделенном участке земли на берегу р. Фонтанки Экспедиции заготовления государственных бумаг, которая объединила весь производственный процесс изготовления банкнот и всех бумаг с государственным гербом на ограниченном пространстве (бумажная фабрика, типография, мастерские, казарма для рабочих, помещения для магазина, караула, администрации и квартиры для чиновников и служащих). В августе 1818 г. Экспедиция выпустила ассигнации нового образца, на которых появились серая защитная сетка, которую трудно писать пером и вырезать, обратная сторона (еще простая и однообразная), изображение государственного герба России. Новые ассигнации отличались по формату и цвету: 200, 100, 50-рублевые ассигнации были горизонтальными, 25-рублевая – вертикальной, красные 10-рублевые и синие 5-рублевые ассигнации отличались от всех других, напечатанных на белой бумаге. Бетанкур предложил оригинальный способ размола пеньки, позволявший бумагу «выделять только в крупном предприятии с громоздкими и шумными машинами, которые никак нельзя применять в тайном производстве». Каждому номиналу соответствовали свои водяные знаки более высокого, чем раньше, качества. Это стало возможным в результате разработки еще не известного мировой практике способа формирования водяных знаков путем штемпелевания их на сетке, которую нашивали на черпальные формы. Преимущество этого способа, признанного впоследствии за рубежом, заключалось не только в сокращении времени и затрат труда на вышивание, но и в обеспечении идентичности водяных знаков, что сыграло большую роль в защите ассигнаций от подделки¹⁹. Подпись управляющего банком впервые стала печататься вместе с номером. Вручную ассигнацию подписывал только кассир.

Ассигнации образца 1818–1819 гг. находились в обращении в неизменном количестве (595776310 руб.) до 1843 г., когда они были изъяты из обращения и заменены кредитными билетами в период

проведения реформы министром финансов графом Е.Ф. Канкрином. Денежные реформы, проведенные после 1812 г., способствовали решению проблемы «наполеоновок». Отметим при этом, что острота вопроса в Оренбургском крае сохранялась и в 1830 г., когда министр финансов Е.Ф. Канкрин даже предлагал Оренбургскому военному губернатору графу П.П. Сухтелену увеличить финансирование расходов на борьбу с фальшивомонетничеством, увеличить «награды розыскателям». П.П. Сухтелен, однако, отказался от дополнительных денег, ссылаясь на наличие, «согласно Высочайше утвержденному в 1826 г. штату экстраординарно суммы» (5 тыс. руб. ежегодно), которую губернатор мог использовать при необходимости с последующим возвратом израсходованной суммы из казны²⁰.

Предпринимавшиеся усилия, очевидно, имели смысл, упрощая распознавание «сомнительных» денег. Ассигнации нового образца содержали труднопроизводимые для фальшивомонетчиков элементы, возможности фальшивомонетчиков отставали от темпов технических усовершенствований. Приведем документ из материалов следствия, проведенного в 1821 г. в Оренбурге по факту изъятия фальшивой ассигнации, с описанием явных признаков подделки: «Описание признаков фальшивой пятирублевой ассигнации № 546039. Бумага имеет много скважин и выемок, легко рвется, внутренние знаки явственны, но чрезвычайно грубы и безобразны. Цвет бумаги фиолетовый, наподобие ассигнации прежнего образца. Наружные украшения сделаны чрезвычайно дурно и безобразно, в орле перья, когти, щит с Московским гербом, венки, молния совсем не сделаны,

корона над орлом узка и крива, шеи у орла тонки и безобразны, правое крыло выше левого, по обоим концам крыльев перья слишком много опущены, расположение листов в дубовых и лавровых ветвях совсем другое против надлежащих. Цифра 5 в круглом щите совсем не видна. Пропись слишком приближена к орлу и составлена из неровных и кривых литер, из которых некоторые имеют весьма дурно сделанные точки, а другие и совсем без оных. В слове монетою литеры «м» и «ю» чрезвычайно безобразны, слова «5 рублей» посередине места находящиеся и долженствующие быть на полосатом поле едва приметны, а полосы грубы, широки и неправильны. Подпись управляющего и слово «кассирь» очень приближены к рамке и угольному щиту, содержащему год. Номера малы, щиты, содержащие год печатания ассигнации, сетка по всей ассигнации и угольные украшения совершенно безобразны и не имеют никакого сходства. На обороте ассигнации вместо сетки сделан черный четвероугольник, в котором слово «пять» окружено черною чертою, чего нет в настоящей»²¹.

Образцы российских бумажных денежных знаков этого периода – как подлинных, так и фальшивых – сохранились нередко лишь в единичных экземплярах (особенно крупные 100-рублевые номиналы, «синенькие» 5-рублевые ассигнации в большей степени были доступны населению) в частных коллекциях, часть таких коллекций была утрачена в годы гражданской войны. Редкость первых российских ассигнаций объясняется и тем, что печатались они на тонкой бумаге и быстро изнашивались, при изъятии из оборота их полагалось публично сжигать перед Сенатом.

Примечания

1. Следует отметить, что еще в 1744 г. генерал-прокурор князь Шаховский предлагал ввести в оборот банковские билеты – «цеттели» (нем. das Zettel – записка) взамен обесценившихся медных пятак, но этому воспротивился Сенат. В 1766 г. генерал-губернатор Новгородский, Тверской и Псковский граф Я.Е. Сиверс, немало лет проживший в Европе и изучивший организацию там денежного обращения, вновь поднял вопрос о «цеттелях» и подал Екатерине записку, в которой доказывал необходимость и пользу введения в России бумажных денежных

знаков. На этот раз против оказалось ближайшее окружение императрицы, в том числе генерал-прокурор князь А.А. Вяземский, управлявший финансовыми делами государства. Но в 1768 г. именно он по поручению Екатерины подготовил и вынес на рассмотрение Государственного Совета подробный план выпуска бумажных денег, на основании его предложений и был издан Высочайший манифест 29 декабря 1768 г.

2. Алямкин А. В., Баранов А. Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). – Екатеринбург, 2005. – С. 7–9.

3. Болотский Б. С., Гильмутдинов А. Р., Ларичев В. Д., Солдатенков В. С., Щерба С. П. Фальшивые деньги (фальшивомонетничество); под ред. В. Д. Ларичева. – М.: Экзамен, 2002. – С. 20.

4. Упорные слухи ходили, например, о производстве подделок на демидовских заводах. В 1783 г. по приказу Екатерины были заключены в крепость «на безысходное пребывание» албанские братья-авантюристы графы Аннибал и Марк Зановичи, обвиненные в доставке из-за границы фальшивых ассигнаций. Техническим путем пытался воспроизвести водяной знак корнет Алексей Сомов, среди вещей которого в 1802 г. были найдены специальные приспособления для этого // Режим доступа : <http://www.numlib.ru>

5. Такое название закрепилось в среде коллекционеров. См. подробнее: Маршак М. Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI: Нумизматика. – Л., 1986. – С. 50–64.

6. Французский дипломат, журналист, адвокат и политики Юг Марé (1763–1839). После свержения монархии принял пост в министерстве иностранных дел Франции, был послом Французской Республики в городе Неаполе, был пленен австрийцами и освобожден в обмен на освобождение принцессы Марии-Терезы-Шарлотты, дочери короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты. В 1799 г. стал секретарем Наполеона, затем государственным секретарем. За преданность в 1809 г. получил от Наполеона титул «герцог де Бассанó». В 1811–1813 гг. – министр иностранных дел Франции. В 1834 г. в течение недели возглавлял кабинет министров.

7. См.: Липранди И. П. Еще о фальшивых ассигнациях в 1812 году // Русский Архив. – 1865. – № 7 : материалы для Отечественной войны 1812 г. – СПб., 1867.

8. В 1817 г., когда состоялся последний выпуск ассигнаций данного образца, для скорейшего изъятия фальшивок из обращения ассигнационному банку было подтверждено предписание фальшивые ассигнации, «подделыватели коих уже известны», обменивать на настоящие.

9. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1087; Оп. 3. – Д. 4255. – Л. 3, 9, 11, 78, 166, 187об., 400.

10. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 4255. – Л. 237; Оп. 4. – Д. 7700. – Л. 27.

11. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 3474. – Л. 19.

12. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1087. – Л. 1–2, 12, 17.

13. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 5664. – Л. 1–3, 23, 26, 31.

14. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1359. – Л. 3–8.

15. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 5664. – Л. 1–2.

16. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1359. – Л. 14об.

17. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1359. – Л. 8–12, 20–20об.

18. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 5664. – Л. 15.

19. Филигрань – водяные знаки, наносимые с помощью проволочного изображения, укрепляемого на сетке для отлива бумажных листов (от лат. *filum* – нитка, *granum* – зерно).

20. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 4. – Д. 9714. – Л. 1–3.

21. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 4. – Д. 7700. – Л. 2–2об. При воспроизведении сохранены орфография, пунктуация и стиль документа.

Махрова Татьяна Кимовна, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор исторических наук, доцент.

Тептеев А. Г.

ПЛЕННЫЕ СОЛДАТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ – РОДОНАЧАЛЬНИКИ КАЗАЧЬИХ СЕМЕЙ НА УРАЛЕ

Знаменательная дата в истории России – 200-летие Отечественной войны 1812 года – уже позади. Но интерес к событиям тех далеких лет не проходит, более того, выявляются все новые подробности участия наших предков в той войне, о которой мы, потомки, должны знать и помнить.

Участие в боевых действиях наших земляков – казаков Нагайбацкой и Бакалинской станиц – раскрывается в других статьях, мы же поставили своей целью показать события, происходившие в глубоком тылу, каковым являлся в те годы Оренбургский край.

Листая исторический сборник «Русский архив» (издавался 1863–1908 гг.) в третьей книге за 1896 г. наткнулся на статью П.Л. Юдина под названием «Ссылные 1812 года в Оренбургском крае. Из истории Отечественной войны». Автор писал, что в Оренбургском казачьем войске в конце XIX в. *«насчитывается 48 человек потомков прежних воинов «Великой армии» Наполеона, и сохранились в полной неприкосновенности, не переименованными, только две фамилии французских – Жандр и Ауц. И первых, живущих в Кизильской станице, всего лишь несколько человек. Фамилия же Ауц, наоборот, довольно распространена. Потомков её, не считая выданных замуж дочерей, насчитывается теперь 18 мужчин и 24 женщины».*

В настоящее время фамилия Ауц для жителей села Арси является преобладающей. Для Нагайбакского района в целом это коренная фамилия.

Как же солдат французской армии по фамилии Ауц из далекой Западной Европы оказался на самой юго-восточной ее окраине, принял российское подданство и остался жить в России, где обзавелся семьей, вступил в казачье сословие и стал родоначальником большой российской семьи?

Перед нашествием на Россию Наполеон создал невиданную на то время армию

численностью более миллиона человек. Население Французской империи, в которую входили, либо были в вассальной зависимости многие страны Европы, насчитывало более 50 миллионов человек, поэтому состав армии мог быть легко и за короткий срок увеличен. Списочный состав армии на 15 февраля 1811 г. составлял 648459 человек. Но эта армия оказалась для Наполеона недостаточной для ведения войны с Россией. И в течение 1811 г. она усиленно пополнялась. В конечном итоге так называемая «большая» или «великая армия» достигла невиданных размеров. По национальному составу она почти наполовину состояла из французов, следующими по численности были немцы из Австрии, Пруссии и государств Рейнского Союза, далее шли поляки и литовцы, потом итальянцы, иллирийцы, испанцы и португальцы. Кроме того, в рядах французов оказались датчане и голландцы, швейцарцы и венгры, далматские и албанские пехотные полки и даже эскадрон мамелюков.

Имея точные сведения о расположении войск русской армии, Наполеон принял план, который был предельно прост и состоял в том, чтобы мощными концентрированными ударами разгромить русские армии по частям. Однако им не суждено было сбыться, так как вопреки желанию «гениального полководца» русская армия не пошла в наступление, а отступала вглубь страны, изматывая противника в арьергардных боях, в которых большую роль играли казаки под началом атамана Войска Донского М.И. Платова.

Не увенчалась успехом и попытка не допустить объединения армии М.Б. Барклай-де-Толли и П.И. Багратиона и разгромить их по частям. Даже захватив Москву, армия Наполеона не достигла желаемой цели.

Но нас в большей степени интересуют судьбы солдат «великой армии»:

Итак, в декабре 1812 года российскую границу перешли обратно по разным оценкам от 30000 до 80000 человек. Возникает резонный вопрос: а куда же подевались остальные из более чем 600000 человек? Потери французских войск убитыми в сражениях, по разным данным, составляли от 125000 до 150000 человек, более чем 200000 человек погибло от голода и болезней. Пленными «великая армия» потеряла от 190000 до 200000 человек, в том числе «48 генералов и более 4000 офицеров». Одними из первых пленными французов были солдаты из корпуса маршала Удино, воевавших против Первой западной армией русских. На третий день войны, 15 июня 1812 г., прикрывая отход основных сил, аррьергард под командованием генерал-майора Кульнева захватил «человек 20 пленных». И если первые пленные исчислялись единицами и максимум в пределах двух-трех десятков, то впоследствии численность пленных одновременно попадавших в плен исчислялись несколькими десятками тысяч человек.

Но вот в самом грандиозном сражении Отечественной войны 1812 года, Бородинском, где с французской стороны из 130000 участников погибли 50000 человек, а потери русских составили 57000 погибшими из 113000 участвовавших в сражении, «пленных не брали, с каждой стороны было не более 1000 человек».

Не везло тем, кто попадал в руки крестьян и мещан, так как брать в плен не входило в задачу «простого народа». Свою задачу крестьяне видели только в истреблении врага, что они добросовестно и делали. Много пленных захватывали партизанские отряды, состоявшие в основном из гусар и казаков. Нередко партизанские отряды принимали участие в крупных операциях. Так, 28 сентября 1812 г. отряд генерал-лейтенанта И.С. Дорохова взял городок Верею, который был французами специально подготовлен как опорный пункт в борьбе с народными мстителями. В результате этого боя захвачено в плен «14 офицеров, 350 нижних чинов, трофеем было знамя». А отряд князя Кудашева, который состоял из двух казачьих полков «в числе пятисот человек»

на Серпуховской дороге разбил 6 эскадронов, прикрывавших отряд французов».

Через два месяца, после начала французского нашествия, в августе 1812 г. правительством императора Александра I «поставлены были Правила о пленных». В Правилах определялись маршруты конвоирования пленных, обеспечение их питанием, одеждой и источники финансирования мероприятий, связанных с содержанием пленных. Правила эти, были созданы на основании Указа Императора Александра I от 28 ноября 1806 г. «О продовольствии взятых в плен французов». Данный Указ был подготовлен «вследствие представления генерала от кавалерии барона Беннигсена» главнокомандующего русской армией, воевавшей против французов на территории Польши в русско-пруско-французской войне 1806–1807 годов.

Согласно Указу 1806 г. велено было «всех пленных французов ... препроводить в Гродно», собрав их в особые «партии», и под военным конвоем из Гродно препроводить в губернии «лежащие позади Казани: Вятскую и Пермскую», куда «отправляемы будут одни только нижние чины, а офицеры, какого бы звания ни были, в Симбирск». При отправлении пленных предписывалось «снабжать их одеждою и обувью, сообразно временам года», при необходимости больных и раненых помещать в городские госпитали. Для перемещения пленных предоставлять подводы «на каждых 12 человек по одной обывательской лошади, для тяжелобольных, буде случиться, по одной подводе на двух человек, а под пленных офицеров для каждых двух человек по одной подводе в две лошади». В пути следования и по месту, куда будет определено место жительства пленных, «ни малейшего притеснения или пренебрежения ни от кого чинимо им не было, но притом и того наблюдать, чтоб вели они себя скромно и послушно». Кроме того, «производить... на содержание каждому в сутки: генералам по 3 руб., полковникам и подполковникам 1 руб. 50 коп., майорам 1 руб., капитанам и прочим обер-офицерам по 50 коп., унтер-офицерам – 7 коп., рядовым и нижним нестроевым чинам – по

5 коп. И сверх того, унтер-офицерам, рядовым и нестроевым нижним чинам провиант противу солдатских дач».

В Правилах о пленных 1812 г. были сохранены практически все пункты Указа 1806 г., за исключением места концентрации и маршрутов следования пленнных, и ещё естественно было увеличено количество губерний, куда надлежало переправить пленных, в связи с тем, что «в исходе 1812 г. главные города внутри России переполнились пленниками». К Казанской, Вятской и Пермской губерниям добавились Оренбургская, Саратовская и Астраханская. Кроме того, пленных поляков французской армии отправляли на Северный Кавказ, испанцев и португальцев – в Петербург. А из числа пленных, которые стали «изъявлять желание вступить в русскую службу», формировались батальоны в городах Орел, Петербург и Ревель.

В целом пленные вели себя спокойно, но были и случаи когда «они отбивали пики у конвойных крестьян и ратников и скрывались», были и побеги, совершаемые без насилия над конвоирами, просто воспользовавшись «лишь случаем».

Но несмотря на предполагаемые и принимаемые меры для облегчения участи пленных, как отмечали военные историки – исследователи Отечественной войны 1812 г., Российское государство, ведя войну, «где и Русская армия с нуждой имела пропитание, а иногда бывала без хлеба», просто не смогла «физически» обустроить такое количество пленных. Многие гибли при переходах «до мест, не разоренных» войной, когда местное население из ненависти к неприятелю «больных и истомленных выкидывали с подвод на поля и в снег». После изгнания неприятеля за пределы страны «сострадание взяло вверх над ненавистью к врагам, и русское добродушие спасало их от неминуемой смерти». Но период «сострадания и добродушия» продлился недолго, среди пленных начались эпидемии «злокачественных и прилипчивых болезней», что вынудило местное население не допускать пленных в деревни и города. Вся помощь, которую смогли организовать

местные власти по мере продвижения вглубь страны, «что пленных ставили на ночлеги в нежилых избах, и как можно далее от обывателей, запрещали им всякое сообщение с поселянами, окуривали их, сжигали трупы и одежду умерших».

Но некоторым пленным везло необычайно и, наверно, таких случаев было множество и только по одной причине, что как писал один из первых исследователей судеб пленных солдат армии Наполеона в России П.Л. Юдин, «так как у нас в то время сложилось убеждение, что каждый француз, кто бы он ни был, непременно человек образованный. И каждый надеялся в лице пленного француза иметь дарового учителя французского языка и «всем прочим наукам».

Далее же приведем, выдержку из статьи вышеуказанного автора из «Русского архива» за 1896 год: «Один помещик Тамбовской губернии, поручик Тамбовского полка Пушкин, возвращаясь с «Борисовского сражения», по дороге захватил какого-то француза, почти уже замерзшего, и привез его к себе в деревню, куда ехал для поправления здоровья вследствие полученной им в сражении раны. Его (имеется в виду француза) обогрели, накормили, одели и отвели отдельную комнату. Пленник жил в полном довольстве, какого вероятно не видел и в своей счастливой Франции. С поручиком Пушкиным они скоро сделались неразрывными друзьями: вместе ездили к соседям-помещикам и вместе устраивали шумные оргии и попойки. Часто под воздействием винных паров друзья вступали в примерное сражение или, выражаясь официальным языком, «совершали схватки, как бы на войне». И не вытерпев «сражения двух храбрых воинов» мать поручика Пушкина, обратилась с жалобой в Петербург на то, что ее «сын, поручик Пушкин, ведет себя непристойно, и с ним в буйстве и пьянстве участвует пленный француз Демутье». В ответ на жалобу на имя Тамбовского губернатора пришло распоряжение «за надлежащим караулом препроводить Демутье на жительство в Оренбург, а поручику Пушкину немедленно явиться в свой полк».

По данным современного историка В. Сироткина, к лету 1814 г., пленных в Оренбургской губернии было около тысячи. Он же утверждает, что из 200000 пленных к концу 1814 г. «не менее ста тысяч солдат и офицеров осталось в России. Из них не менее 60 тысяч перешли в подданство России – больше, чем вывел из Русского похода Наполеон». Отыскал следы «великой армии» В. Сироткин во многих частях России: от Кубани до приполярного Сыктывкара и даже в таежной глуши Алтайских гор. По мнению исследователя, подавляющее большинство из находившихся в Оренбургской губернии пленных составляли немцы.

14 декабря 1814 г. был издан Манифест, по которому «все пленные французы были освобождены», что дало им возможность вернуться на Родину. Но были и такие, которым «так понравилось житье в России, что они пожелали остаться в ней навсегда и приняли русское подданство». Находившиеся в Верхнеуральском уезде французы Антоний Берг, Шарль-Жозев Бушен, Жак-Пьер Бинелон, Антон Виклер и Эдуард Ланглуа были зачислены в казачье сословие Оренбургского казачьего войска. По имеющимся сведениям известно, что в казаки просились итальянец Антон Брего и француз Будье.

Более длительным оказался путь в казачье сословие солдата французской армии, этнического немца Вильгельма Гаутца, записанного как Аутц. По утверждению одной из представительниц рода Ауцев в семье бытовала легенда, что из фамилии была «утеряна» одна буква. Но, как оказалось, «потеря» была более значительной и составляла не одну, а две буквы.

Когда и где попал в плен Вильгельм Гаутц, вряд ли удастся сейчас установить. Но как бы то ни было, оказались он и ещё четверо его сослуживцев «Филипп Юнкер, Лейнар Жи?ец (буква в документе нечитаемая), Петр Пац и Миллер Овилер» в слободе Верхняя Кармалка, что в Бугульминском уезде Оренбургской губернии. Зачислили их по обычаям и правилам первой половины XIX в. в «число государственных крестьян».

«Илья Кондратьевич», так, по утверждению П.Л. Юдина, на русский манер величали

Вильгельма Гаутца, «женившись на крестьянской девушке Татьяне Харитоновой», имел четверых детей: «сыновою Симона и Ефима, дочерей Екатерину и Анну». И Филипп Юнкер также имел четверых детей «сыновою Рикса и Павла, дочерей Варвару и Александру».

Перед тем, как стать казаками, Юнкер и Гаутц получили согласие жителей Верхней Кармалки на переход их из сословия государственных крестьян в разряд «белопахотных солдат». Но прежде чем зачислить их в «солдатские малолетки», губернатор Оренбургского края Эссен велел узнать у претендентов, «желают ли они в казаки», так как «все солдатские малолетки назначаются в казаки и в скором времени должны быть причислены к Оренбургскому войску». Когда был получен положительный ответ, «Эссен о таком желании немцев, донес министру внутренних дел», который сообщил, что ни военный министр, ни министр финансов не против «перечислению» казенных поселян в казачье сословие Оренбургского войска. И 26 мая 1834 г. от них были отобраны подписки в том, что «отношение Оренбургского военного губернатора о непротивлении нам на перечисление себя в состав казаков выслушали, в чем на немецком языке и подписуемся».

А с весны 1843 г. длинные вереницы обозов «с 1892 семейства белопахотных солдат и солдатских малолетков из Бузулукского и других уездов потянулись на земли заселяемого Новолинейного района.

В числе «205 белопахотных солдат и малолетков», поселившихся в станице с «предполагаемым названием Арси» и «месте, предназначенном для водворения под № 24 6-го полкового Округа», была и семья Ильи Ауца, который через десять лет после переселения «в 1853 году с именем Василия принял православие», став родоначальником большой славной русской семьи Ауцев. И если к концу XIX в. П.Л. Юдин насчитал «без учета выданных замуж дочерей, 18 мужчин и 24 женщины», то к началу XXI в. одна из представительниц рода Ауцев установила уже более ста прямых потомков казака Оренбургского казачьего войска Василия Кондратьевича Ауца.

Тептеев Александр Григорьевич, историк-краевед, Нагайбакский район Челябинской области.

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «Правопорядок: история, теория, практика»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **8-15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание и перевод своей статьи редакции.

Требования к оформлению статей

- Редактор – **Microsoft Word (.doc)**;
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны);
- Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до **12**;
- Абзацный отступ («красная строка») – **1,25 см**;
- Межстрочный интервал – **полуторный**;
- Выравнивание текста – **по ширине**;
- Автоматическая расстановка переносов;
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»).

При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная арабскими цифрами.

Для размещения статьи в нашем журнале к рукописи необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Аннотацию (от 3 до 5 строк) и список ключевых слов (от 4 до 7 слов).
3. Анкету автора по представленной ниже форме.
4. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензию, подписанную рецензентом и заверенную печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).
5. Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: 454081, г. Челябинск, ул. Артиллерийская, 100, Факультет ПСПО ЮУрГУ, редакция журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика, и на E-mail: pravoporyadok74@bk.ru; тел.: 8 (351) 243-05-25.

После предоставления полного комплекта заявки редакция в течение 10 (десяти) рабочих дней сообщит Вам о принятом решении и вышлет Лицензионный договор. В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал, имеющий характер рекламы.

Редакция журнала

Сведения об авторе(ах)

ФИО (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Дата

Подпись

ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

*И.И. Иванов,
к.ю.н., доцент кафедры ГПД
ЮУрГУ, г. Челябинск
Ivanov@mail.ru*

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ

Аннотация. В статье рассматриваются.....(от 3 до 5 строк)

Ключевые слова: (от 4 до 7 слов)

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст [1, 75]. Текст. Текст.
Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
Текст. Текст.

Примечания

10. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой.
– 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 912 с.